

Михаил Манзон
ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

МОСКВА 2019 Г.

Это было недавно, это было давно

Оглавление

Вместо пролога	5
О моих родителях	8
Моя еврейская семья	11
1949 – 1951	18
Беззаботное детство	21
Школьные годы	28
Апрель 1961.....	38
Ансамбль баянистов.....	41
Ах, эта сладкая малина.....	45
Урок дяди Лёши.....	49
Воспоминания со светлой улыбкой.....	51
И ведь такое было!	60
О мастере.....	65
Мой дедушка Файва	72
Ода квашеной капусте бабушки Раи	75
1963 год. Я – студент МИХМ’а.....	80
Вхожу в настоящую студенческую жизнь	88
КВНщик первой волны	91
О скромном вкладе в олимпийские медали	95
Большая химия.....	105
Лейтенант химических войск.....	110
Защита диплома и прощание с институтом	119
Начало инженерной биографии	120

<i>Это было недавно, это было давно</i>	
Моя счастливая судьба.....	126
Мы стали родителями!	138
Новое амплуа.....	149
Путь на историческую родину	162
Лёва Алотин и земля обетованная	174
А эта свадьба пела и плясала.....	180
Мой поход на биржу.....	188
Гриша Швец – солдат КПСС	199
Муха на партсобрании	211
Свадьба без жениха	217
О старших братьях.....	228
О милой дочери моей теперь пойдёт отца сказанье.....	260
Уход в вечность	269
Я вновь успел понять Знак Судьбы	274
Глава последняя, но для меня важная, пусть даже не очень скромная	280
Ещё фотографии из семейного архива	289

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В нашей жизни, в жизни наших родителей, бабушек и дедушек, близких и дорогих нам людей есть большие события и маленькие эпизоды, которые, будучи сохранёнными в памяти, а ещё лучше, перенесёнными на бумагу, с течением времени складываются порой в удивительные и очень ценные картинки.

К сожалению, растворяются и уходят из памяти имена, даты, неповторимый быт, уклад жизни, радости и печали тех, кого уже нет сегодня. А мы ведь могли спрашивать, но из-за их скромности, или по нашей беспечности, а то и равнодушию, не узнали так много важного и интересного.

Я никогда не думал, что часто рассказывая истории из своей жизни, буду когда-нибудь их записывать. Скорее всего, это никогда бы и не случилось. Но вот летом 2017 года, внемля долгим и настойчивым увещаниям родных и друзей – многолетним слушателям моих устных мемуаров, я

Это было недавно, это было давно

‘обмакнул перо в чернильницу’ – то есть, сел к компьютеру.

Наверное, ещё и потому, что в начале года, помогая жене в издании её очень интересной автобиографической повести и книги стихов, я, кажется, начал чувствовать прелесть литературного творчества и постепенно стал доходить до писательской кондиции.

Первые зарисовки вызвали одобрения даже тех, кого я считал безнадежными скептиками. Уж если дети – Саша и Ира, мои принципиальные критики, одобрили эти пробы пера и призвали писать дальше, то я понял – всё делаю правильно.

Надеюсь, что когда-нибудь взрослые внуки и их дети прочтут эту книгу, вспомнят меня с улыбкой, задумаются и, прибавив своё, допишут историю нашей замечательной семьи. И в этой памяти поколений будет продолжение жизни.

Прежде, чем это автобиографическое повествование обрело форму книги, мои друзья и семья проделали вместе со мной большую работу.

Вместо пролога

Я хочу выразить глубочайшую признательность и сердечную благодарность:

- *моему другу Александру Новаковскому за трудоёмкое техническое редактирование печатного материала и ряд ценных советов и подсказок;*
- *моему другу Александру Эйгину, который на протяжении многих лет вёл фотолетопись нашей семьи, за помощь в восстановлении старых семейных фотографий и монтаж цветных снимков;*
- *моей супруге Алле Зохиной, которая явилась Музой моего первого литературного труда и стала строгим, но вместе с тем объективным критиком и редактором ряда глав;*
- *моей дочери Ирине за проявленный интерес к истории семьи, важные уточнения и корректуру текстов.*
- *моему сыну Александру, без внимания и финансовой поддержки которого эта книга не смогла бы появиться в таком издании.*

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

7 сентября 1933 года в Мещанском ЗАГСе Москвы актом №2943 был зарегистрирован брак между Манзоном Наумом Симховичем и Алотинной Еленой Файвусовной. Маме 18, папе 25 лет. Первым местом семейной жизни стала съёмная квартира на Никольской улице, дом №17. Папина зарплата уже тогда позволяла снимать квартиру рядом с Красной площадью и Кремлём. Как вспоминала мама, она вышла замуж в ситцевом платье и парусиновых туфлях. Это был практически весь её гардероб. В 1935 году папа получил за внедрение своего изобретения на часовом заводе большую по тому времени премию в 700 рублей. Эти деньги были использованы для покупки дома в посёлке Вешняки – в те годы это был дальний пригород Москвы, ничем не отличавшийся от обычной деревни.

До войны мама несколько лет работала в артели по ремонту оптики. 30 июля 1941 года она с пятилетним Аликом и беременная Гришей была эвакуирована в удмуртское село Каракулино. После войны и моего в 1946 году рождения мама целиком посвятила себя семье

и дому. С нами жили её родители. Все прелести жизни в доме без малейших удобств не оставляли никаких шансов не только для интеллектуальных занятий, но даже просто для нормального отдыха. Мои родители прожили вместе 60 лет. За все эти годы они один раз в 1958 году (на серебряную свадьбу) съездили на две недели в Кисловодск. И больше никуда и никогда не выезжали. Папа всю жизнь очень много работал, на маме был дом. Они никогда не были в театре, никогда не видели моря. С появлением в нашем доме телевизора мама с папой изредка в него заглядывали.



Маме 15 лет



Она через полвека

Это было недавно, это было давно

У мамы было 8 классов образования, но она была абсолютно грамотной, писала большие подробные письма нашим многочисленным родственникам в Ленинград, Баку, Караганду, Пермь, Харьков, Смоленск, Кемерово. У неё был идеально разборчивый почерк, писала без ошибок. А ещё мама обладала очень красивым тембром голоса и хорошей дикцией. С такими данными она с успехом могла бы быть диктором на радио. В паре с главным голосом страны Юрием Левитаном она бы слушалась очень хорошо.

Мама вкусно готовила, (из трески по 56 копеек за килограмм могла приготовить до десятка разных вкусных блюд), умела шить и ремонтировать одежду, радушно принимала гостей, которых у нас всегда было много. К нам часто приезжали из других городов по два, а то и больше родственников. Всех надо было накормить и уложить спать, часто даже на полу, но мягко и тепло.

Называя нас, троих сыновей, нежно – Мишенька, Гришенька, Алинька, никогда не сюсюкала, не употребляла слов типа *солнышко, зайка, рыбка, птичка* и т. д., но была очень заботливой и беспокойной за нас, за папу.

МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

К нашей еврейской семье, действительно, практически все и всегда относились уважительно. Папа более шестидесяти лет проработал слесарем-инструментальщиком и был в своём деле уникальным специалистом, без преувеличения можно сказать – академиком. Жили мы в деревянном доме с керосинками, примусами, дровами, углём, туалетом в глубине двора и колодцем в самом конце Коммунистической улицы, состояние которой вселяло ужас в пешеходов, не говоря уже о шоферах. Мои дедушка Хайм-Файвус Пинхасович Алотин и бабушка Рися Абрамовна, в девичестве Храковская, родились в 1886 и 1892 годах, познакомились в Конотопе и поженились в 1913 году. В 1915 у них родилась моя мама Лена, в 1919 – дядя Лазарь, а в 1921 – тётя Фира. Бабушка с дедушкой после покупки папой дома в Вешняках приехали к молодым и прожили в этом доме до конца жизни. Папины родители умерли до войны. Этот дом прослужил нашей семье до 1964 года и был снесён при прокладке метро в Выхино.

Это было недавно, это было давно



Дедушка с Бабушкой – 1913 г.



**1933 год. Бабушка, дедушка Фира, Лазарь,
мама (18 лет), папа (25 лет)**

Это было недавно, это было давно



1941 год – (весна)

В этом доме в 1936 родился старший брат Алик, а в 1946 году родился я. Нашего среднего брата Гришу мама родила в ноябре 1941 года в эвакуации в Удмуртии, в деревенской избе с земляным полом. Я, конечно, был рождён не дома, а недалеко – в Перово. В роддоме акушерки меня так запеленали, что ступню одной ноги завернули на 180 градусов. Когда меня принесли маме и показали, она рыдала два дня. Сердобольная нянечка пыталась её утешать: «Чего так убиваешься? Это ж не девка, и такого, Бог даст, женишь!». Вот уж действительно, Бог дал старенькому фельдшеру этого роддома ума смастерить маленькое приспособление, и через две недели меня с мамой выписали с полностью выправленной ногой. Какой именно, я никогда не знал.

Это было недавно, это было давно



Лето 1947 года.

Наш дом стоял в ста метрах от станции Вешняки Казанской железной дороги. Надо ли говорить о том, какой грохот она производила. По четырем путям почти непрерывно летели в обе стороны электрички, поезда дальнего следования и товарные составы. В начале пятидесятых составы таскали исключительно паровозы, из труб которых валил чёрный дым. Копотью покрывалось абсолютно всё. Зимой снег бывал белым не более получаса. Но мы жили в подмосковном посёлке, который считался дачным и, действительно, был очень зелёным. Весной густые заросли сирени своим ароматом забивали даже запахи паровозов.

А все наши многочисленные родственники в основном жили в московских коммуналках и главным их воскресным желанием было приехать, как они говорили, на дачу к Науму с Леной. Телефонов ни у них, ни тем более у нас, понятно, не было. И вот в воскресенье – тогда был один выходной день – к нам навевывалась родня: Фира с Лёвой, с тремя дочерями и бабушкой Дорой Львовной, Лазарь с Симой и двумя дочерями, папины братья Яша и Володя с женами и детьми, Лиза с тетей Соней и двумя сыновьями. И всех моя мама умудрялась принять и угостить, и детей и взрослых, да и с собой дать что-нибудь из выпечки. А с ноября по апрель включительно – непременно квашеную капусту (банки для неё наши родственники никогда не забывали, собираясь к нам). Это при наших-то удобствах! Даже посуду вымыть после такого количества гостей было не просто. Двоюродная сестра Лиза говорила маме: «А что? Ты же не работаешь!?!»

1949 – 1951

Именно с этого времени моя память стала удерживать и сохранять эпизоды из жизни нашей семьи. Достоверность моих воспоминаний о событиях, случившихся, когда мне было три-четыре года, не раз подтверждалась моими родителями и старшими братьями.

То, что первые три года моей кроватью являлось оцинкованное корыто, я не помню, но то, что в этом корыте меня купали лет до семи, помню прекрасно, а вот деревянную кровать, которую для меня смастерил наш сосед – плотник Кирилл Лапаев, даже сейчас, когда пишу эти строки, хорошо вижу в момент её установки и качания на закруглённых поперечных полозьях.

Помню, как его жена тётя Тоня приходила к нам посмотреть и согласовать с мамой мебель, которую они, как добрые соседи, смогут забрать после нашего скорого, как ей стало известно, выселения на Дальний Восток вместе со всеми евреями в наказание за дела врачей-вредителей. Вскоре эта информация прозвучала от нашей соседки Варвары Сергеевны, которая дружила

с моей бабушкой: «Раиса Абрамовна, слышали? Нюркин муж в милиции работает, вчера сказал, что всех ваших скоро в Биробиджан отправят за то, что врачи-евреи наше правительство отравить хотели. До самого товарища Сталина чуть не добрались! Вредителей всех арестовали, и они уже сами во всем признались». И с искренней горечью добавила: «А вот Вашу семью очень будет жалко, Вы, хоть и евреи, но люди хорошие, работяги, не пьете как наши, прости, Господи!»

Неделей раньше я нечаянно толкнул этажерку, на которой стоял бюст Вождя и Учителя (такие полагалось иметь в каждом доме), и случилось самое страшное – *Он* упал и разбился! Бабушка ночью закапывала осколки на огороде на глубину больше метра. В доме повисло тягостное ожидание чего-то нехорошего. Но пронесло. Варвара Сергеевна, добрая женщина лет семидесяти, пекла очень вкусные пирожки с капустой и всегда приносила несколько пирожков нам. А моя бабушка, когда готовила «гефилте фиш» – фаршированную рыбу, всегда угощала соседку, тем более, что зять Варвары Сергеевны был заядлый рыбак, все выходные проводил на реках и озерах с удочками. Он всегда привозил много разной рыбы, и бабушка у него покупала больших щук для еврейских праздников. Когда Валентин впервые

Это было недавно, это было давно

попробовал *гефилте фиш* из своих щук, он с блаженным выражением лица сказал: «Вот засранцы, ещё говорят, что евреи –



Мы с папой. 1950 год

БЕЗЗАБОТНОЕ ДЕТСТВО

Сказать, что моё дошкольное детство было наполнено чем-то особенно интересным, я не могу, поскольку в этот период я был просто наблюдателем уличных забав моих братьев, которые занимались абсолютно всем, что можно было придумать в нашем убогом посёлке: от игры в футбол тряпочными мячами, стрельбой из самодельных луков и рогаток, катания на санках и коньках (у нас на чердаке хранились «гаги», которые прикручивались к валенкам верёвками), до азартных игр «Пристенок» и «Расшибец», требующих ловкости и наличия монет разного достоинства. Из игрушек у меня была пирамида с крашенными деревянными кольцами, набор пуговиц, которые я складывал в коробочки из-под леденцов, противогазная маска и круги из печки, которые я летом без устали гонял по улице проволочной клюшкой с загнутым особым способом концом.

С пяти лет дедушка стал готовить меня к школе: научил читать и считать (поэтому в первом классе мне уже было скучно). С этого же возраста он стал меня

Это было недавно, это было давно

учить забивать гвозди, вытаскивать и распрямлять их, пилить ручной ножовкой сучки на дрова и строгать доски рубанком, что доставляло мне большое удовольствие. Длинными зимними вечерами бабушка, управившись с домашними делами и накормив дедушку, пришедшего с работы, играла со мной в лото, или, за вознаграждение в виде варенья, поручала мне выбирать соринки из гречки и пшена, которые в нашей семье, состоящей из семи человек, употреблялись в больших количествах.



Я, мама и Гриша



1954 год

За зиму я умудрялся по два-три раза простужаться, так как, катаясь с горки на заднице, набивал полные валенки снега, а мои варежки и шапка часто оказывались в сугробе. На следующий день поднималась температура, и мама отправлялась в поликлинику вызывать мне врача на дом. Наша детский участковый врач, милейшая, немолодая и всегда с грустными глазами Клавдия Ивановна Смирнова жила в самом конце Коммунистической улицы с дочерью в ветхом доме, где сильно пьющие соседи терроризировали её, постоянно клянча деньги на водку.

Это было недавно, это было давно

Совершая ежедневные долгие походы по вызовам, пробираясь по колдобинам и отбиваясь от собак, Клавдия Ивановна старалась приходить к нам последним визитом, и даже я уже тогда понимал почему. Моя мама, видя усталую Клавдию Ивановну, усаживала её поудобнее, поила чаем с вареньем, потчевала своей выпечкой и терпеливо выслушивала грустные рассказы о трудной жизни и многочисленных болезнях, которыми наша докторша сама страдала. Минут через сорок, отдохнувшая и разомлевшая, она трогательно прощалась с мамой, а мама, очень стесняясь, робко спрашивала: "Клавдия Ивановна, Вы Мишу не посмотрите?" Та, охая, возвращалась, открывала свой саквояж, извлекала бланки для рецептов и выписывала лекарства, о которых мама сама прекрасно знала.

Вспоминая эти и более поздние визиты участковых в наш дом, я только в зрелом возрасте понял смысл церемонии, которую моя мама выполняла с завидным постоянством. Поскольку мытьё рук при посещении больных у наших эскулапов не считалось нужной процедурой, и возможно, веруя в теорию о том, что *зараза к заразе не пристаёт*, они запросто могли, придя от гриппозного больного, залезать пальцами в рот гипертоника. Не желая безропотно подставлять семью

под новую хворь, мама встречала врачей с чистым полотенцем в руках и любезно, но настойчиво указывала на рукомойник, который заранее наполняла водой до краёв. Устоять перед таким недвусмысленным приглашением на моей памяти не смог ни один врачеватель.

Из летних воспоминаний, конечно же, это постоянные нашествия многочисленной родни, сирень, которую можно было ломать и собирать в огромные букеты всем знакомым и просто прохожим (благо наша калитка всегда была открыта, а собака надёжно привязана у сарая) и полный двор друзей моих братьев, качающихся на турнике или играющих в карты в тени могучих лип. А когда поспевали у соседей «китайка» и боярышник, то хорошо помню полные опасности вылазки за горстью этих плодов, поскольку соседские собаки спускались хозяевами с цепи при малейшем подозрении в посягательстве на их урожай. Надо сказать, что и наши сливы, вишня и смородина тоже часто подвергались опустошительным набегам соседских пацанов.

В общем, всё в наших Вешняках было очень мило, обоюдно и ни кем не воспринималось трагично. Наш

Это было недавно, это было давно

дом и двор по сравнению с бараком и сараями, которые были напротив нас, считались просто райскими. Мне иногда доводилось бывать в этом бараке (в нём у меня было трое друзей). Там, как у Высоцкого, – «все жили очень скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток...» у них была за сараями всего одна уборная.

Про обитателей этого барака можно вспомнить много интересного, особенно помню то, что пьяницы выгоняли своих несчастных супружниц за водкой даже по ночам. Особенно отличались по этой части Витька Пономарев и дядя Митя – горбатый портной с первого этажа. Жители барака построили рядом сарай, где держали свиней, а Митя был специалистом по части их резать. Эту работу он делал с ритуальным вдохновением, выпивая не менее двух стаканов водки и запивая её стаканом горячей крови убиенной свиньи. Говорил, что это для омоложения организма. Будучи очень ревнивым, ходил вечером встречать на станцию жену тетю Шуру, и не дай Бог ей разговаривать с мужчиной. Митя, когда был пьяный, а пьяный он был частенько, тут же грозился его зарезать. И однажды до обморока напугал жену, явившись встречать её на

станцию, сильно залитый кровью только что зарезанной свиньи.

Особой примечательностью нашего посёлка была пивная у станции, где посетители могли выпить водку в розлив и закусить бутербродом с красной и чёрной икрой, колбасой, сыром по цене от 10 до 15 копеек. Очень хорошо шло пиво с водкой в пропорции два к одному (пьяницы с удовольствием напоминали друг другу, что пиво без водки – это деньги на ветер). И надо сказать, что эту пивную часто посещали совсем даже не пьяницы, а вполне нормальные мужчины, иногда даже со спутницами. Безобразие творилось рядом, ближе к пивной бочке, у которой собиралась шпана со всей округи. Постоянную ругань и драки мог решительно пресекать только участковый – единственный милиционер в звании старшины, фронтовик. Пьяницы его боялись, так как старшина волочил их в обезьянник и здорово поколачивал.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Но вот настал 1953 год. Пятого марта из чёрного картонного круга репродуктора, который никогда у нас не выключался, раздался скорбный голос Юрия Левитана, возвестивший о большой еврейской радости – успении верного продолжателя ленинского дела, генералиссимуса и корифея всех наук. Звучали траурные марши, повсюду слышались рыдания и причитания, на улицу выходить было опасно - прошёл слух, что вождя отравили, и ясно дело, кто именно. До массовых погромов не дошло, но несколько дней было страшно – в магазинах, в электричках и городском транспорте было много нападений и избиений людей со специфической внешностью. Через месяц стало чуть спокойней, но до самой осени евреи старались меньше попадаться на глаза, особенно подвыпившим гражданам.

А в сентябре я стал первоклассником. Первый школьный день мне запомнился только одним печальным эпизодом. В мой довольно вместительный портфель мама кроме букваря, пенала и тетрадок положила большое ярко-красное яблоко, которое мне

полагалось съесть на перемене. И вот после первого урока прозвенел звонок, я вышел в коридор, пристроился для конспирации у окна за большим фикусом и с удовольствием приступил к пополнению витаминами своего юного, натрудившегося за сорок пять минут организма. По-моему, на пятом или шестом укусе вкуснейшего фрукта, не отъев даже его половины, я услышал длинный звонок и увидел, что моя соседка по парте, запихивая за щёку конфету, быстро побежала в класс. Я растерялся – съесть яблоко за минуту невозможно, спрятать его некуда, показывать ребятам неудобно – такого ни у кого не было. Сразу за фикусом был туалет для мальчиков. Единственное, что пришло в голову – до сих пор обидно – выбросить такую вкуснотищу и красотищу в мусорное ведро с хлоркой, которой в нашей школе обильно засыпали приёмные отверстия в цементном полу туалета. От жуткого запаха этой хлорки у меня, да и у других ребят, всегда при посещении этого заведения краснели глаза и выступали слёзы. Но для тех, кто втихаря покуривал (один куряка затягивался, другой стоял на *атасе* у двери), это было очень даже хорошо потому, что хлорная известь погашала папиросный дым. Некоторые мои одноклассники начали курить уже в пятом классе, а два

Это было недавно, это было давно

второгодника даже краденое из дома вино из детских бутылочек потягивали.

В нашем первом А классе было около тридцати учеников – почти поровну мальчиков и девочек. Два татарина и пять евреев: Фридлянд, Дункерс, Манзон и двое с фамилиями Котляренко и Персов. Правда, при их внешности уж лучше было быть Рабиновичами. Четверо были отличниками и хорошистами, я до пятого класса был круглым отличником – для меня четвёрка в тетради или дневнике была редкостью. По итогам за четверти и годы – только пятёрки. Появление в пятом классе других отметок, скорее всего, было связано с вольнодумством и желанием нравиться девочкам – на моей голове уже было какое-то подобие причёски – в четвёртом разрешалось на стриженных головах оставлять маленькую чёлку, а в пятом уже можно было не стричься наголо, а носить короткие волосы. При этом никого не смущали аккуратные заплатки на форменных школьных брюках и гимнастёрках. Девочкам были положены косы и чёрные фартуки. Ну и само собой – все ходили в пионерских галстуках – без них пионеров в школу не пускали.

В пятый класс я пошёл, когда в Москве отшумел Всемирный фестиваль 1957 года. Его влияние на всю дальнейшую жизнь моего поколения было колоссальным. Даже у нас в Вешняках появились стилиги в брюках-дудочках, и мой брат Гриша приобщился к их братству через пошив брюк шириной 17 сантиметров, что вызывало у пожилых тёток злобное шипение. Вместе с ним в узкие брюки облачились Медок Абдурахманов – закадычный друг, который жил на Советской улице, и Изя Гуллер с Коммунистической (в зрелом возрасте – вылитый Генри Киссинджер). Но самым революционным событием стало то, что на Кусковской танцверанде (недалеко от нас – 20 минут пешком) музыканты на свой страх и риск стали играть вместо вальсов, кадрилей, фокстротов и танго – рок-н-рол и твист. Танцующие всё смелее стали выписывать ногами и руками ранее невиданные кренделя, правда особенно боевых быстро усмиряли, а то и выводили с веранды комсомольские патрули и милиция.

Но буржуазная зараза, как писали тогда газеты, не сдавалась и коварно засасывала советскую молодёжь в своё гнилое болото. Я в это время уже почти год как пиликал на аккордеоне-четвертушке и почти правильно

Это было недавно, это было давно

подбирал новомодные мелодии типа «Бесамэ мучо», «Два сольди» и «Под крышами Парижа». И в этом же 57 году мне купили аккордеон «Баркарола» 3/4. Он стоил сумасшедших денег – 2100 рублей – двухмесячная зарплата молодого инженера! Эта покупка, как и телевизор «Темп 2», не обошлась без поддержки моего дяди Лазаря, который получил компенсацию за безвинно проведённые в воркутинских шахтах годы. Он был полностью реабилитирован с возвращением медалей и звания Ветеран войны.

Самодетельные занятия музыкой тем не менее не отвалили меня от традиционных забав моих сверстников – игр на деньги «Пристенок» и «Расшибец», в карты («Бура», «Кинг» и «Очко»).оборотный капитал для игр представлял собой увесистую кучу мелочи, которую я извлекал из свињи-копилки (такие продавались на рынках и были почти у всех), а потом умножал его, будучи довольно успешным игроком. В шестом классе я начал собирать почтовые марки и монеты разных стран, а когда упробил купить мне фотоаппарат «Смена 2», стал очень азартно и успешно заниматься фотографией, много снимал нашу семью и всех родственников. Большинство снимков сохранилось в довольно приличном качестве. Проявлял плёнки и печатал

фотографии только сам, запираясь в тёмном чулане. Позднее соорудил себе во дворе для этих целей из фанеры и досок летнюю резиденцию – шалаш.



В шестом классе нам разрешили короткие причёски

На дворе был 1959 год. Из армии вернулся мой старший брат Алик. Он служил в Спасске Дальнем, это на берегу Охотского моря. В воинской части он, призванный в 1955 году, был единственным солдатом с образованием 10 классов. Закончил службу в звании старшего сержанта с несколькими отличными значками, грамотами и благодарственным письмом командира части родителям (тогда это было очень почётно). Гриша

Это было недавно, это было давно

работал на заводе строгальщиком и готовился к призыву на службу.

В седьмом классе начинают разворачиваться интересные события. Я, продолжая получать хорошие оценки, начал втягиваться в различные акции, направленные на противодействие некоторым нелюбимым учителям. А учили нас и такие, которых всегда вспоминаю с благодарностью, и такие, которые практиковали средневековые методы воспитания.

Вот, например, учитель географии Владимир Иванович Олесов (по кличке Геббельс) так колотил двухметровой указкой по головам отвлекающихся, что половина класса вполне могли стать идиотами не только в области географии. Директор нашей школы Николай Дмитриевич Громов скручивал некоторых шкодливых учеников в позу горбуна Квазимодо и пинком ноги выставлял из класса. Очень оригинально действовала учительница математики Серафима Дмитриевна Боровик. На её требования дать дневник для записи замечаний о поведении или выставлении двоек некоторые, боясь отцовской порки, говорили, что забыли дневник дома. Серафима брала портфель отказника, вытряхивала всё содержимое на пол,

разгребала всё добро мужским ботинком сорок второго размера и радостно восклицала: «А вот он, наш дневничок! Ты, значит, забыл его, баран недоделанный?». Но всех превосходил по свирепости наш учитель физкультуры, контуженный на фронте Алексей Алексеич. Он в гневе выворачивал уши дурачившихся мальчишек так, что они пару дней потом были цвета наших пионерских галстуков.

Справедливости ради надо сказать, что многих из нас только так и можно было заставить вести себя нормально и не мешать вести урок. Так что радикальные методики дореволюционной бурсы, описанные классиками, в нашей школе забвению не предавались. Я лично до сих пор стыжусь своей, как мне тогда казалось, остроумной идеи, которая чуть не довела до сердечного приступа добрейшую Стефанию Григорьевну Дробышеву, учительницу русского языка и литературы, которая, если верить ей, была в дружеских отношениях с самим Владимиром Маяковским. Красивая, пожилая, с седыми, уложенными в несколько этажей волосами, она входила в класс как знаменитая актриса Малого театра А. А. Яблочкина. Это в наш-то класс, где действительно хватало реально *недоделанных*.

Это было недавно, это было давно

Был месяц май. Вечерами в моём саду тучами, как бомбардировщики, летали огромные майские жуки. Кто-то из наших соседей, решив пошутить, сообщил мне и моим приятелям, что за сдачу в аптеку килограмма этих жуков будут выдаваться настоящие футбольные мячи. Мы с Петькой Шапкиным ловили их три вечера, и у нас уже набиралось несколько спичечных коробков. В пустом коробке умещалось пять майских жуков. Чтобы жуки не голодали до похода в аптеку, мы клали им травинки. Через неделю упорных трудов мы поняли, что для поимки нами килограмма майских жуков надо продлить им навигацию до глубокой осени.

Сильно огорчившись, мы решили выпустить оставшихся в живых на волю, но так, чтобы это было красиво. Узников одной из спичечных коробок я решил выпустить на уроке литературы при обсуждении образа глухонемого Герасима, который утопил несчастную Муму. Погода была тёплая, окна класса были открыты. По моему сценарию жуки должны были полетать, вызвать визг девчонок и улететь через окна. Вылетели два жука из пяти, в троих, по-видимому, вселились бесы. Весело жужжа, эти броненосцы стали носиться под потолком, что внесло оживление в тяготную обстановку урока литературы. Стефания Григорьевна

панически боялась всего ползающего и летающего. Энергично размахивая кружевным платком, она надеялась быстрее выгнать противных жуков и восстановить в классе тишину и порядок. Один из летунов почти сразу нашёл путь к окну, а второй, самый большой, по крутой траектории спикировал на роскошную укладку седых волос учительницы. Мой язык беден для того, чтобы описать дальнейшее! Я уже не говорю о том, что урок был сорван, а мерзкое насекомое, запутавшееся в седых волосах подруги пролетарского поэта, извлекали в учительской физрук с завучем.

Мне бы коробок выбросить, а я его запрятал в рукав пиджака, и при тотальном обыске, который проводила наша завуч, ощупывая меня, не пропуская ни одного органа, он, конечно, был у меня обнаружен. Я так убедительно клялся, что жуки выползли сами, а я их собирался выпустить на перемене в окно, что даже сам в это поверил. Завуч не поверила. Об инциденте было доложено директору. Маму вызвали в школу. Сказали, что долго терпеть такие выходки не будут. Хорошо, что мама ничего не сказала моему дедушке, у которого чувство юмора было слабовато. Его ремень уже месяц как был без дела.

АПРЕЛЬ 1961

Апофеозом и финалом моего пребывания в стенах родной школы стали события апреля 1961 года. До окончания восьмого класса оставалось полтора месяца. 12 апреля кричим Ура – в космосе Гагарин! 14-го будут встречать в Москве. Патриотический порыв призвал меня в группу пропагандистов с агитацией с утра не идти в школу, а всем классом рвануть на Ленинский проспект, чтобы увидеть кавалькаду с Гагариным и Хрущёвым. Идею поддержал почти весь наш класс. Штрейкбрехеров было мало. Утром 14-го мы большой компанией отправились на электричке до Казанского вокзала, затем намеревались на метро по кольцевой добраться до Октябрьской, чтобы занять место на Ленинском. Увы! Нас даже из метро не выпустили – милиция перекрыла все пути. Обильно употребляя крепкие выражения, мы убыли в свои забытые Богом Вешняки и разошлись по домам.

Что произойдёт завтра в школе? Я полагал, что на фоне всеобщего народного ликования зачинщиков массового прогула, если и вычислят, то сильно не

накажут. О, как я ошибся – меня и пятерых других не только вычислили, но и решили в назидание другим, во-первых, выгнать из школы на пару недель, а во-вторых, категорически отрезать путь в девятый класс, о чём моей маме было сообщено лично директором школы Н. Г. Громовым. Мама была в ужасе – я, она была уверена, как способный ученик, должен был с блеском закончить одиннадцатилетку (тогда школа только ей стала), и поступить в хороший институт, стать инженером. Достаточно армии от семьи двух сержантов. Но что теперь делать: искать другую школу?

На семейном совете председательствовал папа. Он сказал, что надо идти работать, а учёбу продолжить в школе рабочей молодёжи – ШРМ (так тогда назывались вечерние школы). И вот мы с Петькой, которого тоже выгнали (его отец, вечно пьяный дядя Боря, отдубасил сына так, что тот стал даже заикаться), начали хождения по мукам. Мне 15, Петьке почти 16 (он второгодник – два года в пятом классе), объездили все заводы, которые знали по нашей Казанской дороге – бесполезно. Приходите, говорят, через год. Кто-то подсказал, что на заводе сельхозмашиностроения, что в двух километрах от нас, в порядке исключения берут с пятнадцати лет на укороченный рабочий день. Мы туда. Ликуем – нас

Это было недавно, это было давно

обоих принимают учениками токаря в механический цех! Да здравствует взрослая жизнь! Мы – рабочий класс! Дядя Боря даже перестал Петьку бить.



Прощаюсь со школой. 8 класс.

АНСАМБЛЬ БАЯНИСТОВ.

В нашем седьмом классе было всего два музыканта – Саша Малышев, уже хорошо играющий на баяне по нотам, и я, играющий на аккордеоне исключительно по слуху. И вот Малышев с гордостью мне заявляет, что он теперь принят в ансамбль баянистов клуба завода «Компрессор», который на шоссе Энтузиастов, рядом со станцией Новая – это четвёртая остановка от Вешняков в сторону Москвы на электричке. Не скрывая зависти, я жадно слушал Сашкины рассказы о прелести игры в ансамбле и вскоре напросился посмотреть и послушать этот ансамбль. А послушать было что: двадцать баянистов играли вариации на темы русских песен так здорово, что я сразу понял восторги моего товарища.

Руководил ансамблем великолепный баянист, композитор и аранжировщик, очень симпатичный мужчина лет пятидесяти Виктор Яковлевич Переселенцев – автор большого количества произведений для баянистов-виртуозов. «А ты, паренёк, тоже на баяне играешь?» – спросил меня в перерыве

Это было недавно, это было давно

Виктор Яковлевич. Я сказал, что играю на аккордеоне по слуху, а вот нот не знаю. Маэстро подошёл к ряду шкафов и достал с антресолей аккордеон «Вальтмейстер»: «Сыграй-ка что-нибудь». Я от неожиданности растерялся: играть такому мастеру мне – самоучке! Я ещё ни разу не держал в руках полного аккордеона и, тем более, на таком не играл. Долго нащупывал левой рукой басовую кнопку «до», а правой пытался приноровиться к увеличенному, по сравнению с моей трёхчетвертушкой, количеству клавиш. Может от страха, а может быть от пока еще только интуитивного понимания судьбоносности момента, я довольно прилично сыграл вальс «На сопках Манчжурии», почти ни разу не ошибившись в каждой из трёх его частей. «Не плохо, хоть ты и безграмотный, но слух есть!» – то ли похвалил, то ли пожалел Виктор Яковлевич.

И тут он мне сделал царское предложение – садиться рядом с четырьмя баянистами, играющими на шестом пульте, и поиграть с ними в унисон – это самые несложные партии, которые играли в ансамбле ребята – учащиеся начальных курсов музыкальных школ. Уже через два занятия я заучил несколько простых ходов и уверенно и с удовольствием играл свои партии. Видно я очень старался и к великой моей радости через месяц

стал членом оркестра, хоть и на основе очень странной для музыкантов методики.



Два раза в неделю я буквально летел на репетиции. Оркестр под руководством Переселенцева имел хорошую репутацию среди районных коллективов художественной самодеятельности. Первые и вторые партии исполняли уже взрослые ребята из музучилищ, третьи и четвёртые – окончившие музыкальные школы, ну а пятые и шестые партии играли малоопытные музыканты. Впервые я узнал, что есть басовые баяны – с кнопками только для правой руки. Звучал ансамбль

Это было недавно, это было давно

потрясающе! Ощущать себя его частью было для меня огромным удовольствием и, конечно же, большой честью.

Вскоре я получил красивую пухлую книжечку – пропуск в клуб завода и после репетиций имел право смотреть кино, если в зале были свободные места. Этому обстоятельству я особенно радовался. Почему об этой странице моей школьной биографии я так подробно и с нежностью вспоминаю? Во-первых, потому, что я стал играть в коллективе, где мне всё очень нравилось. А во-вторых, и это самое первое большое для меня музыкальное событие – наш ансамбль стал лауреатом Всесоюзного конкурса имени Василия Андреева – великого русского балалаечника. Грамоту-диплом до сих пор я бережно храню. Весной 1961 года, в дни, когда вся страна чествовала Юрия Гагарина, мы выступали в Колонном зале дома Союзов в концерте лауреатов конкурса и играли «Органную прелюдию» И.С. Баха. Концерт показывали по центральному телевидению. Так музыкант-самоучка Миша Манзон прикоснулся к гениальному Йогану Себастьяну Баху! Знай наших!

АХ, ЭТА СЛАДКАЯ МАЛИНА...

Свирепость этого маленького чудовища вселяла ужас в каждого, кто впервые подходил к соседской калитке. Умилительная кличка Тютюка никак не подходила к этой собаке, которая истерично лаяла по поводу любого передвижения по нашему Первому Ломоносовскому проезду. Назвать такую улочку проездом могли только в насмешку, поскольку проехать по ней могли только самосвалы, да и то либо в сильную засуху, либо в мороз. При любой другой погоде проезд был абсолютно непроездным – огромные ямы, наполненные грязью, поглощали хоть грузовик, хоть телегу.

Ну, так я про Тютюку. Она несла сторожевую службу дома и сада моего соседа и лучшего друга детства Петьки Шапкина, у бабки которого росла обалденно вкусная белая малина. Я был в числе тех, кто не мог устоять перед соблазном просунуть руку в узкую щель забора и дотянуться хотя бы до одной спелой ягоды. Однажды я с радостью обнаружил, что одна довольно широкая гнилая доска на заборе легко

Это было недавно, это было давно

сдвигается, что при некотором усилии позволит мне протиснуться к ближайшему кусту. План быстро созрел и требовал реализации. Почему-то я решил начать с просовывания в щель ноги, чтобы затем переместить к заветному кусту всего себя. Вот этот момент и стал одним из самых драматичных в истории моего детства. Мог ли я знать, что бабкина сноха тётя Нюра отвяжет Тютюку от цепи и отпустит погулять по двору? Безошибочно почуяв появление чужого, эта злобная тварь в несколько прыжков достигла моей просунутой ноги и вцепилась в неё. Мой крик был таким, что испугал даже Тютюку, которая на мгновение отпустила мою ногу и позволила мне бесславно закончить поход за малиной.

В середине прошлого века при укусах животных, не имеющих прививки от бешенства, полагалось обязательно делать сорок уколов в живот потому, что это было единственной гарантией не заболеть неизлечимой по тем временам болезнью. Моя и без того очень беспокойная мама, увидев меня, ужаснулась и, наспех обработав рану, чуть ли не бегом повела меня в нашу местную поликлинику, где сразу дали направление на эти самые сорок уколов. Не хочется вспоминать об этих мучительных процедурах, но вот сами эти сорок

поездок на электричке и на троллейбусе до места долгих экзекуций оставили в моей памяти много эпизодов, которые я довольно часто вижу очень и очень ярко.

Хорошо помню, как первый раз увидел и испугался дяденьку без ног, который передвигался по проходу электрички на доске с подшипниками и хриплым голосом пел очень жалостливую песню про моряка черноморского флота: «...жене передай мой прощальный привет, а сыну отдай бескозырку». Многие подавали ему мелочь и отворачивались. Увечные инвалиды просили милостыню в каждой электричке. Почти все они пели – кто приятным, кто очень неприятным голосом, но их песни трогали за душу каждого, ведь редко у кого не погибли или не стали калеками на войне родные и близкие. Когда много позже я слушал военные песни Высоцкого, особенно про медсанбат, то всегда вспоминал электрички пятидесятых.

На Электрозаводской мы с мамой пересаживались на троллейбус и долго ехали до травмпункта, где мне полагалось снимать штаны и получать очередной укол. Однажды мы попали в сильнейший ливень и спрятались в кинотеатре «Спартак». Поскольку дождь зарядил

Это было недавно, это было давно

надолго, мама взяла билеты, и мы прошли в зал, где показывали одну из серий знаменитого трофейного фильма «Тарзан». На это кино во всех кинотеатрах был аншлаг, и если бы не утреннее время и не дождь, то я бы никогда не увидел мечту советских девушек того времени – красавца Джонни Вайсмюллера, олимпийского чемпиона по плаванию 1932 года, который сыграл роль юноши, воспитанного в джунглях обезьяной Читой. Став взрослым, я с удивлением где-то прочитал, что этот потрясающий трюками фильм был снят на десяти квадратных метрах в павильоне, а не в джунглях Амазонки.

Мои мучения продолжались до глубокой осени потому, что уколы делались по определённой схеме с перерывами. Тютюка укусила меня, будучи совсем не старой, и прожила довольно долго. Её многочисленное потомство тётя Нюра безжалостно топила в ямах Ломоносовского проезда и Коммунистической улицы, ямы которой были ещё глубже. Мы с Петькой однажды даже были этому свидетелями, и помню, что нас эта процедура очень потрясла.

УРОК дяди ЛЁШИ

Дом наших соседей Шапкиных славился не только свирепой собакой, но и тем, что у них у первых во всей округе появился телевизор, и не какой-то КВН-49, а «Ленинград», который можно было смотреть уже без линзы. По протекции Петьки мне иногда разрешали приходить в воскресенье в девять утра, когда показывали мультфильмы. В остальные дни одна программа телевидения вещала с семи вечера и до половины одиннадцатого.

Я почти уверен, что благодаря дяде Леше Шапкину у меня на всю жизнь выработалось стойкое отвращение к папиросам, да за одно и к сигаретам, пусть даже дорогим. Как он этого добился? Однажды он продемонстрировал нам с Петькой назидательный номер. Дядя Леша запойно курил самые дорогие по тому времени папиросы «Казбек» по 25 копеек. Обычно вешняковские мужики курили или махорку, или чудовищно вонючие «Прибой» и «Север», которые стоили от 6 до 10 копеек. Но дядя Леша был *бизнесмен*, он делал фотки жителям ближних к Москве деревень и

Это было недавно, это было давно

видно неплохо зарабатывал. Фотограф он был никудышный, но деревенских вполне устраивал. Так вот, он вынимал из кармана белый платок, сильно затягивался папиросой и выдыхал содержимое легких через платок, который тут же становился чёрным. Эффект был потрясающий! Моя бы воля, так я на каждой пачке помещал бы фото дяди Лёшиного чёрного платка, который только что был белым. Или, на худой конец, написал бы крупными чёрными буквами: «А мама узнает, так вообще убьёт!»



Урок дяди Лёши усвоен

ВОСПОМИНАНИЯ СО СВЕТОЙ УЛЫБКОЙ

Так устроена моя память, что вспоминая свою малую Родину – подмосковный посёлок Вешняки, до которого можно было за двадцать минут добраться на электричке от Казанского вокзала, я почему-то в мельчайших подробностях вижу нашу короткую улочку, мой дом и густые заросли махровой сирени во дворе. И это видение всегда сопровождают звуки патефона, под который тёплыми летними вечерами, как в песне Окуджавы – «...пары танцевали, пыля».

Когда подсыхала весенняя непролазная грязь на углу Ломоносовского проезда и улицы, которая в нашем убогом посёлке носила гордое название – Коммунистическая, редкие непьющие и малопьющие мужчины устраивали «пяточок» – так у нас называли импровизированную танцплощадку у фонарного столба. Десяток тачек с песком хватало на то, чтобы насыпать и утоптать маленькую площадку, где в тесноте, но, как говорят – не в обиде, могли с удовольствием танцевать все желающие. Таких желающих иногда набиралось довольно много – в начале пятидесятых это было

Это было недавно, это было давно

главным летним развлечением жителей, если не считать кино, которое крутили три или четыре раза в неделю.

Где-то часов в девять, когда на столбе зажигался фонарь, к пятачку начинали подтягиваться первые зрители. Вскоре появлялся один из вешняковских меломанов-филантропов, по-нынешнему – диск-жокей, с патефоном и табуреткой. Подтягивались счастливые владельцы грампластинок, которые на ходу уславливались об очередности своих презентаций.

И вот на диск патефона ставилась пластинка, подкручивалась заводная ручка, игла с шипением начинала скользить по дорожке, и слышались чудесные звуки вальсов, фокстротов и, конечно же, звучало «необыкновенное танго послевоенное». А когда уже становилось совсем темно – ближе к десяти – начинались танцы. Большинство танцующих пар было женским, кавалеры раскачивались позднее – после принятия некоторой дозы портвейна или чего покрепче. С наступлением полной темноты в слабом свете фонаря народ становился смелее и танцплощадка выдавала настоящий каскад разудалых телодвижений. Пятачок находился в метрах сорока от моей калитки, и, само собой разумеется, я был в числе постоянных

наблюдателей. Позднее, когда у меня появился аккордеон и я стал неплохо подбирать модные мелодии, моё пассивное созерцание танцев уступило место жадному запоминанию музыки и текстов песен. О том, как мне это пригодится в жизни, я тогда ещё даже и не догадывался.

Московский всемирный фестиваль молодёжи и студентов 1957 года стал историческим событием не только для Москвы, но и для всего Союза. Он буквально перевернул представление советских людей о заграничной жизни, о людях, о культуре. В мир, наглухо закрытый «железным занавесом», ворвались другая речь, иная мода и музыка, совсем не похожая на звучавшую в те годы.

Джазовые мелодии, твист и рок-н-рол начали теснить с танцевальных площадок вальсы и кадрили, фокстроты и танго. Новая музыка позволяла дать волю новым ритмическим движениям, выходу глубоко запрятанной энергии. «Драйв и кайф» начинали своё мощное вторжение в застёгнутые на все пуговицы души. Пионерами новой моды и новых танцев стали стилиаги – молодые люди, на которых обрушилась вся мощь советской идеологической машины.

Это было недавно, это было давно

Их отлавливали дружинники и милиция, им сбрасывали намазанные бриолином высокие причёски, распарывали узкие брюки и резали цветастые галстуки и косынки, исключали из комсомола и учебных заведений. С позором изгонялись из музучилищ и консерваторий студенты, играющие джаз на «халтурах», саксофоны были преданы анафеме как чуждые советскому уху инструменты, исторгающие неприличные звуки. Были идеи вообще их исправлять методом распрямления, подобно трубам и флейтам. Самой расхожей речёвкой, обличающей стилиг в те годы, была незабвенная фраза: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст!». Авторам фельетонов про стилиг газеты и журналы представляли лучшие полосы.

Но вторжение новой музыкальной культуры уже было не остановить. Есть спрос – будет и предложение! Предприимчивые бизнесмены той поры быстро освоили перезапись музыки с контрабандных западных джазовых пластинок. Для этих целей похищались из больниц или выискивались на свалках плёнки с рентгеновскими снимками большого формата, обычно – снимки грудной клетки. Из этих плёнок на подпольных студиях вырезались диски и на них наносились звуковые дорожки. Получались музыкальные носители весьма

приличного качества. Их только так и называли – «рёбра». Был налажен и сбыт такой продукции. Самым ходовым товаром были твист и рок-н-рол на рёбрах.

Наша соседка, милейшая одинокая женщина лет пятидесяти, Лидия Григорьевна Гаврилова была истинным меломаном. У неё был патефон и хорошая коллекция пластинок Апрелевского завода, на которую она тратила не меньше половины своего скромного бухгалтерского жалованья. По воскресеньям она заводила свой патефон, звучали «Рио Рита» и «Брызги шампанского», «Розамунда» и «Амурские волны», «Татьяна» и «Очи чёрные», пели Леонид Утёсов, Вадим Козин, Изабелла Юрьева, Пётр Лещенко, Клавдия Шульженко. Какая это была музыка! Как западали в душу и навсегда запоминались слова! Было очень модно записывать в тетради и блокноты тексты популярных песен и при случае блеснуть их знанием. А в продаваемых в те годы песенниках были, в основном, песни про Ленина и Сталина, про Партию, про комсомольцев и пионеров, рабочих, строителей и колхозников. Как-то Лидия Григорьевна прознала, что если повезёт, то в следующее воскресенье можно достать самые новомодные тогдашние «хиты» – «Истамбул Константинополь» и «Твист эгейн» на

Это было недавно, это было давно

рёбрах. В Москве основными пунктами продажи рёбер были подземный туалет на углу Кузнецкого моста и Неглинной, а также закуток под лестницей, ведущей на второй этаж магазина «Ноты» на той же Неглинке 31, где барыги сбывали ходовой товар.

Лидия Григорьевна решила действовать. Поскольку местом воскресной продажи хитов мог, как вариант, стать мужской туалет, то она испросила в аренду за два пломбира и поход в кино на «Бродягу» (на этот индийский фильм детей без взрослых не пускали по причине ряда жестоких сцен) у моей мамы меня – в ту пору одиннадцатилетнего отличника и начинающего музыканта. И вот, в воскресенье мы садимся в электричку, едем до Казанского вокзала, затем на метро до Дзержинки и идём к нотному магазину на Неглинной. Там какие-то люди доверительно сообщают, что «Истамбул» есть в туалете. Лидия Григорьевна как в воду глядела – не в женском, а в мужском, куда ей путь был, конечно же, отрезан.

Вернулись к туалету. Моя благодетельница вложила мне в руку 10 руб., перекрестила и подтолкнула к двери. Спустившись в подземелье, я довольно быстро определил среди мужчин, стоящих у писсуаров, барыгу

по лихорадочному блеску глаз и постоянному повороту головы в сторону двери. Я пристроился к писсуару рядом. Конспирация требовала иносказательности по схеме фильмов про шпионов: «У вас продаётся славянский шкаф с тумбочкой?». «Мне бы «Стамбул» – с видом заговорщика тихо сказал я малоприятному типу. «Деньги покажи» – шепнул тот. Я показал. «Сегодня 15» – начал барыга. Я уже немного понимал, что значит рыночная торговля: «У меня больше нет» – говорю. «Ох, себе в убыток!» – прошипел тот и полез в полотняную сумку. Скрученные в рулон, завёрнутые в газету «рёбра» оказались у меня за пазухой, а десятка утонула в кармане широких штанов бескорыстного и упитанного бизнесмена. Постояв для виду минуту у писсуара с расстёгнутой ширинкой (тоже приём из какого-то кино), я почти бегом выскочил на улицу. Будущая обладательница заветного музыкального шлягера встретила меня как героя, обняла и пообещала добавить к пломбиру и кино поход в зоопарк.

Домой мы добрались быстро – вся операция заняла не больше двух часов. В маленькой квартирке патефон занимал почётное место на комод. Благоговейно открываем его, меняем иголку, крутим ручку – всё готово! Снимаем с рулона газету, расправляем диск – на

Это было недавно, это было давно

нас смотрят рёбра и здорово прокопчённые легкие заядлого курильщика. «До чего додумались, черти!» – то ли осуждающе, то ли восхищённо говорит Лидия Григорьевна и ставит «рёбра» на диск патефона. Как и положено, сначала слышим шипение, а вот сейчас начнётся самое Оно! И тут из патефона раздаётся могучий голос народной любимицы Лидии Андреевны Руслановой: «Валенки, валенки, ой, да не подшиты стареньки!» Наивно полагая, что это для «разогрева», дослушали до того, что «...не в чем к милому ходить, нужно валенки подшить». Лицо напротив меня, полное отчаяния, я запомнил навсегда! Страстному меломану подложить такую свинью! «Эти жулики будут гореть в аду» – промолвила бедная женщина, вытирая слёзы. Я поспешил удалиться, даже не спросив, когда мы пойдём в кино и в зоопарк.

Не смотря на понесённый чувствительный для неё убыток, Лидия Григорьевна своё обещание через неделю выполнила, а ещё через неделю ей всё-таки удалось добыть заветную музыку, аж два диска, и всего за десятку. А вскоре в её коллекции появились и рок-н-ролы, и твисты и даже чарующая «Бесаме мучо», которую я быстро подобрал на аккордеоне, солидно пополнив свой репертуар. Жизнь и музыка неудержимо

Воспоминания со светлой улыбкой
наполнялись новым звучанием! Незабываемый 1957 год
давал старт новой эпохе!



Патефон и пластинка на ребрах (из Интернета)

И ВЕДЬ ТАКОЕ БЫЛО!

Воскресным днём 7 сентября 1958 года, в двадцать пятую годовщину начала семейной жизни мои родители решили устроить праздничное еврейское застолье. Серебряная свадьба – это, конечно, повод собрать всех московских родственников, которых у нас, слава Богу, не сразу всех сочтёшь. Тётя Фира – это пять, дядя Лазарь – это пять, дядя Яша и дядя Володя – это ещё четыре плюс четыре, тетя Эся – три, двоюродные и троюродные родственники – как минимум десять, ну и нас семь. В общем, скромненько – под тридцать душ в деревянном доме с керосинками и примусом, а зимой с печкой, на которых мама умудрялась приготовить такое количество блюд, что все родственники, разъезжаясь, увозили с собой в баночках и кулёчках и *гефилте фиш*, и паштеты с форшмаком, и салаты с винегретами, кексы и пироги с маком. Как это всё удавалось? До сих пор не могу смоделировать такой процесс в условиях полного отсутствия тех удобств, которые сейчас сами собой понимаются.

Ну ладно, это всё не то, что заставило вспомнить тот день. И так – все за столом, выпивают, закусывают, рассказывают разные *майсы*. Примерно через час дядя Яша с загадочной семитской улыбкой поглядывает на свои часы и прислушивается к звукам с улицы. А чего у нас кроме шума электричек и товарняков можно услышать? Разве что пьяную ругань в бараке напротив и крики играющих в расшибец и пристенок.

Мы, дети, кушали на террасе и вдруг видим, что к нашей калитке подъезжает машина, никогда не виданной нами красоты (потом я узнал, что это был ЗИС). Шофер выходит первым и открывает двери мужчине и женщине, каких показывают только в кино – высоких и красиво одетых! И они идут прямо к нам, в наш дом! Если бы моим родителям и гостям сказали бы, что сейчас к ним пожалуют два профессора и народных артиста СССР, две, как сейчас говорят, *звезды* Большого театра, то над такой шуткой они бы здорово посмеялись! Эта, можно сказать, почти безумная идея родилась у нашего дяди Яши, встретившего случайно, через половину века у себя в часовой мастерской на Кировской друга детства Сашу, ставшего Александром Батуриным – знаменитым басом из Большого. Что самое удивительное Александр Иосифович и его жена Вера

Это было недавно, это было давно

Георгиевна Дулова – первая арфа мира – с удовольствием приняли предложение поздравить Яшиного брата Наума и его жену Лену.

И вот невозможное свершилось – в нашем доме за столом сидят два артиста с мировыми именами, сам Александр Батурин кричит «Мазл Тов» и «Лехаим» и поёт для моих родителей «Эпиталаму» Рубинштейна: «Пою тебе, Бог Гименей...» (Мама всё время думала только об одном – боялась, что вдруг, «зол гот уйс гитн», артистам захочется в туалет, а он у нас далеко, в самой глубине двора за сараем, дверь тяжело закрывается, и газеты могли закончиться). Но, слава Богу, туалет им не потребовался, газеты тоже, иначе этот рассказ был бы не таким изящным. Пробыли они у нас около двух часов и отбыли в хорошем настроении и с двумя порциями фаршированной рыбы в пол-литровой банке (мама угадала и осуществила тайное желание Веры Георгиевны). Я с восторгом бежал за сверкающей чёрной машиной по ухабам Коммунистической, провожая таких необычных гостей до улицы Советская, где уже был асфальт.

Позже я узнал, что Батурин и Дулова, у которых не было своих детей, предложили Яше навсегда

переехать с семьёй из коммуналки в шикарный и огромный по тем временам загородный дом на Сходне, поскольку они сами в основном на гастролях по всему миру, и даже не часто бывают в своей квартире на улице Горького. Дом будет всегда под присмотром и ухоженным. (Хочется сказать, что Яша с женой Тамарой прожили в этом доме всю жизнь, а их сын Лёня живет в нём и по сей день.)

Какое счастье, что тогда – почти шестьдесят лет назад, в начале сентября стояла сухая погода, и по нашей Коммунистической улице смог проехать шикарный ЗИС. А ведь обычно на этой улице в грязных канавах вязли грузовики, привозившие уголь и дрова для печей, и только тракторист Митя мог их вытаскивать тросом за бутылку водки, или за её денежный эквивалент.

Должен сказать, что я тоже отличился в этот день. Мне уже 12 лет и я уже играю на аккордеоне, подаренным мне дядей Лазарем, когда он получил денежную компенсацию за 10 лет подземных работ в воркутинских шахтах, куда он был определён, якобы, как английский шпион Особым совещанием, состоящим из майора и двух капитанов КГБ. Ему вернули и

Это было недавно, это было давно

фронтовые награды и доброе имя после смерти Великого Вождя и Учителя. И вот меня слушают два народных артиста, даже аплодируют (формат моего выступления похвалу предполагал). Наверно, такое напутствие явилось определённым стимулом к разучиванию новых песен и толчком к моим будущим успехам на музыкальном поприще.



Мама с папой в Кисловодске. 1958 год.

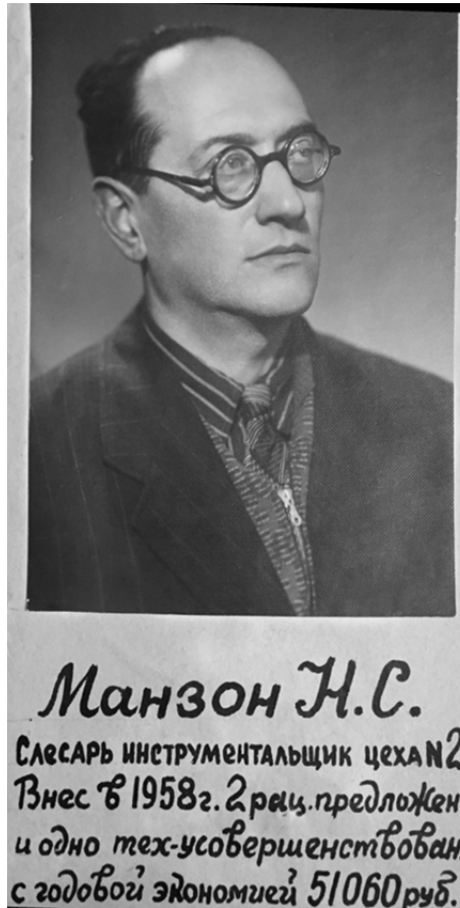
О МАСТЕРЕ

Мой папа Наум Семёнович был уникальным специалистом по обработке металлов, изготовлению и ремонту различных механизмов. С 14 лет и до глубокой старости он увлечённо совершенствовался в своей профессии. Он свободно работал на всех типах металлорежущих станков: токарных, фрезерных, шлифовальных, строгальных. Не будучи часовщиком, мог починить часы любой конструкции – от ходиков с кукушкой до наручных всех типов – отечественных и иностранных. Не доверял никому термообработку своих изделий, закалку и отпуск сталей всех марок делал лучше профессиональных термистов. Изготовленные им штампы и пресс-формы работали без ремонта рекордно долгое время.

Его рационализаторские предложения всегда были остроумны и давали большую экономию трудовых затрат. Папа всегда зарабатывал хорошие для слесаря деньги – до трёх и более тысяч рублей в месяц. Такая зарплата позволяла нашей семье быть обеспеченной по меркам 50-х годов достаточно хорошо (В 1960 году была

Это было недавно, это было давно

деноминация – 3000 рублей стали равняться 300). Мама умело распоряжалась деньгами – делала закупки, разнообразно и вкусно готовила, шила и ремонтировала одежду, отлично владела швейной машинкой «Зингер», сама стирала и гладила бельё.



Заводская доска почета

Папа домашними делами, кроме разного рода ремонтов, не занимался, на заводе он много работал сверхурочно, годами не брал отпуск (тогда за это полагалась компенсация). Редко возвращался с работы раньше восьми вечера, часто выходил на работу в выходные дни. Работал много и любил свою работу. Поскольку мы, его трое сыновей, всегда хорошо учились, он никогда не заглядывал в наши тетради и дневники. Вечером за ужином читал газеты «Правда» и «Известия», иногда слушал «вражеские радиоголоса» – сквозь шум и треск *глушилок* из обрывков слов составлял политические прогнозы и редко ошибался. Как-то на вопрос старого приятеля, – «В каком классе учится Миша?», ответил: «Кажется, в пятом». «Наум, чтоб ты был здоров!» – возмутилась мама – «Он уже в шестом!». На что папа сказал: «Ну, и слава Богу!».

Когда он лет в 75 закончил работу на заводе, дома на письменном столе соорудил настоящий мини-завод. Этот завод включал в себя универсальный станок с многоскоростным электромеханическим приводом. На станине длиной 70 сантиметров устанавливались сменные передние и задние бабки, трёх- и четырёхкулачковые зажимные патроны. Суппорт с делительной головкой и набором сменных шестерён

Это было недавно, это было давно

позволял обрабатывать детали под любым углом, нарезать метрическую и дюймовую резьбу на деталях от 1 мм. Папа сам изготавливал резцы из быстрорежущих сталей, цанги, имел наборы свёрл, метчиков, плашек, шлифовальных кругов. На этом станке можно было выполнять много различных операций. Папа освоил ремонт ювелирных изделий из серебра и золота и ремонтировал их всем родственникам абсолютно бесплатно.

Однажды, очевидно прознав от кого-то о способностях папы, ему позвонили и попросили посмотреть сломанный кулон Людмилы Георгиевны Зыкиной – нашей королевы русской песни. Приехали. Выложили на стол потрясающей красоты ювелирное изделие с бриллиантом размером с хорошую черешню. Стоимость такой штучки – больше стоимости нашей квартиры. Потянет на новую «Волгу», а то и на «Чайку». Сказали, что в мастерских не берут, боятся не расплатиться, если повредят при пайке отломанного замка бриллиант. Папа сказал: «Оставляйте, буду думать, как подступиться». Мама за спиной гостя отчаянно бесшумно жестикулировала, показывая папе, что он не в своём уме. На удивление, гость оставил дорогущее ювелирное изделие без всяких расписок и

указания сроков ремонта, видно поняв, что имеет дело с хорошим и порядочным мастером.

Две недели папа изготавливал приспособления для ремонта. Соорудил настоящее производство. Осторожно отжимал миниатюрные лапки, освобождая бриллиант. Достал керамическую трубку, вставил в неё тигель с золотом, приготовил кокс из обожжённых на газовой плите березовых поленьев, с помощью кислородной подушки обеспечил температуру внутри тигля 1300 градусов, расплавил обломок и отлил из расплава проволоку, которую на самодельных вальцах довёл до нужного диаметра. Спаял, зашлифовал, вставил бриллиант. Всё это за два дня на письменном столе. В это трудно поверить. Взяться за такую работу мог только умелец-фанатик экстра-класса, каким и был в своём ремесле папа. Ему принесли за работу 30 рублей – неплохие для пенсионера с пенсией в 132 рубля деньги. «Наум, чтоб ты был здоров, ты – дурак!» – сказала мама, зовя его к вкусному обеду.

И совсем анекдотический случай произошёл, когда они с мамой взялись за надомную работу – изготавливать булавки для каких-то сувениров. Пенсионеры на дому могли, работая по 6-8 часов в день,

Это было недавно, это было давно

заработать от 30 до 40 рублей в месяц. Такие были расценки. Работников снабжали пассатижами, пинцетами, молотками, заготовками из пружинящей проволоки. Всего надо было сделать 6 операций. Папа за один день смастерил два приспособления, которые позволяли сделать готовую булавку за две коротких операции, не требующие больших усилий и стёртых в мозоли рук. В ближайший понедельник они с мамой повезли сдавать месячное плановое количество. На фабрике сувениров случилась немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». Деньги заплатили, но тут же уволили со словами: «Вы нам не подходите, создаёте нездоровую социальную обстановку – так можно лишить наших пенсионеров работы. До свидания».

У папы было образование – четыре класса хедера – начальной еврейской школы, его отец хотел, чтобы младший сын стал раввином. Но папа начал учиться слесарному делу и посвятил ему всю жизнь. Он самостоятельно стал абсолютно грамотным, с хорошей речью, знал историю, прекрасно разбирался в политике, умел читать советские газеты между строк, прекрасно понимая, что происходит в стране и мире реально. Всегда работал в галстуке, носил шляпы, тщательно брился и следил за руками. Кто не знал, что он слесарь,

вполне мог принять его за профессора. Заводская Доска Почёта была немислима без фотографии Наума Семёновича Манзона, а количеству его рационализаторских предложений и суммам экономического эффекта от их внедрения давно был потерян счет. Думаю, что даже небольшой части этой экономии хватило бы на обучение своих троих детей в Гарварде, Кембридже, или, на худой конец, в Итоне и Оксфорде.



Папа на свадьбе Риты, 1980 г.

Мой дедушка Файва

Моим дошкольным образованием занимался дедушка. В 5 лет он меня научил писать и считать. Его педагогическая практика имела в своём арсенале хороший ремень, который часто прогуливался по моей заднице, и обязательные уроки плотницкого дела. Мы, его три внука, с раннего возраста неплохо владели рубанком, пилой, топором, молотком. Каждую осень мы с дедом пилили и кололи дрова на зиму. Дедушка Файва, в миру Ефим Петрович, работал бухгалтером на заводе, был очень религиозным, молился в полной еврейской экипировке ежедневно в 5 утра, не носил ни усов, ни бороды (что было единственным его отступлением от еврейских традиций), брился опасной бритвой, на работу ходил всегда в костюме с галстуком, одевал нарукавники. Его лицо имело слабые признаки принадлежности к Богом избранному народу. Заводское начальство его ценило и уважало настолько, что, зная о его религиозности, даже в годы пещерного антисемитизма, позволяло ему в субботу только проверять документы и не пользоваться

электроприборами, поскольку знали, что в «шабат» верующему еврею не положено ни писать, ни зажигать свет.

Еврейские праздники, особенно Песах, Ханука, Пурим и Йом Кипур, в нашем доме под руководством дедушки проводились в полном соответствии с традициями. Бабушка готовила все предписанные праздникам блюда. На столе, в центре которого в полном еврейском религиозном облачении восседал дед, было много всяких вкусностей. Читались все необходимые молитвы, выполнялись праздничные ритуальные действия.

Больше всего мне нравилось, когда на Песах дедушка под определённую молитву отливал из каждой рюмки немного вина в специальную посуду врагам еврейского народа. Это вино выливалось в окно. И вот когда после этого дед мыл руки в тазике, поданном бабушкой, мне полагалось вытащить плитку мацы, лежащей между двумя подушками на стуле, и спрятать её под скатерть. Закончив омовение рук, дед обнаруживал пропажу, угадывал похитителя и предлагал выкуп. Обычно сумма выкупа составляла один рубль и выплачивалась сразу после возвращению мацы на

Это было недавно, это было давно

положенное место. На этот рубль можно было купить три пломбира в стаканчиках по 19 копеек, три раза сходить в кино на детские сеансы по 10 копеек, съесть два булика с маком по 5 копеек и выпить стакан газировки с вишнёвым сиропом за 3 копейки. Когда я стал пионером-ленинцем, размер выкупа был увеличен до трёх рублей. В те годы на эти деньги можно было взрослому хорошо пообедать в шикарном ресторане «Прага».

Дедушка в выходные дни часто играл на мандолине, которую я однажды поломал и был за это в назидание бит нещадно, но с любовью. Ефим Петрович был образованным, элегантным и красивым мужчиной. Умер в мае 60-го, бабушка раньше, зимой 58-го. Надо сказать, что в отличие от дедушки, ни у папы, ни у мамы не было музыкального слуха, или он не был развит. Мама, напевая какую-либо песню, пользовалась одной-двумя нотами. Почти как в фильме про Шурика: «...я вам денежку принёс за квартиру, за январь, это очень хорошо, положите на комод».

ОДА КВАШЕНОЙ КАПУСТЕ БАБУШКИ РАИ

Вспоминая мою бабушку Раису (Рисю) Абрамовну, почти всегда рассказываю, как она вкусно готовила и как вместе с мамой заготавливала на зиму квашеную капусту. Про это не устаю говорить постоянно, ибо это было настоящее священнодействие. Огромная бочка пропаривалась с помощью раскалённого в печи огромного камня-валуна листьями вишни, смородины, укропа, хрена, мяты и ещё каких-то трав. Потом высушивалась до звона, потом дед подтягивал обручи, и бочка закрывалась слоями марли на неделю.

Капуста и морковь покупались только определённого сорта, очень сочные и вкусные даже в сыром виде (сейчас таких сортов уже не существует – во всяком случае, я такой моркови и капусты не ел лет пятьдесят!). Рубили вместе с мамой по 150-200 кг. Бочка была огромная, а работа тяжелейшая. Мама обматывала рукоятки ножей мягкими тряпочками, чтобы не так быстро натирались мозоли. Через положенное время закладывались яблоки – антоновка. Их аромат наполнял

Это было недавно, это было давно

наш дом всю осень. Иногда добавлялась клюква. Только за вкус и запах готовой к холодам капусты и, особенно, сока, можно было отдать все, что угодно (как в фильме «Гараж» – Родину).

По единодушному признанию моих многочисленных родственников капуста нашей бабушки была фантастической. Вся родня, приходя к нам в гости, не забывала принести с собой под капусту банки ёмкостью не менее литра. Бабушка и мама никому не отказывали. Пришлось освоить особую технологию пополнения бочки. Ели мы квашеную капусту почти до майских праздников. Бочку долго мыли и отпаривали. Опять сушили до звона и укутывали до сентября. Уверен, что на продажу никто и никогда, даже в те далёкие годы, так капусту не готовил.

Бабушка была гипертоником и покинула этот мир рано – в 66 лет. Когда мы жили в хрущёвской пятиэтажке в Кузьминках, мама каждый год квасила капусту в эмалированном ведре на балконе. Было вкусно. Но повторить вешняковский шедевр было уже невозможно.

Где эти запахи и вкусы?

*Отцветают года, как сады, все мечты воплотились когда-то.
Всё сбылось! Только вот, газводы не хватает мне из автомата.
Три копейки, сироп крем-брюле и немый стаканчик гранёный,
И, как следствие, кажется мне, были выше и липы и клёны.
Мне б вернуться назад на свой страх, на секунду всего, без оглядки,
Чтоб найти в придорожных кустах обронённую мною рогатку.
Подорожник, трава-мурава, я бы кадры все заново склеил.
Там и бабушка где-то жива, да и я, безусловно, живее...
Разметало следы и сады, серебро потускнело и злато.
Всё сбылось! Только вот, газводы не хватает мне из автомата.*

Александр Гутин

Иногда, пребывая в ностальгическом настроении, я рассказываю своим взрослым детям о вкусах моего детства. При этом они всегда смотрят на меня с нескрываемым сарказмом: «Ну, ну, это всё было давно, а в детских воспоминаниях, как правило, всегда много придуманного, желаемого, но мало правдоподобного».

А я не устаю повторять, что вернуть и почувствовать вкусы и запахи, которыми обладали в моём детстве огурцы и помидоры, хлеб, колбасы, сосиски с сардельками, увы, невозможно. У нас на огороде росли без всякого особого ухода помидоры, которые бабушка срывала ещё зелёными с ветками, спасая от неминуемых набегов соседских детей, и укладывала их на террасе в старые чемоданы, где они дозревали. Каким фантастическим запахом наполнялось

Это было недавно, это было давно

всё вокруг! Отведав такой помидор, хоть один раз, забыть его вкус не смог бы даже явный склеротик! А огурцы? Стоило в комнате разрезать или откусить кусочек, как всё наполнялось особым огуречным запахом. Сейчас в супермаркете у стеллажей с сотней видов мясных деликатесов ни один самый чуткий нос ничего не ощущает. Хлеб – это вообще особая тема. Сегодняшние сорта хлеба даже сравнивать с их старыми «однофамильцами» не прилично!

В пятидесятые годы и чуть позже мы не видели зимой свежих фруктов и овощей. Но зато в летний сезон до осени в наших подмосковных садах и огородах почти у всех были настоящие, а не привезённые из заморских стран, овощи, яблоки, клубника, вишня, сливы, малина, смородина. Всё это росло без химикатов, стоило на рынках очень дёшево. Наедались на весь год. А зимой мама нас кормила супами и кашами из гречки, пшёнки, овсянки, фасоли, гороха, котлетами, картошкой, свёклой, квашеной капустой с луком, репой, яйцами, компотами из сухофруктов, киселями из клюквы, пирожками с разными начинками.

И зимой и летом мама делала из молока, которое нам приносила молочница тётя Дуся, кефир и творог.

Гречневая и пшённая каши с молоком были у нас очень популярны. Одним из моих детских пристрастий был крошечный в блюдце с подсолнечным маслом и солью чеснок, в который макался мякиш чёрного хлеба. Все попытки приучить моих детей к этому блюду, которое я называл «сила, молодость, красота и здоровье», успехом, к сожалению, так и не увенчались.

В те годы мало у кого были отдельные квартиры, современные бытовые удобства. Телевизор с одной программой и малюсеньким экраном был вершиной счастья. У моих детей и внуков есть всё. Но как мне хочется добавить им радостей моего детства!

1963 год. Я – студент МИХМ'А

Девятый и десятый классы я провёл в школе рабочей молодёжи. Причина, по которой меня, хорошего ученика, отлучили от родной школы №8 посёлка Вешняки, была мною рассказана в предыдущих главах. Но, как говорится: «Худа без добра не бывает». А добро как раз и случилось – я в семнадцать лет получил аттестат зрелости (так это тогда называлось) и стал абитуриентом, а мои бывшие одноклассники должны были ещё год учиться в обычной школе. Эти два года были очень трудными – работа и учёба в две смены: неделя в утреннюю, неделя в вечернюю. И, конечно, уровень знаний, получаемый в вечерней школе, значительно уступает уровню обычной. Поэтому без дополнительной подготовки на специальных курсах сдать экзамены по физике, математике и химии было практически невозможно.

Но есть у вечерников фора – два года рабочего стажа, что позволяло пройти конкурс с меньшим количеством баллов. А поступать я решил в институт химического машиностроения, вот почему: во-первых,

1963 год. Я – студент МИХМ'а

этот ВУЗ давал очень сильную инженерную подготовку, а во-вторых, важным обстоятельством было то, что в не самые лучшие для еврейской молодёжи шестидесятые годы именно в этот институт евреев принимали без особых пристрастий. Очевидно, в химическом машиностроении их вольнодумские мозги были востребованы без опасений политического характера.



Это было недавно, это было давно

Но обо всём по порядку. Поступать на курсы, работая в две смены было нереально, и я решил уволиться с завода, где работал токарем, и доработать недостающие два месяца где угодно, лишь бы в дневную смену. Подавая документы на курсы при МИХМ'е, я услышал, что в его мастерские требуется подсобный рабочий. Я бегом туда. Взяли помогать кузнецу ковать резцы и разные мелкие детали. В трудовой книжке записали: «слесарь-молотобоец 2 разряда». Кузнец Валентин (фамилию не помню) осмотрел меня скептически, пощупал мою неатлетическую мускулатуру и сказал: «И чево я с тобой сумею отковать? Ох, видно воздастся мне за грехи мои тяжкие!». При этом он добавил пару таких фраз, которые я даже на своём заводе не часто слышал. Правда, они относились уже не ко мне, а к отделу кадров, которые ему подсунули такого могучего молотобойца.

Валентин вынул три рубля: «Сбегай в магазин, будем тебя прописывать. Одна нога здесь, другая там! На сдачу возьми сырок «Дружба» за 12 копеек. Вопросы есть?» Уж, какие тут вопросы! Водку за два рубля 87 копеек я пронёс через проходную интеллигентно в тубусе для чертежей, выданном мне будущим шефом.

Мой отказ от алкогольного возлияния был воспринят с подозрением на отсутствие пролетарской солидарности, и только моё сообщение о предстоящих вечером занятиях физикой и математикой смягчило суровое сердце кузнеца. Впрочем, одолеть *проклятую* (как он выражался) ему быстро помогли двое работяг из котельной. Один из них принёс пучок молодой редиски. Он же пожелал мне стать хорошим кузнецом и подал руку. Не ощутив могучего рукопожатия, вздохнул и сочувственно посмотрел на Валентина. В этот день работы не было, и остаток дня мой начальник посвятил инструктажу: «Вот горн, вот наковальня, вот твой молот – 7 кг. Завтра с утра будем ковать резцы».

Вот это завтра наступило, и я понял, что работа на токарном станке – это курортный отдых в сравнении с трудом молотобойца. Кузнец достаёт из горна щипцами раскалённую докрасна заготовку, кладёт на наковальню и ударами своего молотка показывает место, куда надо бить молотом для придания мягкой заготовке нужной формы. И делать это надо быстро и точно, пока заготовка не остынет и не затвердеет. Но легко сказать «быстро и точно». Молот тяжёлый, руки быстро устают, удар становится неточным, заготовка не принимает нужной формы, остывает, её снова нужно разогреть в

Это было недавно, это было давно

горне. Валентин матерится, на чём свет стоит. Но на кону (как говорят картёжники) моя рабочая честь и самолюбие.

И буквально за неделю я втянулся в процесс, почувствовал молот, удары стали точнее и ритмичнее, я освоил технику удара с меньшим напряжением рук и спины (оказалось, что есть профессиональные приёмы). Всё чаще отборный мат Валентина перемежался с пока ещё скупым, но уже явно выраженным одобрением моего старания. И пошло. Оказывается, дело не в наличии могучего телосложения, а в умении правильно дышать, напрягать и расслаблять мышцы и вовремя делать перерывы. Мне даже начала нравится моя новая профессия – я окреп, узнал много нового и интересного о металлах, что оказалось совсем не лишним для будущего инженера. С Валентином мы подружились. Когда я уходил на экзамены, он за меня искренне переживал. Я набрал 21 балл из 25 возможных. Два года рабочего стажа давали мне право с двумя пятёрками, двумя четвёрками и одной тройкой (это по химии!?) на зачисление в студенты. Для не имеющих рабочего стажа проходной балл был 23. Вот оно *добро через худо!* Я студент в семнадцать лет и будущий инженер.

Но в институтских аудиториях мне, как и другим счастливицам, довелось оказаться только в октябре – картофель на полях Подмосковья ждал студенческих рук. Весь сентябрь наш курс, и ребята, и девушки познавали крестьянский труд со всем его дореволюционным техническим оснащением. Каждую картофелину мы выковыривали из земли голыми руками. Сентябрь был дождливым. Картошка плохо отделялась от земли. Норма выработки была 8 мешков в смену на одного студента. Это на корточках и в дождь. Как часто на бесконечных грядках я вспоминал тёплую кузницу! Но мы все были молодыми, весёлыми, впереди нас ждала прекрасная студенческая жизнь. Вечерами после работы, несмотря на усталость, мы предавались всем нехитрым радостям деревенской жизни, пели песни под гитару, пили вино, ходили на танцы, а потом заваливались спать на тюфяки, набитые влажной и очень колючей соломой. В семь утра надо идти на поле, давать план.



Первое сентября 1963 года

Был в нашей группе хороший смуглый парень Аманмухаммед Байрамов из Туркмении. По-русски он говорил плохо, но тогда у союзных республик были квоты на поступление в московские ВУЗы без экзаменов. Для него, после многих лет каторжной работы на хлопковых полях своей далёкой родины, норма в 8 мешков была детским развлечением. Он один сдавал не меньше пятнадцати. Аман работал как хороший картофелеуборочный комбайн (которых в этом убогом колхозе никогда не было). К середине дня он уже заканчивал вторую грядку, в то время как мы, его

бледнолицые товарищи ещё копались в середине первой. Такой выработкой не могли похвастаться даже бывалые местные колхозники, которые, кстати, уже давно по причине беспробудного пьянства и присутствия дармовой студенческой рабочей силы в полях не появлялись.

Весь сентябрь мы по полной познавали ранее ни кем из нас не изведанный крестьянский труд. В последний день нам вместе с грамотами от председателя колхоза выдали заработанные по нарядам деньги. Назвать начисленные нам суммы деньгами можно было только в насмешку. Но даже это не могло омрачить радость завершения трудового семестра (так называлась эта обязателька). Про десанты учёных «на картошку» тогда здорово пел наш классик советской действительности Владимир Высоцкий: «Вот, значит так: автобусом до Сходни доезжаем, а там – рысцой, и не стонать! Небось картошку все мы уважаем, когда с сольцой её намять». А с первого октября мы приступили к учёбе и стали вгрызаться в «гранит науки». Нашу гордыню несколько охлаждали старшекурсники, солидно объясняя, что мы пока салаги-школьники, а студентами станем только после сдачи первой сессии.

ВХОЖУ В НАСТОЯЩУЮ СТУДЕНЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Разумеется, что очень скоро я утвердился в роли активного участника институтской художественной самодеятельности. Помимо аккордеона я в срочном порядке освоил с помощью старшего брата Алика приёмы аккомпанемента на семиструнной гитаре. Так хотелось под гитару петь песни Ю. Визбора, Б. Окуджавы, А. Городницкого, В. Высоцкого, песни советских композиторов, самодеятельные студенческие, которые во множестве появлялись почти ежедневно. Везде создавались КСП – клубы студенческой песни. Нас охотно стали приглашать выступить с концертами на предприятиях, в школах, поликлиниках, клубах. С удовольствием вспоминаю, как после концерта на хлебозаводе нас премировали связками баранок потрясающего запаха и вкуса. Мы выходили с завода с гирляндами на шее, подобно почётным гостям острова Мадагаскар, на которых одевают связки бананов.

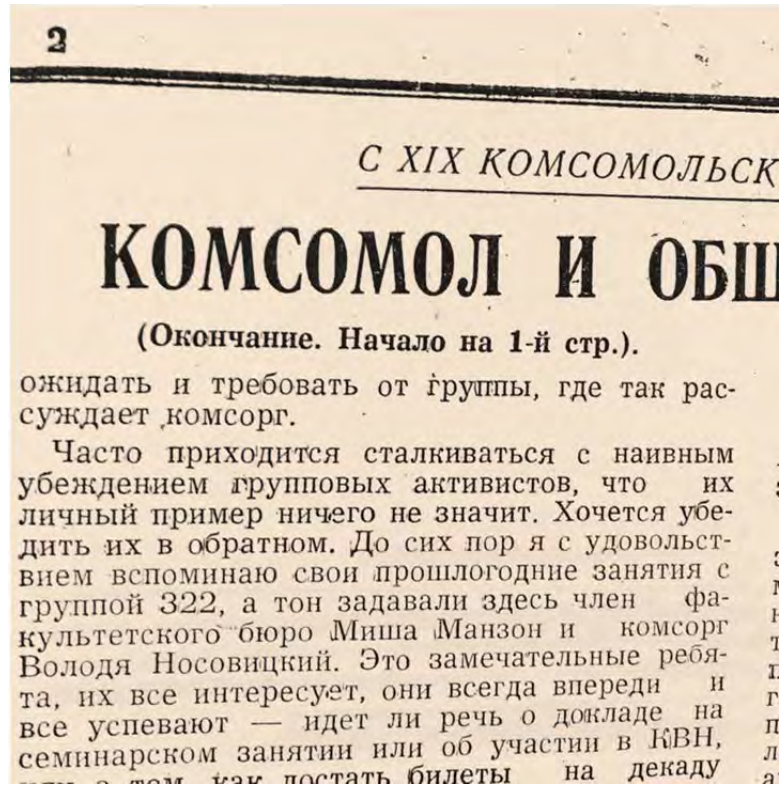
Некоторым нашим успешным артистам эта музыкально-песенная активность сослужила плохую службу – они запускали учёбу, проваливали сессии и

отчислялись из института. К счастью, моя концертная активность не влияла на успеваемость – учёба для меня всё-таки была на первом месте. И вот в январе 1964 года, сдав все экзамены, я в составе группы активных студентов был поощрён поездкой в Ригу. Это было для меня грандиозным подарком – я никогда ещё в свои семнадцать с половиной лет не покидал пределов Московской области, никогда не ездил на поездах дальнего следования и никогда не видел моря. Впечатления от этой поездки были огромными. Улочки Риги, Домский собор, Юрмала, настоящее море – Балтийское, магазинчики с невиданными никогда в Москве товарами – всё это приводило в неописуемый восторг!

В институте у меня появилось много друзей, мы так интересно вместе проводили свободное от занятий время – каждый из нас был горазд на разные выдумки и предложения, почти все занимались в разных спортивных секциях. Я с удовольствием играл в баскетбол – даже пару раз выступал в составе сборной факультета. И всё же, петь песни мне было интереснее всего. Прогуливать лекции я себе позволял очень редко – только когда в кинотеатре «Спартак», что в пяти минутах хода от института, шли новые фильмы. В этом

Это было недавно, это было давно

самом кинотеатре, как я уже написал ранее, мама и я, укушенный двенадцать лет назад соседской Тютюкой и получавший сорок уколов от бешенства, после процедуры укрывались от ливня и смотрели культовый фильм «Тарзан».



КВНЩИК ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Первый курс я окончил успешно. Летние каникулы посвятил подработке – меня взяли аккордеонистом на туристический теплоход. Удача необыкновенная – поили, кормили, на экскурсии в разных городах водили, зарплату, хоть и небольшую платили, а я за это с удовольствием увеселял туристов. Красота! Жалко, что всего полтора месяца, но хорошего – понемножку – надо снова учиться.

Итак, осень 1964 года. Я на втором курсе. Крутого и непредсказуемого Н. С. Хрущёва, который обещал построить коммунизм к 1980 году, отправляют на пенсию, а Генеральным секретарём ЦК КПСС становится улыбочивый Л. И. Брежнев. Народ ждёт чего-то нового.

Радостная весть – в следующем году наш МИХМ будет участвовать в суперпопулярной телевизионной юмористической игре. Что такое КВН для советского народа в то время? Это самая любимая телепередача. Когда показывают КВН, пустеют улицы в городах и посёлках! Она идёт в прямом эфире, начиная с

Это было недавно, это было давно

четвертьфиналов. Кавээнщиков, особенно капитанов команд-победителей, знают даже больше, чем многих артистов кино. В основном в КВН играют студенты ведущих ВУЗов страны.

Сразу после зимней сессии в нашем институте начинается серьёзная подготовка к будущим интеллектуальным баталиям. При формировании нашей команды моя кандидатура была утверждена единогласно. Нас 10 человек. Самые остроумные – Лёва Троянов, Володя Слепов, Яша Загер (все ныне уже покойные). На мне и ещё двоих ребятах – музыкально-певческие задачи. Репетируем каждый день. Как хочется всем выступить с блеском и показать своё остроумие! Больше двух месяцев уходит на разработку содержания показательной части.

Сейчас мало кто знает о том, какая жесточайшая цензура тогда свирепствовала на телевидении. Каждая реплика, каждая шутка показательного выступления должны были утверждаться редакторами первого канала, и не дай Бог, чтобы где-то прозвучал даже лёгкий политический или фривольный подтекст – вычёркивалось безжалостно. Несколько раз начинали заново и снова отсылали на согласование. В таких

творческих муках мы пребывали до самого лета. Но, наконец-то, получено добро. Торжествуем и отправляемся на каникулы.

Итак, осень 1965 года. Начинаем с четвертьфинала. Телетеатр на площади Журавлёва заполнен до отказа. В жюри видим живьём нашего легендарного вратаря Льва Яшина, других известных персон. Ведущие – худенький Александр Масляков и стройненькая Светлана Жильцова, будущая диктор центрального ТВ. Маслякову 24 года. Сейчас, в 2018 году, Александру Васильевичу 77 лет, и он, такой же импозантный, бессменно все эти годы (его дебют в качестве ведущего состоялся 8 ноября 64-го) на сцене КВН – рекорд для Книги Гиннеса! Выступили мы весьма прилично и вместе с тремя другими участниками прошли в полуфинал, где самым грозным противником для нас должен стать Первый медицинский институт. Воодушевлённые успехом, продолжаем с боевым задором оттачивать мастерство и с головой ушли в работу.

Полуфинальная игра весной 1966 года в целом получилась, но набранных баллов нам для прохода в финал не хватило. Увы, в этот вечер торжествуем не мы.

Это было недавно, это было давно

Великолепно, как и в последующие годы, выступали медики, ведомые их замечательным капитаном Мотей Левинтоном. Всё равно мы счастливы – нас видели по телевизору на Первом канале наши родственники и друзья! Нам так завидовали!

А в следующий раз я появлюсь на экране только через 49 лет – 21 апреля 2014 года с песней Леонида Утёсова. Но об этом позже.

О СКОМНОМ ВКЛАДЕ В ОЛИМПИЙСКИЕ МЕДАЛИ

После зимней сессии 1965 года произошло событие, которое я тоже считаю очень для себя важным. Поскольку мой музыкальный рейтинг неуклонно поднимался, на меня обратил внимание инструктор спортивного отдела ЦК ВЛКСМ Андрей Кислов, курирующий сборную СССР по плаванию. Он по совместительству преподавал в нашем институте и бывал на культурных мероприятиях с моим участием. Вызывает он меня в кабинет нашего комсомольского секретаря и предлагает отправиться в двухнедельную командировку в Армению, где в горах, на спортивной базе «Цахкадзор» сборная пловцов готовится к чемпионату мира. Я опешил, спрашиваю: «А чем я могу повлиять на скорость плавания олимпийской чемпионки Галины Прозуменщиковой (газету «Советский сорт» я всегда читал внимательно и был в курсе главных спортивных событий), призёров Олимпиад Виктора Мазанова, Семёна Белиц-Геймана, Николая Панкина?»

Отдав должное моему остроумию (как никак, кавээнщик) и спортивной эрудиции, Андрей

Это было недавно, это было давно

Александрович рассказал мне, что морально-патриотический дух наших спортсменов нужно поддерживать не только политическим просвещением, но и в перерыве тренировок хорошими, мобилизующими песнями, которых, как ему известно, я знаю очень много. Задача, которую он мне поставил, состояла в следующем. Каждый вечер, перед сном с девяти до десяти часов в холле спецгостиницы нужно собирать ребят и организовывать с ними совместное пение комсомольских, военных, туристических песен, которые поднимают настроение, снимают нервное напряжение после тяжёлых тренировок. Само собой разумеется, что такое предложение я принял с радостью и воодушевлением. Познакомиться, а может быть и подружиться с известными спортсменами – об этом ведь можно только мечтать! А самое волнующее предварительное событие – это первый в моей жизни полёт на самолёте! За пару дней я собрался, получил инструкции и деньги на командировку.

В конце января я с чемоданом в одной руке и с аккордеоном в другой направляюсь в аэропорт. В Москве очень холодно – под 20 градусов мороза. Одед на себя всё, что мог. С волнением вхожу в винтовой Ил-18. Нервничаю, но вокруг симпатичные и приветливые

люди. Успокаиваюсь. Полетели. Ощущения непривычные, но спецпакет не беру. Лететь до Еревана больше четырёх часов. Первая половина полёта была достаточно ровной, а потом начались воздушные ямы, и при скоростях тех лет каждый провал заставлял молиться даже убеждённых атеистов (кстати, научный атеизм я как раз изучал на втором курсе). Но вот, наконец, Ереван, как добавляли – столица солнечной Армении. После московского мороза – плюс 18! С увесистым багажом в двух руках и одетый по-зимнему, начинаю плавать.

Мне надо добраться до центрального автовокзала, откуда в Цахкадзор ходит два раза в день автобус. До отправления автобуса было чуть больше часа. Я курсировал вдоль аэровокзала в поиске рейсового автобуса, но надписи на армянском мне ни о чём не говорили. «Эй, кАмпАзЫтор! Тебе куда?» – раздался голос с характерным акцентом. Невысокого роста мужчина лет пятидесяти, стоявший рядом с автомобилем «Победа», обращался именно ко мне потому, что багаж других пассажиров ничем композиторским не выделялся. Время поджимало, а перспектива ждать неизвестно сколько времени следующий автобус мне совсем не улыбалась. Я сказал

Это было недавно, это было давно

куда, владелец авто подхватил мою поклажу, закинул её в багажник и распахнул дверцу машины. Поехали. Всю дорогу я слушал восторженные рассказы о красоте Армении и обычаях древнего народа. Было интересно. Доехали мы минут за двадцать. Взяв за основу расчётов с водителем время в пути и примерную скорость старой "Победы", я произвёл несложные вычисления и определил, что при московской стоимости одного км в 10 копеек, моя поездка должна стоить не более двух рублей. Но поскольку это не такси, то коэффициент 1,5 – это вполне солидно для студента. Пока я искал в портмоне нужную сумму, мой несмолкающий гид выгрузил мои вещи и сделал жест, обозначающий желательность ускорения акта вознаграждения. У меня кроме одной купюры номиналом в 1 рубль были только пятирублёвки (вот что значит отсутствие практики поездок), и я протянул пятёрку водителю. Тот тепло и по-отечески похлопал меня по плечу и сказал: «Вот это я пАнимаю, мАлАдЭц!» Я слегка склонил голову в знак согласия с его комплиментом. Полагая, что тщеславный юноша ждёт дополнительных восторгов, мой благодетель добавил, что считает меня хорошим музыкантом. Но мАлАдЭц ждал не новых комплиментов, а сдачу с пяти рублей. Когда я озвучил

ожидаемую сумму, на смуглом лице моего почти уже друга появилось выражение полного недоумения. «Я тэбя плохо дАвёз? Я тэбе малаА рассказывал? У мЭня машина плАхая?» Я попытался объяснить, что мой статус студента с тридцатирублёвой стипендией и размер моих командировочных предполагают оплату трансфера в сумме не более трёх рублей. Дальше последовало следующее: с непроницаемым лицом хозяин «Победы» засунул пять рублей мне в карман и с завидным для его машины стартом, буквально исчез из виду. Я стоял с двойственным ощущением: либо его ранимой и сентиментальной душе я нанес нестерпимый удар, либо у него возникло желание совершить благородный кавказский поступок и пожертвовать три рубля небогатому композитору на творчество.

Уговорив себя, что имел место второй фактор, я, истекая потом, пошёл искать нужный автобус. Назвать то, что я увидел автобусом, можно было с большой натяжкой. Это был гибрид из старых запчастей непонятно каких транспортных средств. В кузове было два родных сиденья с вытертой кожей и выпирающими пружинами, а остальными сиденьями служили обыкновенные деревянные скамьи. Народу набралось человек двадцать, в основном женщины с детьми и

Это было недавно, это было давно

большими сумками. По дороге на спортбазу автобус развозил жителей горных посёлков. Езды примерно два часа – авто маломощное, а дорога вверх.

Пристроил чемодан, аккордеон в футляре поставил на колени потому, что чувствовал намерение женщины пристроить на них одного из двух её ребятишек лет пяти. Водитель собрал с пассажиров деньги, и мы поехали. Мотор ревел как у старого трактора, женщины разговаривали по-армянски без умолку, перекрикивая мотор. Окна все открыты, но всё равно очень жарко, душно и сильно пахнет бензином. Но потихоньку всё же едем. К последней на пути деревне подъезжали, когда начало смеркаться – зимние дни в горах ещё короче, чем внизу.

И тут, на тебе – шофёр говорит, что мы забрались довольно высоко, на дороге сильная наледь, и его резина подъём сегодня не одолеет. Мне стало не по себе, но водитель сказал, что до гостиницы рукой подать, дорога одна, заблудиться невозможно и что для молодого парня прогуляться на свежем горном воздухе – одно удовольствие. То, что моё удовольствие я должен ощутить с чемоданом и аккордеоном в руках, весёлый

возница не сказал. Пожелал мне хорошо отдохнуть в Цахкадзоре и покатил вниз.

Оказавшись совершенно один в незнакомых горах, уже почти в темноте и на неосвещённой дороге, я ощутил себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове. Но проделав что-то подобное медитации, я себя несколько успокоил, вспоминая слова шофёра насчёт *рукой подать*. Пошёл. Действительно, очень скользко, разбитый драндулет в гору не влезет. Реально оказалось почти два километра, которые я с множеством остановок преодолел часа за полтора. И вот она – радость путника в ночи – спортбаза призывно сверкала яркой подсветкой. Откуда взялись силы?! Последние метры я буквально бежал, хоть и груз мой был очень тяжёл.

Меня встретил администратор гостиницы, он был предупреждён о приезде массовика-затейника. Мужчина средних лет с сильным армянским акцентом проводил меня в мои апартаменты, накормил и сказал, что утром познакомит меня с тренерами команды пловцов. Так крепко, как в ту ночь, я давно не спал. Утром Роберт, так звали администратора, меня разбудил и пригласил в столовую, где уже завтракала команда. Меня представили тренерам, которые ввели меня в курс дела и

Это было недавно, это было давно

рассказали о распорядке дня. Сказали, что днём я могу заниматься, чем захочу, а вечером к девяти меня будут ждать в холле, где ежедневно до конца сборов все будут петь песни. Первый день погода стояла чудесная – яркое солнце, горы в снегу, лыжники катаются раздетые по пояс. Можно ходить без пальто и без шапки – и это зимой, когда в Москве лютый мороз! Я гуляю, репетирую, вспоминаю старые бардовские песни.

Вечером прихожу в холл с аккордеоном – никого нет. Я заиграл «Прощание славянки». Минут через десять пришли спортсмены, тренеры, врачи, массажисты и даже повара во главе с Робертом. Меня приняли вполне дружелюбно, но на мой призыв петь со мной вместе отреагировали слабовато. Первые два вечера были в основном моими сольниками – слушатели не знали слов большинства популярных песен. Но моё вдохновение постепенно стало передаваться уютно располагающимся в креслах пловцам и их наставникам. Особенно хорошо получалось: «Мальчишки, мальчишки несутся по снежным горам. Мальчишки, мальчишки, ну как не завидовать вам». Потом, конечно же, Ю. Визбор – «Лыжи у печки стоят» и «... лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал» В. Высоцкого из фильма «Вертикаль». Перепели почти все военные

песни, туристские. Оказалось, что любят и «Бригантину», и «Глобус», и «Перекаты». Надо было только напоминать слова. Вот уж здесь я блеснул своим солидным песенным багажом, чем вызывал у некоторых лёгкую зависть. Я же реально завидовал их спортивным достижениям и шикарному телосложению ребят.

Фигуры пловчих меня явно не впечатляли. Питание олимпийцев на сборах – это отдельная тема. Тут Родина не скупилась. Всё, о чём мог только мечтать простой советский человек, здесь присутствовало в изобилии. После изнурительных тренировок организм спортсменов, представляющих страну на разных соревнованиях, требовал высококалорийного питания. Целые институты разрабатывали специальные меню, продукты отбирались самые лучшие и полезные. За всё это от них требовались рекорды и медали на чемпионатах и олимпиадах. Знамя советского спорта должно было гордо подниматься под звуки нашего гимна. Это – политика! И никаких оправданий неудачам – результат любой ценой! Две недели я чувствовал себя полноценным участником тренировочного процесса, пусть даже только в его идеологической части, и почти уверовал, что будущие победы наших олимпийцев состоятся не без моей помощи. Моя уверенность

Это было недавно, это было давно

окрепла в 1968 году, когда мои новые друзья завоевали серебряные медали на Олимпиаде в Мехико.



С супругами, олимпийскими чемпионами: двукратной Любовью Бурдой и семикратным Николаем Андриановым

БОЛЬШАЯ ХИМИЯ

Летом 1966 года весь наш курс был направлен на строительство предприятий Большой химии в город Березники Пермской области. Отправлялись мы с большим энтузиазмом – хотелось посмотреть заводы, для которых мы, будущие инженеры, будем создавать оборудование, и на которых большинству из нас придётся работать по окончании института. На перроне Казанского вокзала нас провожали с духовым оркестром. Некоторые провожающие даже всплакнули. Двое суток в плацкартных вагонах с песнями под гитару, с куриными ножками и варёными яйцами – непременно дорожными яствами, и вот, мы прибываем в Березники – город Большой химии.

Город со всех сторон окружён химическими комбинатами, из труб которых и днём и ночью валит дым всех цветов радуги. При любом направлении ветра дышать приходится всей таблицей Менделеева. Как мы позже узнали, очистные системы почти на всех заводах давно вышли из строя, а строительство новых требовало гигантских материальных и финансовых вложений, что

Это было недавно, это было давно

сорвало бы выполнение планов и соцобязательств в честь будущего съезда Партии. А для руководства такая перспектива была смерти подобна. Трудно себе реально представить состояние здоровья жителей Березников – инвалидность от профзаболеваний, отсутствие зубов к 30 годам, высокая смертность в районе пятидесяти. Всё это мы узнали позже.

А пока, полные молодого задора, мы засучили рукава и принялись за работу. Нас распределили на разные комбинаты, моя группа была направлена на азотный, где мы участвовали в монтаже ректификационной колонны. Я и Володя Носовицкий трудились в качестве подсобных на верхней части колонны, это примерно 60 метров. Фотографии этого процесса бережно храню по сей день.

На стройке большинство рабочих – это освободившиеся из мест заключения мужчины. Для них это была возможность заработать деньги для возвращения домой и начала жизни на воле. На окраине города располагались лагеря с заключёнными. Преступность в Березниках была запредельная – грабежи, поножовщина, изнасилования. Нам

настоятельно рекомендовали после работы находиться в общежитии и проводить досуг только там.



А мы монтажники-высотники

Рядом с общежитием было два магазина с нехитрым ассортиментом товаров – серые макароны, консервы, конфеты-подушечки, сахар. Печенье надо было караулить, его расхватывали за минуты. Запасы, взятые каждым из нас в дорогу и на первое время, быстро закончились. Денег с собой у большинства из нас было мало, а получку обещали только по окончании работ, то есть через месяц. Обедками нас кормили на самой стройке в походном варианте – суп с

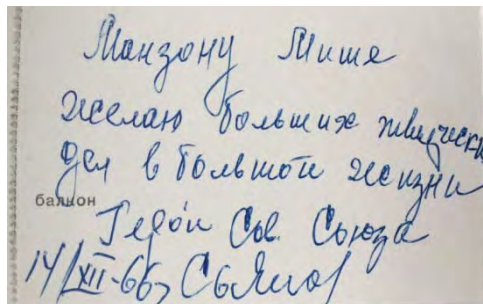
Это было недавно, это было давно

копчёностями, рагу или гуляш с какой-то кашей и компот из сухофруктов. Вода из-под крана – в неограниченном количестве – лето было очень жарким. Многие страдали от расстройств желудка, лекарственных и гигиенических средств никаких не было. Воспоминания самые мрачные. Но всё когда-нибудь кончается, закончился и этот "трудовой семестр".

В декабре ЦК ВЛКСМ устроил в Кремлёвском дворце слёт участников студенческих строительных отрядов. Было очень торжественно, мне вручили подарок и Почётную грамоту ЦК комсомола. На встречу со студентами пригласили много заслуженных людей – ветеранов войны и труда. Мне удалось взять автограф у одного из них. На моём пригласительном билете он расписался: "Герой Советского Союза И. Сьянов". Мне было приятно. Этот билет пролежал у меня в столе много лет, изредка я разглядывал его. Когда же появился интернет и стали публиковаться ранее неизвестные факты о войне, я прочитал следующее: *«Весной 1945 года, во время штурма Берлина старшина Илья Сьянов командовал ротой, которая первой ворвалась в Рейхстаг. Солдаты этой роты в тяжелейшем бою проложили дорогу на крышу здания разведчикам*

Михаилу Егорову и Мелитону Кантария, которые и водрузили Знамя Победы над Рейхстагом».

Русский и грузин, именно такое сочетание должно было понравиться Иосифу Сталину. Так всё и было подготовлено для официальных сообщений. Имя Ильи Сьянова многие годы нигде не упоминалось. Вот какого Героя автограф мне тогда достался! По окончании мероприятия нас без очереди провели в Мавзолей В.И. Ленина, что должно было означать оказание нам высокой чести за наш ударный труд. Глядя на то, что осталось от вождя, я вспомнил отрывок из поэмы В. Маяковского: «Ленин и теперь живее всех живых...». В годы моей юности поэму в школе задавали учить наизусть, теперь эту фразу используют сочинители анекдотов. Живём совсем в другом мире, но ностальгические воспоминания не хотят нас покидать.



ЛЕЙТЕНАНТ ХИМИЧЕСКИХ ВОЙСК

Самыми яркими событиями лета 1967 года были полуторамесячные сборы в составе батальона химических войск в эстонском городе Пярну. В нашем МИХМ'е вся мужская часть студентов, начиная с первого курса, проходила обязательную военную подготовку по программе лейтенантского состава войск химической защиты от оружия массового поражения. Должен сказать, что все четыре года обучения на военной кафедре были насыщены интереснейшими эпизодами, которые мы, офицеры запаса, снова и снова с удовольствием и с улыбками вспоминаем на наших встречах. А вспомнить есть о чём.

Все годы учёбы мы проходили практику на базе академии химзащиты, а по окончании института один раз в два года призывались на двухнедельные сборы с отрывом от работы, как правило, в январе. Призывать меня перестали только ближе к пятидесятилетию. Теперь обо всём по порядку. Прежде всего, нам предстояло пройти курс молодого бойца. Это строевая подготовка, преодоление полосы препятствий на время,

Лейтенант химических войск

разборка и сборка пистолета Макарова и автомата Калашникова, стрельба из этого оружия в тире и на полигоне со сдачей зачётов.



Служу Советскому Союзу



На огневой позиции

Были занятия по тактике боевых действий, но самое главное – это изучение и практическое использование средств химической защиты и спецтехники. А этой техники в химвойсках очень много, и всё надо было не только изучать, но и сдавать экзамены. Провал экзамена по военной подготовке на любом курсе – это почти гарантия отчисления из института и прямая дорога в армию на три года (тогда был такой срок службы). Понятно, что валять дурака на военной кафедре было крайне опасно. Почему я написал, что вспоминаем эти годы не без улыбки?

Потому, что смешных и драматических событий было столько, что хватило бы на отдельную книгу.

Взять, хотя бы, нашего преподавателя по тактике бравого полковника Митрофана Платоновича Масыкина. Тот на полном серьёзе сообщил нам, что в детстве, болея болезнью, от которой либо помирают, либо становятся дураками, героически выжил. Был маленького роста и очень строгий. Требовал, чтобы мы даже в аудитории подходили к нему только строевым шагом. Его тексты мало чем уступали по афористичности крылатым выражениям Виктора Степановича Черномырдина, фразы которого стали классикой русско-советской действительности.

А в Пярнусском химбатальоне к нам был приставлен ротным начальником старшина Петерсон – эстонец, ужасно коверкающий русский язык, но лично проводящий на плацу утром и вечером перекличку нашей студенческой роты. Относительно нормально он выговаривал фамилии Иванов или Сидоров. Фамилии будущих офицеров типа Аствацетуров, Крашенинников, Беренбойм, Прейгерзон и Гигиенишвили, получавшиеся у него с третьей, а то и с четвёртой попытки, вызывали у нас конвульсивные подёргивания всех лицевых мышц

Это было недавно, это было давно

(смеяться в открытую было «боже, упаси»). Очень смешливые тут же отправлялись пробежаться три раза вокруг казарм в полной выкладке. Вид у него был просто зверский – находка для фильмов про шпионов. Вежливые попытки предложить старшине переключку 150 воинов производить одному из нас наталкивались на трёхэтажный русский мат, но тоже с эстонской интерпретацией. Тут бы и посмеяться всласть, но только одна мысль о последствиях веселья крепко сжимала зубы и губы.

До нашего прибытия Петерсон в батальоне заведовал подсобным хозяйством, главным богатством которого были свиньи. Разводили хрюшек исключительно для пополнения рациона солдат калорийным питанием. Старшина раз в неделю, ранним утром, входя в образ тореадора, совершал почти ритуальное действие, и вот уже на обед свинина была крупными кусками и в супе, и в гуляше. Первое время трудно было привыкнуть отделять от этих нежующихся кусков шкурку и недоопалённую щетину. Это наше интеллигентное занятие очень обижало завхоза, который за это нас невзлюбил с первого дня. На наше счастье командир батальона был русский подполковник,

который иногда пресекал наезды прибалтийского собрата – старшины Петерсона.

Из столовых приборов нам выдавали только один – алюминиевую ложку, которую можно было сделать персональной, нося её в голенище правого сапога. Это разрешалось. Приём пищи полагалось производить из одной алюминиевой миски. Чтобы получить второе блюдо, нужно было до конца съесть первое. Кисель и чай наливались в эмалированные кружки. Компот нам давали только в день принятия воинской присяги.

Очень запомнилась одна важная и самая главная процедура – выбор и подгонка личного противогаза. Все работы по дегазации и дезактивации зараженной техники мы проводили в личных противогазах и герметичной спецодежде. После того, как противогаз подобран и подогнан, следовала проверка надёжности методом окуривания хлорпикрином. Нас по пять человек заводили в палатку, и в неё накачивалось это учебное отравляющее вещество. Когда-то оно было боевым. При определённой концентрации этого ОВ нам полагалось прыгать и приседать для учащения дыхания. Вот тут-то хитрецы, выбирающие себе противогазы на размер больше для комфорта (резина, сжимающая лицо

Это было недавно, это было давно

два-три часа – малоприятна), быстро понимали свою промашку. Хлорпикрин проскакивал через не плотно прилегающую резину, и начиналась жуткая резь в глазах, удушье, рвота. А сорвать противогаз – значит отравиться до отключки. Выбежать из палатки нельзя – она снаружи закрыта. При мне двое наших ребят упали без сознания. Конечно, офицер, который был с нами в палатке, сразу прервал испытание. *Халтуруцики* приходили в себя несколько часов. Те, кто к испытанию подходил ответственно, выходили из палатки живыми и невредимыми. Я относился ко вторым, поэтому окуривание перенёс нормально, хотя вид корчившихся однополчан на нервы действовал.

Чего я в жизни никогда больше не видел, так это лесных полян с красными коврами крупной и спелой земляники. В середине июля в лесу под Пярну, особенно в закрытых для населения зонах, где у нас были занятия с техникой, земляники можно было наесться вдоволь, не передвигаясь по поляне больше чем на метр. За время коротких привалов на таких полянах мы успевали не только хорошо поесть спелых ягод, но и наполнить ими любую подходящую ёмкость.

Свободное время нам отводилось для приведения амуниции в порядок: начистить до блеска сапоги, пришить новые подворотнички, написать письмо домой и т. п. Для тех, кто умел петь, читать стихи или играть на инструментах выделялось время для подготовки к концертам. Такие концерты мы, в качестве шефов, давали раза три в городе на предприятиях. Понятно, что моё участие в таких концертах было неизменным. Аккордеона там не было, поэтому пел под гитару, которую привёз с собой, читал стихи Евтушенко. У нас подобралась очень хорошая концертная команда. Юмористическую часть программы с блеском исполнял мой друг Володя Лахин. Концерт на полтора часа мы готовили за два вечера, которые командование нам выделяло. Я привёз домой грамоту от командира за участие в культурной жизни батальона. Самодеятельность и спорт в армии всегда поощрялись.

Полтора месяца сборов подводили итог наших четырёхлетних занятий по военной подготовке, нам присвоили звание младших лейтенантов химических войск. В течение последующих лет я к сорока годам дорос до звания старшего лейтенанта, что являлось последней записью в военном билете, который я тоже бережно храню.

Это было недавно, это было давно



Богатырский дозор – Лахин, Носовицкий, Манзон.

ЗАЩИТА ДИПЛОМА И ПРОЩАНИЕ С ИНСТИТУТОМ

Дипломный проект у меня был исследовательским, что позволяло надеяться остаться на кафедре и работать над кандидатской диссертацией. Если считать, что мой диплом уже содержал её экспериментальную часть, то при благоприятных условиях можно было бы за два – два с половиной года сделать всю работу и выходить на защиту.

Но по моим наивным планам был нанесён сокрушительный удар режимной службой родного института. Чудесная женщина, начальник Первого отдела Людмила Алексеевна Зверева доверительно сообщила (так как явно питала ко мне симпатию и уважала как хорошего студента), что лимит на лиц моей национальности по году исчерпан. Поэтому такому перспективному парню надо идти на производство, где его обязательно должны оценить по достоинству.

НАЧАЛО ИНЖЕНЕРНОЙ БИОГРАФИИ

В НИИ шинной промышленности мне дали должность младшего научного сотрудника и оклад 98 рублей в месяц, с вычетами и взносами 40 в аванс и 44 в получку. Инженер с прекрасной технической подготовкой и нищенская зарплата! Но не зря дядя Лазарь подарил мне в детстве аккордеон. К 22 годам я уже имел приличный опыт и репертуар и поэтому мог хотя бы удвоить с помощью музыки свой доход. За три года *обязаловки* я шесть раз подрабатывал на демонстрациях – на 1 мая и 7 ноября. 15 рублей за увеселение демонстрантов на пути в 15 километров с аккордеоном весом в 14 кг – от улицы Буракова на Шоссе Энтузиастов через Красную площадь до Таганки. Тоже хорошая практика.



Младший научный сотрудник – 1968 г.

Дорос я до оклада 125 рублей. Когда окончился срок обязательной отработки, я стал искать работу с более достойной зарплатой, ведь я уже был мужем и отцом. Всё-таки хорошо нас учили, и с подготовкой, которую давал наш МИХМ, можно было найти работу в любой отрасли промышленности. Я всегда с благодарностью и огромным уважением вспоминаю больших учёных и великолепных педагогов, чьи лекции

Это было недавно, это было давно

не уступали по актёрскому мастерству многим известным артистам: Василий Иванович Семишин (химия), Марк Самсонович Гельфанд (высшая математика), Бронислав Казимирович Венцковский (сопромат), Владимир Александрович Кирпиков (термодинамика), Александр Адольфович Гухман (теплопередача), Александр Николаевич Плановский (процессы и аппараты), Сергей Николаевич Соколов (теория упругости и пластичности металлов), Залман Бениаминович Канторович (расчёт и конструирование машин и аппаратов). Нам давали хорошие знания по металлосведению, электротехнике, физике, теории механизмов и машин, конструированию оборудования для химической промышленности и общего машиностроения.

Семинары по сопротивлению материалов (один из самых трудных предметов в ВУЗ'ах) у нас вёл Вениамин Израилевич Швец. Он говорил: «Дети мои, я знаю, как вы ненавидите сопромат и, заодно, меня. Я буду долго являться вам в кошмарных снах потому, что либо вы будете знать мой предмет на отлично, либо вылетите из института, как пробка из шампанского. А чтобы вы знали на отлично, я устрою вам райскую жизнь все два года, что я буду вести семинары». И он не шутил. На

сопромате сгорела четвёртая часть нашей группы. Тот, кто проскочил толстого дядю Веню, тот стал хорошим инженером и вспоминает его с благодарностью.

Перед Новым 1973 годом мой очень хороший друг Аркадий Клинов (мы с ним дружим уже 55 лет) сказал мне, что в литейный цех автомобильного завода АЗЛК требуется начальник участка стального литья. Старый начальник уходил по возрасту и состоянию здоровья, а нового пока найти не могут. Сам Аркадий из литейного пошёл на повышение в цех сборки салонов. Завод, как таковой, меня совершенно не пугал, но литейное производство мне было знакомо исключительно в объёме институтских теоретических знаний. Практически – литейка для меня *тёмный лес*. Но на собеседование я пошёл. Мне 26 лет.

В литейном цехе мастера и рабочие прошли *огонь и воду* не в переносном, а в самом прямом смысле. Почему-то начальник цеха Василий Герасимович Вагин решил, что с моей широкой инженерной подготовкой и заводской родословной я смогу за пару месяцев войти в курс дела. И я оправдал его доверие. Мне удалось довольно быстро найти общий язык с тремя сменными

Это было недавно, это было давно

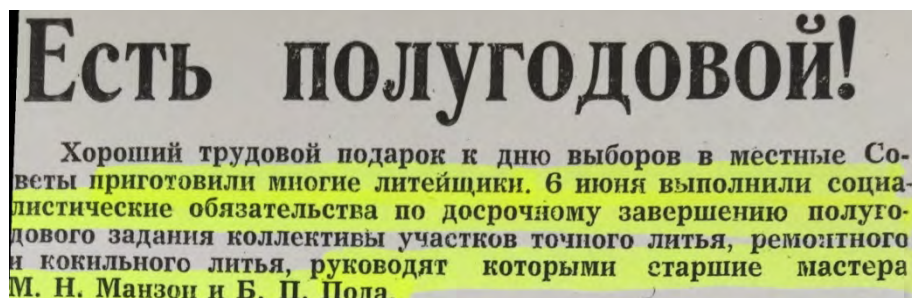
мастерами и рабочими, и уже через полгода я уверенно командовал участком и даже вывел его в передовые.

В газете «Вечерняя Москва» за 14 июня 1973 года есть статья, в которой сообщается о досрочном выполнении полугодового плана моим участком. А самое главное, моя зарплата доходила до 350-400 рублей в месяц. Это были уже серьёзные деньги. Хотя работа была очень тяжёлой. В 6 часов 40 минут утра я уже был в цехе – анализировал работу ночной смены и в 7 часов запускал дневную. АЗЛК – завод конвейерный – все комплектующие автомобиль части должны подаваться на сборку строго по графику. Любой срыв – это снижение премиальных. Раньше пяти-шести вечера домой уходить редко получалось. Почти все субботы были рабочими. По воскресеньям тоже часто вызывали. В цехе жара, шум, грязь, разговаривать надо почти крича. После работы отмывался минут двадцать. Но всё это компенсировалось очень хорошей зарплатой.

Когда литейные цеха всех заводов стали из Москвы выводиться, пришлось искать другую работу. Следующие 16 лет я связал с заводом «Сатурн» судостроительной промышленности.



Газета Вечерняя Москва за 14 июня 1973 года.



Из заводской многотиражки

МОЯ СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

На эту девушку с четвёртого курса машиностроительного факультета я, пятикурсник, активный участник всей институтской внеучебной жизни, стал всё чаще и чаще заглядываться. В нашем МИХМ'е было много симпатичных девушек, общительных, в меру кокетливых и с удовольствием заводивших с мальчиками отношения разной степени близости. Красивая, с хорошей фигурой, скромно, но, тем не менее, изящно одетая, она именно своей сдержанностью и отсутствием какой либо демонстративности, начала, сама этого не подозревая, разжигать моё любопытство.

Мы, конечно, за годы учёбы не раз попадали в поле зрения друг друга, но общения ни разу не возникало – на разных тусовках (раньше мы таких слов не знали) я её не видел, и повода для знакомства не возникало. Начинаю в обход наводить справки – Инна Симонович, отличница, интеллигентная, не конфликтная, постоянно в компании своей подруги – высокой блондинки Вали Денисовой. Да, действительно,

всегда на переменах и после занятий вижу их вдвоём, всегда оживлённо беседующих. Почему-то мой взгляд стал задерживаться не столько на рельефах её фигуры, хотя покрой вязанного тёмно-зелёного платья позволял его достаточно хорошо рассмотреть, сколько на очень выразительных глазах и красивой мягкой улыбке. Не страдая повышенной скромностью, я был несколько удивлён тем, что она ни разу не задержала свой взгляд на моей довольно популярной в институте персоне – кавээнщик, хорошо пою, на аккордеоне неплохо играю, с гитарой дружен – вроде бы могла и поинтересоваться. Наверное, думаю, у такой девушки кто-то есть. Но точно знаю – в институте никого.

Где-то за месяц-полтора до Нового 1968 года я, как всегда, между третьей и четвёртой парой занятий пошёл в нашу институтскую столовую, где тогда нам, студентам, всё казалось очень вкусным и, главное, недорогим. На 50 копеек можно было очень прилично пообедать: суп – 15, котлеты с пюре и подливой (которую, подмигивая девочке на раздаче, просили *побольше*) – 20, два компота из сухофруктов – 10 и пирожок с повидлом за 5 копеек. А очередь обычно была внушительной, хотя двигалась довольно быстро. Когда моя уже почти подошла, я с двумя подносами,

Это было недавно, это было давно

повернувшись стал выглядывать своего вечно опаздывающего друга. И тут в самом конце очереди я заметил Инну, одну без постоянной спутницы. «Я на секундочку» – говорю сзади стоявшему и буквально бегом несусь в конец очереди. «А я для тебя второй поднос держу» – обращаюсь к явно опешившей от такой бесцеремонности и напора Инне – «пошли, а то не успеешь до звонка».

То ли отчаянная жестикуляция непонятно откуда появившегося субъекта, то ли дурацкое выражение лица, явно не умеющего спрятать наглое враньё, а может быть и реальная перспектива для отличницы опоздать на лекцию, сделали своё дело. Она нерешительно и очень смущаясь всё-таки пошла со мной. Не помню, что именно она тогда взяла на обед и уж, тем более, что я сам взял и съел ли вообще. Мы сели за один стол. Сразу обратил внимание на хорошие манеры – спина прямая, к тарелке не наклоняется, красиво ест – я тогда ещё так не умел. О чём говорили, тоже не помню, но самое главное – мы познакомились. Обедали минут десять и разбежались по разным аудиториям.

Ночью спал плохо. Похоже, что толстый кучерявый мальчик Купидон уже нацелил свою стрелу в мою сторону. На следующий день в столовой Инны не было. Я пошёл, посмотрел в деканате расписание занятий в её группе и, узнав время их окончания, заранее занял скрытную позицию у самого выхода. Минут через десять, смотрю, идёт. Опять с подругой – невезуха! Они вышли на улицу, я за ними. Остановились, пощебетали, Валентина сделала ручкой и пошла налево в сторону Разгуляя, а Инна направо к Садовому кольцу. Метров через сто догоняю: «А я тебе опять сегодня очередь занимал», – говорю. Оказалось, она не каждый день посещает столовую, а ограничивается буфетом на переменах. Пошли к Курскому.

Темы для разговоров нашлись довольно быстро. Первая – как нас занесло именно в МИХМ. Ну я, понятное дело, потомственный металлист, обязан стать инженером-конструктором. А у Инны старшая сестра окончила наш институт, и в семье решили, что младшая дочь должна идти по стопам старшей. Будучи послушным ребёнком, Инна, медалистка, хорошо знающая русский язык, литературу, историю, имеющая широкий гуманитарный кругозор, легко сдаёт экзамены

Это было недавно, это было давно

в сложнейший технический ВУЗ и на радость родителям готовится стать специалистом в области криогенной техники. Ну, чем, думаю, не родственная душа? Нам как-то сразу стало легко разговаривать.

Погода была хорошая, дошли до Курского. Мне надо на электричку до Текстильщиков, но спускаюсь за ней в метро, доезжаем до Таганки. Узнаю, что живёт на Волочаевской. Предлагаю прогуляться пешком. Говорим про новые фильмы, цепляюсь за эту тему: «Как, насчёт посмотреть вместе?» Соглашается. Галантно приглашаю в субботу. Незаметно как пришли к дому на Рогожской заставе, кирпичному, довольно мрачному и старому. Когда Инна мне сказала, что на их улице снимался фильм «Дом, в котором я живу», я был бы не я, если бы тут же не спел пару куплетов про «Тишину за Рогожской заставою», чем явно укрепил её согласие на субботнюю встречу. У подъезда простояли довольно долго. Мне было приятно, что она не пыталась смотреть на часы и живо поддерживала наш несколько сумбурный разговор. Попрощались за руку. Не помню, кто протянул руку первым. Кажется, от волнения я. По дороге домой переживал – вдруг подумает: «Да, парень-то, не комильфо. Где его этикету учили?» Но обошлось. Этот эпизод в дальнейшем не

обсуждали. Тем более, что очень скоро наши расставания стали сопровождаться уже не рукопожатиями.

А Новый год всё приближался. Мы уже довольно часто делали разные культпоходы и даже сходили на каток в парке Сокольники. Учились и я, и она хорошо, поэтому вовремя сдали к концу декабря все зачёты и были готовы к январской сессии. Мой недавно женившийся друг Володя Носовицкий (сейчас нашей дружбе уже 55 года) с интересом наблюдал за развитием наших с Инной романтических отношений и недвусмысленно намекал на желательность их форсирования. Новый год мы встречали вместе с Володиными родителями. Арон Наумович – успешный адвокат, и Эдита Ефимовна – ведущий педиатр Морозовской больницы были буквально очарованы Инной и впоследствии много лет очень тепло к ней относились. Часа в три ночи, в самый разгар Голубого огонька Эдит Ефимовна вытащила меня на кухню: «Мишка, какая девчонка! Повезло тебе – сейчас таких – фиг найдёшь! Ну-ка, отвечай мне – ты уже сделал ей предложение?» Я, густо покраснев, начал объяснять, что со временем обязательно сделаю. «Дурак, будешь долго думать – такую девку уведут, будешь локти

Это было недавно, это было давно

кусать». Кстати, Эдита Ефимовна первой осматривала нашего первенца Сашу после выписки из роддома и сказала: «Ну, этот парень даст вам шороху, не соскучитесь!» И не ошиблась.

Говорить серьёзно зимой 1968 года о женитьбе людей со стипендиями в 35 рублей и не молодыми, совсем не богатыми родителями, было, конечно, не серьёзно и безответственно. У меня начиналась особая исследовательская дипломная практика, у Инны впереди был очень напряжённый семестр. На какое-то время наши встречи стали не столь частыми, что оба воспринимали с пониманием – надо было, как тогда было принято, «встать на ноги». Первым на ноги встал я. Блестяще защитив диплом, я был направлен на работу в НИИ шинной промышленности. Младший научный сотрудник с окладом 98 рублей в месяц (40 в аванс и 44 в получку, 10 рублей – налоги за бездетность и подоходный, комсомольский и профсоюзный взносы). С таким стоянием на ногах можно было без зазрения совести побираться в переходах, отгоняя мух и бродячих собак дипломом инженера в красивых корочках. И если бы не мои подработки на свадьбах и гонорары за выполнение курсовых проектов студентам-

лодырям, самым широким жестом научного сотрудника было бы катание девушек на трамваях.

Предложение Инне я сделал только в начале 1969 года. Она оканчивала последний курс, и впереди её ждали звание инженера и оклад в 100 р. Мы уже могли на что-то рассчитывать. Наша свадьба состоялась 19 июля в ресторане «Прага». За сорок рублей мой знакомый саксофонист Костя Вольфрам (такая красивая фамилия) пригласил хороших музыкантов. Гостей 60 человек. Стол из расчёта 10 рублей на человека – это 600 р. – огромные тогда для нас деньги. В то самое время, когда под марш Мендельсона мы шли к свадебному столу, американский астронавт Нейл Армстронг делал первые шаги по Луне.

Только на свадьбе я с удивлением узнал, что мой тесть – Евсей Яковлевич родился в Таганроге, и что его двоюродная сестра – Фаина Георгиевна Раневская, в девичестве Фельдман. Народная артистка СССР, любимица советских граждан обладала сложным характером. У неё почти не было друзей, с родственниками она давно не поддерживала отношений. Нашу свадьбу снимал узкоплёночной

Это было недавно, это было давно

кинокамерой «Красногорск» муж Инниной подруги. За долгие годы прохождения через проектор, плёнка сильно истёрлась. Часть фрагментов слабоватого качества удалось уже в конце 90-х перевести на цифру. Когда смотрел последний раз в 2017 году, насчитал всего 10 ныне здравствующих гостей нашей свадьбы, остальные уже стали небожителями. Грустно, но естественно.



19 июля 1969 года

На деньги, что нам подарили гости, мы отправились в свадебное путешествие через Ленинград в Прибалтику. Наш скромный бюджет позволял нам по минимуму использовать гостиницы и рестораны. Ночёвки на частных квартирах стоили один рубль,

билеты на поезд – плацкартные, питание в столовых и кафе. Но мы молодые, влюблённые, здоровые, имеющие практику турпоходов и с энтузиазмом смотрящие в светлое, как нам обещала Партия, будущее, были рады новым впечатлениям.

Два дня погостили в Ленинграде у Инниной тёти Клавы, блокадницы, до 90 лет прожившей в угрюмой ленинградской коммуналке. Первой же ночью мы были зверски искусаны питерскими клопами, которые с удовольствием попили кровь московских гостей. Таких интенсивных телодвижений, какие мы совершали при скидывании с себя этих тварей, уверен – мало кто совершал даже в брачную ночь. Интересно, что тётю Клаву они не трогали, видно из уважения к возрасту и боевым заслугам. Эту ночь мы долго вспоминали, намного чаще, чем само путешествие.

Вернулись мы в середине августа – Инне надо было выходить на работу. Посчитали остаток денег – как раз на пакет молока за 16 копеек и на нарезной батон за 18 (видно кто-то в поезде позаимствовал из моего кармана отложенные для поддержки нашей семидневной жизнедеятельности пять рублей). До первой полочки ездили покушать попеременно к

Это было недавно, это было давно

нашим родителям, которые нас были рады подкормить. Но уже очень скоро мы сами стали их приглашать, с удовольствием демонстрируя им кулинарные способности молодой жены и музыкальные молодого мужа. Инна очень быстро научилась вкусно и разнообразно готовить, чем вызывала большую радость моей мамы, полюбившей младшую невестку с первого дня знакомства.

В сентябре въехали в двухкомнатную кооперативную квартиру в Нагатино. Деньги на первый взнос вместе с ковром и письменным столом нам подарила тётя – тоже Инна, только Яковлевна – это был буквально царский подарок. В войну с белофиннами она была инструктором санитарного поезда. Командование наградило её «Кратким курсом истории ВКПБ» под редакцией товарища И. В. Сталина в красном сафьяновом переплёте – в то время очень ценная награда (настоящий катехизис страшных сталинских репрессий). Полную стоимость квартиры мы выплачивали 15 лет сами. Дом был сдан с недоделками – 8 месяцев мы жили без газа, готовили на керосинке, 9 месяцев без лифта на седьмом этаже. Но гостей у нас всегда было достаточно. К нам все

любили приходить – было весело и вкусно. С деторождением пришлось подождать ровно два года.

Постепенно эту нашу квартиру мы начали обживать. Телевизор покупали в кредит. А когда я начал работать в литейном цехе автомобильного завода, и моя зарплата почти утроилась, появились приличная мебель, посуда, утварь, дефицитные книги, достаточно хорошая одежда, обувь. Инна зарабатывала около двухсот рублей. Аккордеон не пылился. Жизнь налаживалась.

МЫ СТАЛИ РОДИТЕЛЯМИ!

26 июля 1971 года – 12-я годовщина кубинской революции. По радио крутят Магомаева с песней: «Слышишь чеканный шаг? – Это идут барбудос! (революционеры)».

Начинать повествование о нашем первенце-барбудосе следует с того момента, когда терпеливая роженица – моя жена Инна, войдя в положение разомлевшей от третьей чашки чая нянечки, отдавшей ей распоряжение подождать с родами пару часиков (вас, мол, много, а я одна), старалась, как могла, не нарушать покой угрюмой хозяйки многоместной палаты родильного дома на Солдатской улице.

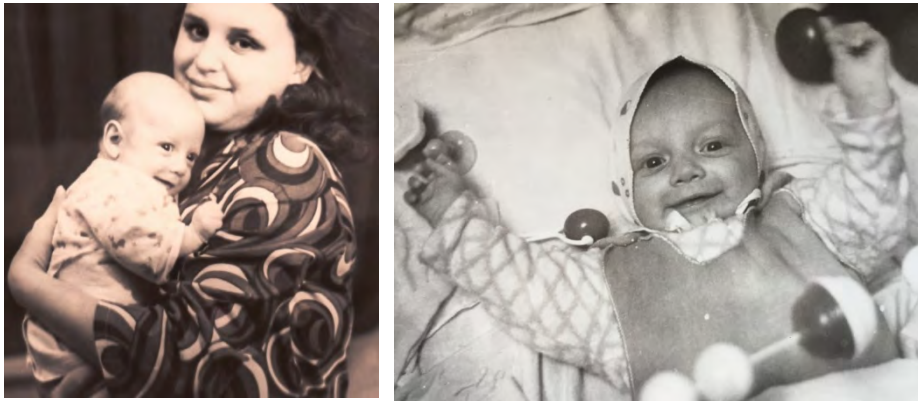
Но вполне дозревшему плоду нашей любви было явно глубоко плевать на обставленную чуть ли не в стиле доброй английской традиции «five o'clock» процедуру, и он решил, как и подобает астрологическим Львам, пробираться на белый свет, не дожидаясь особого разрешения. Его спринтерский рывок был так стремителен, что, пробираясь вопреки начальственному указанию наружу, он набил себе на голове приличную

шишку, чем крепко напугал и поверг в очень сильное нервное расстройство молодую маму. К счастью, через месяц голова нашего Александра приобрела вполне правильную и даже очень симпатичную форму.

Но революционную тактику решения своих больших и малых проблем он начал усваивать ещё раньше. То есть, с первого дня прибытия в нашу небольшую, но уютную и старательно подготовленную к приёму младенца квартиру, решительно показал, что гулять он будет по ночам, а спать днём. И этому милому графику наш сыночек Сашенька оставался приверженным почти до двухлетнего возраста, превратив наши ночи в сплошную эстафету по исполнению колыбельных песен и увещаний пощадить наши разгулявшиеся нервы. В этой неравной борьбе я изобрёл хитрый приём, позволявший хоть на короткое ночное время погружать сына в сладкую дрему. Расстояние от нашей кровати до окна было примерно метров пять. К кроватке на колёсиках я привязывал длинную верёвку и, не вставая с постели, ногой отталкивал её к окну, а потом короткими рывками подтягивал её к себе. Умиротворённое сопение было знаком одобрения моей рационализации и давало

Это было недавно, это было давно

возможность на час-полтора угомонить уверенно набравшего вес наследника.



Наконец, по прошествии пары годиков, он взялся за ум и стал давать нам высыпаться. Для меня это было крайне важно. Получив возможность безмятежного сна до пяти часов утра, я втянулся в нелёгкую, но хорошо оплачиваемую работу. Мы начинали, как сейчас говорят – *вставать с колен* в материальном смысле. Довольно рано отдали Сашу в детский сад, благо он был у нас во дворе. Инна вышла на работу, и наша жизнь начала входить в нормальную колею, даже несмотря на большой дефицит абсолютно всего и выстаивание в длинных очередях буквально за всем. Но мы были молодыми, на нашу жизнь смотрели с оптимизмом и умели ей радоваться.



Почти все наши многочисленные друзья к этому времени тоже обзавелись детьми и, так же как и мы, штудировав американского доктора Спока, воспитывали их по самым новомодным методам. Чем я горжусь до настоящего времени, так это тем, что очень много фотографировал Сашу и все периоды его роста, лет до десяти, запечатлены в фотографиях, которые теперь так интересно всем разглядывать. Детский сад был для него очень полезен в плане перехода от ярко выраженного домашнего индивидуализма к очень пригодившимся ему впоследствии правилам поведения в коллективе. И надо сказать, что эти правила были очень хорошо усвоены. У Саши с детства было много друзей, со многими из которых он дружит до сих пор. Добившись во взрослой

Это было недавно, это было давно

жизни довольно многого, он и им почти всем помог состояться.

Но об этом позже. Детсадовские годы ничем особо выдающимся отмечены не были, не считая суровых выговоров строгой воспитательницы тёти Шуры, которая была очень недовольна тем, что мы забирали Сашу всегда последним (мы с Инной тратили на дорогу с работы домой больше часа). Хорошо помню картину, когда зимой во дворе детского сада в шесть часов вечера, а то и позже, в тусклом свете одного единственного фонаря бродили две фигуры – тёти Шуры и Саши, упакованного в валенки и чёрную шубу. Они вглядывались в сторону автобусной остановки, ожидая нашего прихода. Счастье, что Александра Николаевна питала к Саше большую симпатию, и это смягчало в отношении нас, таких неудобных родителей, её строгую душу. Надо сказать, что её терпение и переработку хорошо и достойно компенсировала Инна, делая ей частые приятные подарки.

Кстати, о подарках. Здесь я не могу удержаться, чтобы не вспомнить о той категории особо ценных, без всякого преувеличения, подарков, вручение которых в середине семидесятых гарантировало дарителю

искреннюю признательность одариваемого. Идти в ногу со временем хотелось всем. А время всё настойчивее диктовало простым обывателям переходить, посещая известное место, с газет на туалетную бумагу. И хотя эту бумагу, в отличие от газет, нельзя было использовать с целью расширения культурного и политического кругозора, новая тенденция уверенно набирала обороты.

Но одно дело просто хотеть, а другое – бегать по магазинам хозтоваров в надежде угадать, где и когда этот супердефицит *выбросят* в продажу. Нам в этом плане было чуть легче – хозяйственный магазин был в соседнем доме, и если с утра зорко следить из окон нашей квартиры на седьмом этаже за ситуацией у магазина, можно было по ряду признаков определить скорое начало продажи заветных серых рулонов. Тут я обязан с благодарностью вспомнить мою тещу Ольгу Ивановну, которая в эти годы, в результате ряда особых событий, сумела перебраться в соседний подъезд нашего дома.

Так вот, она очень внимательно следила за обстановкой и безошибочно определяла день и час начала операции, которая состояла из нескольких этапов. Первый – не позже восьми часов утра занять

Это было недавно, это было давно

очередь, которая к одиннадцати, то есть к открытию магазина, огибала магазин по всему периметру. Но это было ещё половиной дела. Туалетную бумагу давали по десять рулонов в одни, как тогда говорили, руки. Представьте себе, что значит отстоять несколько часов в очереди и взять всего 10 рулонов – этой пассивности и высшей меры несообразительности не могло быть никакого оправдания! Что делали граждане, для которых это счастье оказывалось неожиданным? Они бросались к единственной телефонной будке у магазина, лихорадочно ища в кошельках двухкопеечные монеты, чтобы дозвониться родственникам или друзьям, которые могли срочно прибыть на подмогу. А очередь в эту будку тоже была внушительной. Двушки шли по 10-20 копеек. Это тоже был маленький *гешефт* (слово «бизнес» было ещё неизвестно).

Моя тёща, женщина, безусловно, умная и заботливая, заняв очередь и отпросившись из неё «на минутку», бежала за Сашей, тот, в свою очередь, быстро собирал двух-трёх друзей, которые с удовольствием прибывали к магазину в ответ на обещанное вознаграждение. Ропот стоящих позади бабушка этих «внуков», даже приблизительно друг на друга не похожих, умела дипломатично глушить. Надо было

видеть бабу Лёлю, как называл её Саша, выходящей из магазина с гирляндами рулонов туалетной бумаги на шее. Глядя в этот момент на неё, сразу представлялся матрос из фильмов о революции, обвешанный пулемётными лентами. Благодаря Ольге Ивановне наши антресоли всегда содержали запасы туалетной бумаги, намного превосходящие возможность её использования по прямому назначению. Ну, а Саша уже тогда, в условиях тотального дефицита, смог получить первые навыки предпринимательства. Надо ли говорить о том, что это изобилие мы иногда могли, в определённых случаях, использовать в качестве приятного подарка.

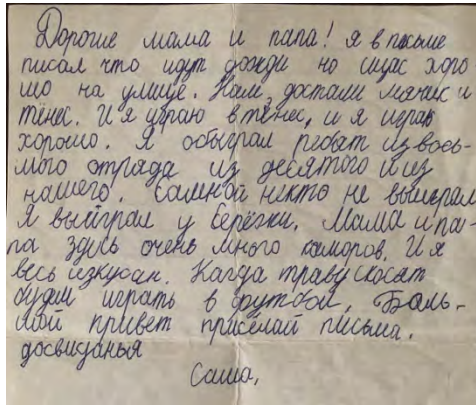
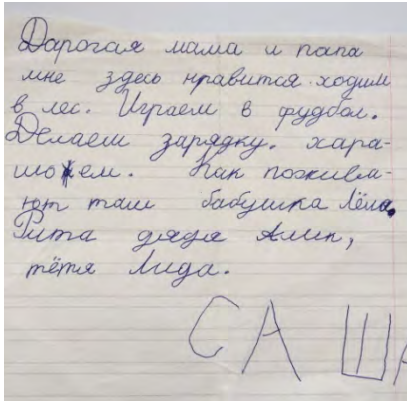


Это было недавно, это было давно

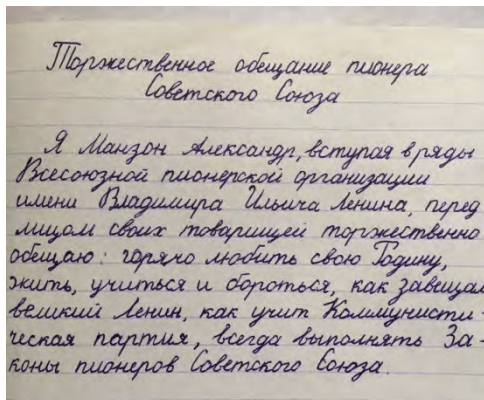
В первый класс Саша отправился уже хорошо дрессированным коллективистом и особых хлопот нам не доставлял. В пионерский лагерь завода «Компрессор» он начал ездить с первых же каникул. Там чувствовал себя достаточно уверенно, о чём свидетельствуют сохранившиеся до сих пор его письма из лагеря. С характерными для второклассника вольностями в грамматике и орфографии великого и могучего русского языка Саша сообщает о своих спортивных достижениях, свирепости комаров, хорошем аппетите и не забывает передать приветы всем многочисленным родственникам. Ни одного жалобного письма не помню.



Манзоны в пионерлагере: Сережа, Саша и Аркаша



**ОПТИМИЗМ – АЗАРТ – ВОЛЯ К ПОБЕДЕ – слагаемые
будущих успехов! (Лидеров не почерк украшает)**



Близится эра светлых годов.

Клич пионера – «Всегда будь готов»

До седьмого класса учёба шла достаточно ровно и спокойно. На этот период приходятся различные спортивные увлечения — это плавание, футбол, дворовый хоккей. В бассейн «Труд» я водил Сашу достаточно долго, где он прилично освоил разные стили

Это было недавно, это было давно

и даже подавал некоторые надежды. Но очень скоро водный энтузиазм уступил место футбольным и хоккейным страстям, и Саше удалось попробовать себя в детской группе знаменитого ЦСКА, где по разным причинам закрепиться не удалось в основном из-за очень дальней дороги до стадиона и очень больших физических нагрузок. А после восьмого класса началось увлечение математикой. Саша перешёл в математический класс соседней школы, где молодой преподаватель с фамилией Гольдман (вот уж, действительно, золотой человек) сумел так заразить ребят основой всех наук, что они от решения труднейших задач испытывали удовольствия не меньше, чем от забитого гола. Когда наш сын начинал восторженно смаковать заковыристые задачи своего учителя, наше родительское тщеславие уже рисовало блестящую математическую карьеру Александра Манзона и его весомые вклады в отечественную науку.

НОВОЕ АМПЛУА

В 1983 году, когда наша Ира стала уже ходить, а Саша своей активностью постоянно стал сужать её пространство, нам стало не комфортно с двумя детьми в нашей двухкомнатной квартире. Путь к расширению жилья лежал через особую очередь в нашем кооперативе, в котором, по мере различных изменений в составе жильцов, освобождались квартиры разного метража. Но пассивно ждать такого случая, не имея никаких особых привилегий, можно было до старости.

И тут Его Величество Случай подвернулся мне в виде предложения председателя кооператива возглавить в нашем доме товарищеский суд и придать ему максимум оперативности и объективности. Ну и главное, решительно призвать несознательных жильцов соблюдать правила культурного общежития. Сказать, что в доме было много несознательных граждан, не могу – люди, в основном интеллигентные: учёные, инженеры, врачи, другими словами – публика приличная. Основная масса конфликтных ситуаций – протечки воды,

Это было недавно, это было давно

различного рода шумы, типа громкой музыки в позднее время, да, пожалуй, и всё.

Прежний председатель даже такой малостью не занимался, поэтому решили искать нового на замену лодыря. После отсева ряда кандидатур выбор пал на меня. Конечно, при моей занятости – работа на заводе, музыкальная деятельность и домашние заботы – находить время для разбора бытовых конфликтов было не просто, но другого шанса продвинуть решение задачи у меня не было. Я согласился при условии, что буду исполнять председательские функции только по вечерам вторника и четверга (так как в эти дни вероятность моих музыкальных выступлений была наименее вероятной).

Для работы товарищеского суда предназначалась одна из комнат нашего правления, оборудованная столом, стульями и шкафом с канцелярскими принадлежностями, электрочайником и двумя давно не мытыми стаканами. Было ещё несколько папок, тесёмки которых, по всей видимости, ни разу не развязывались. На пыльном столе лежала подшивка кроссвордов и несколько потрёпанных журналов «Мурзилка».

Меня несколько утешало то, что в ранге секретаря мне делегировали замечательную женщину,

восьмидесятичетырёхлетнюю Клавдию Семёновну Сединкину – опытного делопроизводителя, обладающую к тому же каллиграфическим почерком. А заместителем мне рекомендовали тишайшего интеллигента Якова Мироновича, который признался, что на этом настояла его супруга с целью хоть изредка отрывать его от телевизора и от домашнего, как она считала, тиранства. Зная его благоверную, можно было без труда определить, кто из них настоящий тиран.

Первый месяц был просто подарком – ни одного конфликта. Но радость моя была скоро омрачена событиями, которые на ближайшие полгода дали мне такую головную боль, что и по прошествии тридцати пяти лет судебные баталии мне вспоминаются, как страшный сон.

В пятом подъезде, на шестом этаже жила пожилая пара – Амалия Аркадьевна, лет семидесяти пяти, и её супруг Савелий Ефремович, которому было не меньше восьмидесяти лет. Пенсионеры – он в прошлом инженер, она врач санэпидстанции. Жили себе, жили, особенно ничем не отмечались. И вдруг на них просто посыпались жалобы от верхних, и нижних и боковых соседей – мол, в них бес вселился – дерутся, ругаются, подкрепляя свои

Это было недавно, это было давно

вопли нецензурными выражениями. А битвы их, как правило, начинаются ближе к ночи и завершаются звоном разбивающейся посуды и шумом падающих тел, где-то в районе часа ночи.

Соседи стали требовать от товарищеского суда призвать хулиганствующих стариков к ответу, а если не утихомятятся, то обратиться за помощью к милиции. Уже казавшаяся синекурой в нашем благополучном доме, моя роль судьи в один момент превратилась в один бесконечный кошмар. Мало того, что супруги пару недель вообще не реагировали на мои приглашения прийти поговорить, бросали трубку телефона или грозились знакомством с очень важными людьми, которые могут кое-кого отучить жаловаться. Где-то на исходе третьей недели этого разгула страстей мне всё-таки удалось уговорить боевых супругов дать мне интервью перед очередным заседанием правления по вопросу корректировки очереди на квартирные передвижки.

Оказывается, они задумали поменять свою двухкомнатную квартиру на две однокомнатные, редко освобождаемые и самые дефицитные. А поскольку они оба ветераны труда, то желают быть в очереди первыми.

Мне было предложено, как авторитетному товарищу и председателю товарищеского суда, на правлении активно выступить в поддержку их требования. При этом оба намекали на связь между положительным решением вопроса и покоем соседей.

До меня дошло – имею дело с шантажом. «Уважаемые Савелий Ефремович и Амалия Аркадьевна», – обратился я к ним – «Вы проживаете в хорошей квартире с прекрасным видом из окон, у вас на двоих более чем достаточная площадь, у вас, слава Богу, давно выросли дети и внуки, чтоб они были здоровы и счастливы. Так зачем вам квартиры, в которых нуждаются люди, живущие в стеснённых условиях? Да и зачем Вам новые денежные затраты?». На лицах супругов не было и признаков принятия моих аргументов. Их желание разъехаться было непреклонным. Когда я заявил, что не вижу причин для поддержки их ходатайства, мне было обещано ещё не раз испытать мою нервную систему на устойчивость. С чем и удались. Состоявшееся правление, естественно, оставило их в общей очереди.

На некоторое время возмутители спокойствия несколько утихомирились, видно понимая, что нужна

Это было недавно, это было давно

новая тактика и новые аргументы. А в отношении меня, как я быстро почувствовал, начали придумывать всякие головоломки, самой лёгкой из которых стало "картофельное дело". В ближайшее воскресенье, утром раздаётся телефонный звонок. Звонит Савелий Ефремович и просит меня срочно спуститься к подъезду, так как только что произошло хулиганское действие и требуется вмешательство официального лица, коим являюсь я.

Выхожу во двор – на скамейке сидит наш ветеран с лицом, не обещающим ничего хорошего, в руках держит картофельный клубень размером с теннисный мяч. «Доброе утро, Савелий Ефремович! Вы, наверное, из магазина?» – я попытался смягчить суровость обращённого на меня взора – «Не умничайте, Михаил Наумович. Только что какая-то сволочь бросила на меня откуда-то сверху эту картофелину, и если бы не моя шляпа, то я бы получил сотрясение мозга. Я требую от Вас срочно выявить хулиганов и отправить их в милицию». Ничего себе задачка! Откуда, хотя бы примерно, прилетел снаряд, заявитель не заметил, но уверен, что из окон нашего или соседнего подъезда. На мой резонный вопрос о том, каким способом я смогу найти злоумышленника, Савелий Ефремович заявил: «А

это уже Ваше дело. Я это просто так не оставлю. Вы меня ещё не знаете!» Я опять попытался уменьшить градус возмущения и сострить: «Даже зная, что угрожающий Вашему здоровью овощ мог ударить Вас с силой равной по формуле Ньютона 'эм вэ квадрат пополам', и хорошо, что пополам (как в старом анекдоте), я, имеющий солидное техническое образование, не смогу рассчитать траекторию и скорость полёта этой картофелины. Но я вместе с Вами возмущён и попытаюсь вычислить хулиганов. Скорее всего, это подростки, но кто именно, проведём следствие. А сейчас я прошу меня извинить, я хотел бы позавтракать». «Приятного аппетита, но знайте – от меня Вы легко не отделаетесь. Выполняйте свои председательские функции» – сурово сказал морально травмированный ветеран труда и удалился.

Я напрасно надеялся замять это дело. И ведь, действительно, какой из дедуктивных методов великого сыщика Шерлока Холмса мог быть мной использован для выявления хулигана и торжества неотвратимого наказания? Дело абсолютно глухое. А Савелий Ефремович стал мне ежедневно звонить и вылавливать во дворе с одним и тем же вопросом: почему не раскрыт гнусный террористический акт? Я понял – готовится моя

Это было недавно, это было давно

дискредитация, как лица, обличённого высоким доверием членов кооператива. От жертвы террора мне не было покоя почти месяц. То он заявлял, что я покрываю исполнителей гнуснейшей выходки, то истерично кричал, что наступают сталинские времена, и что он, как человек с сорокалетним партийным стажем, сообщит о моей бездеятельности в партком по месту моей работы. Когда он несколько подустал, за дело взялась его супруга.

Этот тайм-аут своего благоверного она решила использовать на всю катушку, выставив, как ей казалось, два убийственных аргумента. В один из урочных для суда дней она явилась напомнить мне, что я рано расслабился, и оставлять меня в покое они с мужем не собираются. Разве что, только при положительном решении их вопроса. Убедившись в течение последнего месяца, что такие угрозы имеют шанс быть реализованными, я предельно вежливо обратился к грозной посетительнице с напоминанием своей позиции. «Амалия Аркадьевна, скажите членам товарищеского суда откровенно, какие ещё причины требуют срочного расселения Вас и глубокоуважаемого Савелия Ефремовича, столько лет проживающих вместе, по разным квартирам, да ещё в условиях, когда есть семьи

более нуждающиеся в этом, нежели вы?». «Я Вам скажу», - ответила она и посмотрела по очереди дольше, чем требуют правила приличия, в глаза каждого из моих коллег. «Он по ночам ссытся!». Вот это поворот! Да, такие откровения вряд ли слышала даже моя многоопытная секретарша Клавдия Семёновна, не говоря уже о Якове Мироновиче, у которого от услышанного из рук выпал журнал «Мурзилка» и покраснели уши.

Старательно записывающая предыдущие аргументы секретарь суда приостановила запись и растерянно посмотрела на меня. Явная сложность ситуации требовала деликатной реакции. Я откашлялся: «Полагаю, что названное Вами, уважаемая Амалия Аркадьевна, обстоятельство, никак не может быть облегчено мной и моими коллегами, поскольку мы не владеем соответствующими медицинскими знаниями, но думаю, что проблема легко устраняется с помощью специалиста нужного профиля». Мне самому понравилась моя изящная фраза, и я придал своему лицу благодушное выражение, считая, что снял неловкость момента.

Это было недавно, это было давно

«Но это ещё не всё» - продолжила обличительница – «он, кроме того, ещё и импотент!» Повисла тягостная пауза. Теперь закашлялась Клавдия Семёновна. Яков Миронович почему-то стал то ли зашнуровывать ботинки, то ли искать что-то упавшее со стола. Я призвал на помощь всё своё красноречие и опыт ведения юбилейных застолий. «Амалия Аркадьевна» - начал я – «в том благословенном возрасте, в котором пребывает Ваш уважаемый супруг Савелий Ефремович, озвученное Вами новое обстоятельство, безусловно, не может считаться фактором укрепления семейных уз, но и, я очень надеюсь, не может относиться к трагическим данностям его и Вашего почтенного возраста». Я выдохнул. Мои коллеги удовлетворённо кивнули головами.

Амалия Аркадьевна кинула на меня испепеляющий взгляд и снова, презрев все приличия и высокий авторитет товарищеского суда, назвала меня дураком. Реагировать на эту выходку надо было немедленно. Я поднялся во весь рост и голосом диктора, читающего сообщение ТАСС, потребовал занести это оскорбление должностного лица в протокол заседания и объявил повестку дня исчерпанной. Амалия Аркадьевна

хлопнула дверью так, что вряд ли подобный грохот смог бы я произвести во времена работы молотобойцем.

Не буду дольше утомлять моих читателей всеми перипетиями моей судебной практики. Эти эпизоды я привожу исключительно с целью показать, благодаря каким испытаниям мне удалось стать обладателем четырёхкомнатной квартиры.

Когда в 1984 году мне сообщили, что, наконец, освобождается большая квартира на девятом этаже, и что эту квартиру решено предложить мне, мы с Инной пришли в неопиcуемый восторг. Пошли смотреть. И тут радостное выражение наших лиц сменилось на противоположное. Оказывается, эту квартиру наше правление последние десять лет сдавало в аренду московскому обществу художников. И в ней поселились какие-то спившиеся горе-художники, устроившие там настоящий притон.

Вид квартиры был ужасен: закопченные стены и потолки, сорванные с петель двери, сгнившие оконные рамы, изуродованный санузел, чёрная ванна, которую использовали в качестве мангала для приготовления шашлыков, заляпанный краской и изодранный линолеум, гора пустых бутылок и консервных банок.

Это было недавно, это было давно

Поломано абсолютно всё. Собственно поэтому и было решено выгнать художников и продать квартиру. Нам сообщили, что требуется доплата в полторы тысячи рублей. А с учётом грандиозного ремонта нам придётся выложить не меньше трёх. По тем временам это стоимость новой однокомнатной квартиры.

После нелёгких раздумий мы решили квартиру брать. Ровно восемь месяцев ушло на ремонт в условиях тотального дефицита абсолютно на всё. Если бы не мои связи, заведённые благодаря успешной музыкальной деятельности и работа на заводе, этот ремонт можно было бы растянуть на годы. Надо ли говорить, какой радостью было окончание ремонта квартиры и переезд в неё. Горжусь, что много ремонтных работ я выполнил сам: положил плитку в ванной (как я достал голубую ванну, сантехнику и импортную плитку – это особая тема), я сам сделал антресоли и кладовую, навешивал на стены всё, чему полагалось на них висеть (с дрелью буквально не расставался ни на день).

И самое главное – я совместил маленькую кухню с соседней комнатой, превратив её в столовую, для чего пришлось прорубить в стене проход. Это была самая трудоёмкая и шумная работа, но результатом стало

большое удобство. Надо сказать, что из окон нашей квартиры открывались хорошие виды на большой зелёный двор и яблоневые сады. В этой квартире мы прожили до 2003 года. Здесь прошли детские и школьные годы Саши с Ирой, здесь у них появилось много друзей. Надо сказать, что именно в нашем дворе Саша приобрёл верных и надёжных друзей, с которыми, став взрослым, много и успешно работал и по сей день сохранил крепкую дружбу.

ПУТЬ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ

Но, как говорится, родители предполагают, а Высшие Силы располагают. В 1989 году Саша, студент автодорожного института, подал заявление на выезд в Израиль. За два года до этого он объявил мне и маме о своём принципиальном несогласии с теорией марксизма-ленинизма и непременном желании поменять родину развитого социализма на историческую родину. Надо ли описывать наше настроение? Мой брат Алик, человек серьёзный, не чуждый советского патриотизма, предложил срочно выбить эту дурь из революционной головы раз и навсегда. Вообще-то, главной юношеской мечтой давно была Америка. Желание стать американцем подвигло Сашу на очень серьёзное изучение языка. И не просто английского, а именно в его американском варианте.

В этой связи вспоминается случай, когда Саша учился в четвёртом классе. Встреча с живыми иностранцами состоялась в Коломенском и произвела, как сейчас говорят, мощный резонансный эффект, за

которым последовали серьёзные оргвыводы. А дело было в том, что Саша подошёл к группе туристов, говорящих по-английски. Оказалось – американцы. С удовольствием пообщались с симпатичным русским пареньком и подарили ему пачку американской жвачки. Этот щедрый дружеский акт был зафиксирован чьим-то бдительным оком, и деликатная информация была доведена до школьного руководства.

На следующий день состоялось чрезвычайное собрание с повесткой дня: «Сын коммуниста позорит школу». Вызывали меня. Пришлось изобразить припадок партийного гнева и пообещать, что позорному поведению комсомольца семья даст принципиальную оценку, что будут применены меры репрессивного характера, а совместные усилия семьи и школы приведут к деятельному раскаянию и неременному исправлению сына приличных родителей. Такое моё высокопарное обещание было миролюбиво и даже умилительно принято. Нешуточные страсти благодаря моему эффектному ходу улеглись.

К восемнадцати годам Саша уже очень прилично владел разговорным английским языком. Но прямой путь в Америку был для него абсолютно невозможен,

Это было недавно, это было давно

поскольку ни одного аргумента для реализации мечты не было. А Израиль широко открыл двери для советских евреев – алия (исход) 1991 года была рекордной.

Понимая, что удержать сына невозможно, мы с Инной решили снарядить его по высшему разряду. В условиях тотального отсутствия в магазинах абсолютно всего мы за год сумели, используя все мыслимые и немыслимые способы, достать и заготовить одежду, обувь, постельное бельё, хозинвентарь, уют и столовые приборы, канцелярские товары, шампуни и предметы гигиены, сувениры для обменных операций. Квартира была превращена в музей дефицита. Худо-бедно – 14 полноценных сумок, баулов и коробок. Суммарная стоимость этого добра зашкаливала за восемь тысяч. По тем временам – это «Жигули» седьмой модели.

Надо сказать, что Саша тоже без дела не сидел. Со своим другом Рушаном Имадеевым они начали бизнес на Арбате, где тогда шла бойкая торговля советскими раритетами, которые с удовольствием раскупали иностранные туристы. Молодые бизнесмены, оценив ситуацию, выбрали товар сугубо идеологический – значки, жетоны, вымпелы с изображением вождя мирового пролетариата В.И. Ленина, памятуя слова

Маяковского о том, что Владимир Ильич «живее всех живых». Дело пошло! В некоторые дни удавалось зарабатывать по 10-15 долларов – очень серьёзные деньги. Но и риск был велик: бандиты в любой момент могли отобрать выручку, а то ещё чего хуже сделать.

Шли томительные ожидания разрешения на выезд. Тем временем я получил приглашение на работу в московское отделение Международного фонда конверсии. Завод мой начал разваливаться, и я дал согласие на переход. Мне дали хорошую должность и высокий оклад. И вот в октябре 90-го вызывает меня президент фонда и сообщает мне о подготовке российско-израильских проектов. А так как в фонде работает всего один еврей, то есть я, то логично послать в Израиль на предварительные переговоры именно меня – человека с полноценной еврейской родословной и знанием большого количества еврейских анекдотов. Почему президент решил, что членам кнессета будут интересны мои анекдоты, я не очень понял.

По роду своей заводской работы я имел допуск к секретным документам и поэтому знал, что за граница мне не светит пожизненно. Но это обстоятельство, очевидно, легко было преодолено обширными связями

Это было недавно, это было давно

моего начальника, и я впервые в жизни получил загранпаспорт, израильскую визу и двухнедельные командировочные – 333 доллара США.

Надо ли говорить, что это был уникальный шанс перевезти в Израиль хотя бы часть закупленного для Саши приданого. Стали думать о том, сколько вещей, как и в чём их везти. Теперь настало время рассказать о чемодане, история и размеры которого заслуживают отдельной главы.

Мужем сестры Инны был Леонид Бородин, историк, писатель, диссидент. Сначала за самиздат антисоветской литературы он отсидел пять лет. Через некоторое время он с «волчьим билетом» и высылкой за 101 километр опять был арестован за распространение романа Солженицына, а затем получил ещё десять лет, как «особо опасный государственный преступник» (так было написано в постановлении). Через шесть лет принципиальная позиция Маргарет Тэтчер заставила Горбачёва выпустить нескольких политзаключённых, и в том числе Бородина, из тюрьмы. После освобождения Лёню, как узника совести, стали приглашать посетить разные страны и вручать разные премии. Из Америки он привёз чемодан. Чемоданов такого размера я не видел

никогда. В нём, поджав ноги, даже я мог уместиться. Узнав о наших сборах, Лёня подарил этого гиганта Саше. Леонид Бородин двадцать лет был главным редактором журнала «Москва», его литературные труды изданы в семи томах.

Девятого декабря 1990 года я с помощью Гриши везу неподъёмный чемодан в Шереметьево. У меня командировочное удостоверение международного Фонда конверсии. За перевес разрешают не доплачивать. Рейс Москва – Варшава – Тель-Авив. Чемодан не проходит в камеру просвечивания, приходится с помощью двух таможенников открыть. На вопрос о том, зачем мне в командировке утюг и целый ряд других предметов, бодро отвечаю, что надо согласовать образцы продукции, которые будем производить совместно с Израилем. Поверили. Кое-как поставили чемодан на ленту, но он сразу застрял в окне главного транспортёра. Очередь заволновалась, на меня смотрели нехорошими взглядами. Наконец справились. По условиям этого транзитного рейса багаж я должен получить в Израиле.

Прилетаем в Варшаву в час ночи. Поляки выкидывают весь багаж, предлагают его разобрать и

Это было недавно, это было давно

отправиться в гостиницу. Рейс в Тель-Авив в шесть утра. Я в ужасе – как я втащу чемодан в автобус, в гостиницу, потом обратно? Помогает сосед по креслу. Отвезли на окраину Варшавы. В отеле предлагают подняться на четвёртый этаж. В два часа ночи лифт не работает. Я, конечно же, с чемоданом поднялся последним.

Подаю паспорт администратору, предвкушаю двухчасовой если не сон, то хоть отдых. «Где ваша пара?» – спрашивает администратор. Говорю, что я один. В холле уже никого нет. «Номер двухместный, селим только парами» – заявляет на плохом русском девушка. «Но я один» – говорю. Ответ: «Меня это не интересует». Я ещё в надежде, что девушка шутит. Где я в два ночи найду себе пару? Если только сбегать за представительницей древнейшей профессии в бар на первом этаже? Понимаю, что меня не поселят. Спать на стуле в коридоре желания нет. Иду в атаку, говорю медленно и грозно: «Я сейчас сделаю звонок в посольство. Через полчаса у вас будут большие неприятности!» Испугалась. Дала ключ. Сказала, чтобы дверь не запирали, ждал подселения. Это в третьем-то часу ночи, у чёрта на рогах! Поселила в номере с видом на трамвайное депо. Трамваи пошли в пять утра,

разбудили. Как раз надо вставать, ехать в аэропорт. Опять тащу безумную ношу.

И вот в аэропорту главный удар – за перевес надо будет отдать почти все мои доллары. Спасибо, что со мной в очереди на регистрацию стояла семейная пара без багажа. Поляки. Попросил их сказать, что я двоюродный брат, летим вместе на свадьбу, чемодан общий, везём подарки. Симпатичные, улыбаются, всё поняли, согласились. По-польски поговорили на регистрации, им поверили. Мои доллары остались при мне.

Через три часа я спускаюсь на землю исторической Родины. В Москве зима, здесь плюс 26, духота. Встречает меня Эдик Барк. Художник. Муж сестры Гали, жены моего Гриши. У него «Ситроен», не намного больше моего чемодана. Хорошо, что по советской привычке полно всего в багажнике. Нашлась верёвка. Втащили чемодан на крышу, привязали. Поехали. Отвезли чемодан к родственнице Гали – Фире Вайсблей. Просил отдать Саше, когда приедет. Знать бы, что наш сын почти всё это богатство вместе с чемоданом побросает где попало!

Это было недавно, это было давно

Летом 91 года он уезжал с Киевского вокзала ещё с десятком сумок и баулов. Его суммарный израильский багаж мог вполне снять все проблемы у полноценной семьи лет на пять вперёд. Инна на полном серьёзе очень переживала, что забыла дать с собой занавески на окна, кофемолку и молоток для отбивки мяса. По дороге в Израиль Саша сделал последнюю попытку попасть в возжеленную Америку. Но ничего не получилось, и только историческая родина хотела принять в свои объятия амбициозного потомка испанского еврейства.

Израиль встретил Сашу в аэропорту Бен-Гурион долгой бюрократической процедурой и обещанием какого-то афериста, взявшего с него немалые деньги, устроить ему шикарную квартиру в Тель-Авиве, которая на самом деле оказалось убогой коммуналкой для таких же, как и наш сын, наивных репатриантов. Саше повезло – он совсем недолго таскал в пекарне мешки с мукой на пару с каким-то профессором – ему очень скоро удалось устроиться работать в пятизвёздочный отель Хилтон. Вот где впервые ему помог хороший английский язык и презентабельная внешность. В Хилтоне он проработал чуть больше года и умудрился скопить очень приличную для того времени сумму порядка четырнадцати тысяч долларов.

По счастливой случайности весной 1992 года мне снова удаётся прибыть в Израиль. А дело было так: мой друг Володя Лебедев, один из лучших тромбонистов России, заслуженный артист, начинавший свой путь в знаменитом оркестре Леонида Утёсова, пригласил меня в качестве солиста своего оркестра «Moscow Band» в круиз по Средиземному морю. Я взял отпуск в Фонде конверсии и отправился в приятное и материально выгодное путешествие (из-за сумасшедшей инфляции моя зарплата из большой превратилась в копеечную). Началом маршрута был Севастополь, а конечным – испанская Барселона. Но по какой-то причине после Неаполя маршрут претерпел изменения, и Барселону заменили на Хайфу.

На Израиль отводилось два дня. Понятна моя радость – отправиться в Тель-Авив и повидать сына, с которым в обозримом будущем встреча была невозможной. Опуская приключения первого дня, которые были весьма волнительными, перейду к моему визиту по адресу, который Саша указывал на конвертах редких писем домой. Нахожу дом, не без волнения поднимаюсь на второй этаж, звоню. Дверь открывает Илюша Каплан, который со своим братом и с Сашей снимал эту квартиру. Он обалдело смотрит на меня:

Это было недавно, это было давно

«Дядя Миша, Вы как здесь оказались?» (Илья наш сосед из первого подъезда на улице Миллионщикова, уехал в одно время с Сашей). Я коротко сказал про оказию и спросил, когда придёт мой сын. «А что, он Вам не написал, что уехал в Торонто?»

Вот это был настоящий шок – что мог Саша забыть в Канаде, и что ему там делать? Оказывается, что в Торонто можно свободно попасть по израильскому паспорту, а поскольку Америка рядом, то Саша решил, что именно через Канаду он попадёт в Америку. Пробыв в Торонто месяц, истратив немалую сумму денег, он вновь терпит фиаско – Америка для него закрыта. Добрые люди дали совет – лететь в Европу, оттуда, мол, железно дадут визу в Штаты. Полетел. Опять облом. Америка всё дальше и дальше, не хочет принимать в своё «буржуинство» прекрасно владеющего языком юношу.

В Риге произошёл уникальный случай. Моя племянница, дочь Алика Рита с мужем Серёжей, служившим под Ригой, ехали на машине мимо центральной площади. Рита говорит: «Смотри, на лавочке, вроде бы, Саша сидит!». «Да ты что, откуда ему здесь быть? Он же в Израиле». Не ошиблись! Встреча

была бурной. Саша поведал свою Одиссею. Дальше было очень сложное возвращение в Москву.

Я Инне звонил из круиза, но не стал говорить, что Саши в Израиле нет (можно было представить её состояние от такой информации). И вот, звонок в дверь, Инна открывает – не верит своим глазам – здоров и невредим собственной персоной! Как ему это удалось, не имея российского гражданства (в те годы выезжающие на ПМЖ не только его теряли, но ещё не понятно за что платили 900 рублей – огромные в 90-м году деньги), я уже подзабыл, но знаю, что очень было не просто.

ЛЁВА АЛОТИН И ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Зимой 1953 года, в воскресенье, к нам домой явился незнакомый интеллигентного вида мужчина и с порога спросил, можно ли ему увидеть господина Алотина Файву 1886 года рождения. Вышла бабушка. При слове «господин» у неё подпрыгнуло давление и схватило сердце. Нехорошее предчувствие овладело ею – ведь совсем недавно я нечаянно разбил бюст Сталина, и семья еще пребывала в ожидании чего-то нехорошего. «Не волнуйтесь, я представляю в Москве международный Красный крест и имею поручение, о котором никто не может узнать. Мы имеем особые полномочия и не обязаны информировать местные госорганы о нашей гуманитарной деятельности».

Бабушка пригласила мужчину в дом и позвала дедушку. «Господин Алотин, Вы помните своего младшего брата Льва Алотина?» «Да, мой брат был арестован почти тридцать лет тому назад, и я никогда не мог узнать ни о его дальнейшей судьбе, ни о том, жив ли он». Рассказ представителя Красного Креста был как гром среди ясного неба. В настоящее время, сказал он,

Лев (Арье) Алотин является весьма уважаемым в Израиле состоятельным человеком с большими возможностями. Он хочет найти в Советском Союзе своего брата, установить контакт и материально помогать ему и его семье.

Дедушка и бабушка, мои родители слушали всё это как сказку. Они были счастливы за Лёву, просили передать ему самые добрые пожелания и объяснить, что если связь семьи с Израилем станет известной КГБ, то она, и особенно трое внуков, будут обречены на самые страшные последствия. На семейном совете было принято решение забыть об этом визите и, главное, никогда не рассказывать внукам о том, что в Израиле живёт брат дедушки.

Это было тяжёлое, но, как показало время, очень правильное решение. Ведь если даже жену второго в стране человека, В.М. Молотова, Полину Жемчужину арестовали и посадили только по подозрению в связи с сионистами, то можно себе представить, что ждало семью, если бы мы проболтались. А уж донести эту информацию *Куда Следует* (эти два многозначительных слова имели самый зловещий смысл и могли отрезвить

Это было недавно, это было давно

любого умника) было для соседей делом весьма уважаемым.

Прошло почти сорок лет, прежде чем я узнал и о брате дедушки, и о том, как он через Красный крест пытался помогать нашей семье. Летом 1990 года моя двоюродная сестра Алла Берман с семьёй переезжают в Израиль и поселяются в Хайфе. Приехав к ним во время моей командировки, о которой я рассказываю в главах о Саше, узнаю, что они нашли и уже познакомились с дочерью Льва (Арье) Алотина, которая живёт в Тель-Авиве. Сам Арье умер в 1979 году.

Оказывается, что выпускник Харьковского медицинского института, молодой хирург Лев Алотин – активист запрещённой сионистской организации, был арестован в 1926 году и приговорён к длительному тюремному сроку. Но так случилось, что тогдашний нарком Луначарский дал разрешение обменять его на арестованного где-то за границей чекиста. Условием обмена было разрешение на выезд Алотина в Палестину.

Так молодой врач оказался на Земле обетованной. Он жил в суровых условиях, много работал, оперировал в палатках при свете керосиновых ламп. Его способности и усердие были отмечены назначением в

начале сороковых на должность главного хирурга центральной больницы Тель-Авива. Лев сделал в Израиле блестящую карьеру, стал хирургом-онкологом, организовал систему Скорой помощи страны, создал учебники по полевой хирургии, так нужные для армии, общался с Бен Гурионом и Голдой Меир, был награждён редким для Израиля орденом. Действительно, в начале пятидесятых он искал брата через Красный Крест. Но скоро понял, что его усилия не доведут до добра. Пришлось смириться.

Ярден (на русский манер Ярдена) Алотина, моя тётя, 1930 года рождения, известный композитор с нетерпением ждёт встречи с родственниками из России. Она неплохо говорит по-русски. И вот трогательная встреча с Ярден и её мужем Иохананом в их красивой квартире на центральной площади Тель-Авива. Не можем наговориться. Спрашивает телефон мамы, звонит. Обе счастливы – столько нужно рассказать друг другу. Говорят больше часа. Мама волнуется, переживает, что по московским меркам сестре дорого обойдётся телефонный разговор. Ярдена смеётся – она этот счёт даже не заметит, они с мужем могут себе позволить такие разговоры хоть каждый день. Ярдена

Это было недавно, это было давно

насильно заставляет меня взять сто долларов, купить маме сувениры.

Теперь, когда она обрела родных в России, Ярдена очень хочет приехать в Москву. Но ближайшее время расписано – гастроли в Европе и Америке. А пока она спрашивает, чем может помочь. Будет ждать приезда Саши, Гриши с семьёй. Летом Гриша и Галя с сыном Серёжей приехали в Израиль, очень подружились с этой милой парой. Они общались пять лет. В 1994 году, возвращаясь с гастролей, Ярдена умирает в аэропорту в Нью-Йорке от сердечного приступа. Ей было 64 года. Талантливая, красивая, добрая и успешная женщина. Но она хотя бы осуществила мечту своего отца и успела увидеть внуков его брата – Файвы.

Из командировки я возвращался в пустую и голодную Москву 26 декабря. На сэкономленные деньги купил на знаменитом иерусалимском базаре кило свежих огурцов (роскошь для новогодней Москвы), три авокадо (увидел впервые) и банку хумуса. Первые за девять месяцев редкие капли дождя падали на стекло такси. Такой засухи в Израиле не помнили даже старики. Но при этом в стране полное изобилие. Начинался

великий исход евреев из Союза. Израиль собирал раскиданных по миру потомков Авраама.



Арье (Лев Алотин) – родился в 1898 г. в местечке Корма Могилевской Губерии в купеческой семье Пинхаса Алотина и Алты Драпкиной. (Это я нашёл в интернете).



Дочь Арье – Ярдена, справа – с мамой

А ЭТА СВАДЬБА ПЕЛА И ПЛЯСАЛА...

В конце января 64-го, успешно пройдя зимнюю сессию и подтвердив право на стипендию в 30 рублей, я был всецело поглощён задачей – как минимум, удвоить свой месячный доход. Популярный в те годы вариант подработки на овощебазе мне не улыбался, играть на аккордеоне в переходах холодно, да и опасно – конкуренты могли и побить и инструмент отобрать. Мое двухдневное стратегическое планирование было прервано звонком, который, как я много позже понял, явился поворотным в моей музыкальной судьбе.

Скрипучий старческий голос представился: «Штейман Григорий Максимович. Вы поющий аккордеонист Миша Манзон?» Моё подтверждение о том, что звонящий не ошибся, было выражено на таких децибелах, какие могли навести его на мысль о тугоухости абонента. Тем не менее, Григорий Максимович без всяких вступлений и, не предполагая никаких *не* и *но*, огласил мне задание прибыть в субботу, к таким то часам и по такому то адресу, и отыграть свадьбу, где мне заплатят за это 10 рублей.

Десятка за вечер – это для студента неслыханная удача! Я попытался получить какие-то разъяснения, но в трубке уже раздавались гудки. Я тогда ещё не знал, что такое для московских музыкантов имя Г. М. Штеймана.

Это был самодеятельный скрипач и очень успешный импресарио, который мог за считанные минуты собрать любое количество музыкантов на свадьбу, юбилей и даже похороны и направить их в любой ресторан, любой зал и по любому адресу. Попастъ в записную книжку Григория Максимовича было равнозначно угадыванию пяти номеров в Спортлото. Кто рекомендовал ему меня, так и осталось загадкой, но кто бы это ни был, он ввел меня в круг московских лабухов.

Ну да ладно. В субботу я уже мчался в Перово по указанному адресу. Свадебное торжество отмечалось в подвальном помещении жилого дома. Ранее оно было бомбоубежищем, а потом переоборудовано под Красный уголок, где заседал местный товарищеский суд. Родственник молодоженов работал в ЖЭКе и добился разрешения провести там свадьбу, дав клятвенное обещание ничего там не поломать и не превратить этот

Это было недавно, это было давно

очаг домашней культуры и перевоспитания местных пьяниц в непотребный вид.

Часам к пяти начали съезжаться гости. Почти все иногородние – Ярославль, Череповец, Вологда. Молодые – из этих мест, познакомились в Москве на стройке. Невеста румяная, курносая, похожа на секретаршу товарища Огурцова из "Карнавальной ночи". Жених, судя по его манерам, отмотал не менее двух ходок, был уже навеселе и курил с корешами на улице – встречал тестя с тещей, с которыми ещё не успел познакомиться. К шести собрались все. Молодых вывели за дверь, чтобы встретить, как полагается, хлебом-солью. Я приготовился сыграть Мендельсона. Но тут возникло замешательство – забыли образа, а без них, уверяли тетки невесты, нельзя вести молодых к столу. Проблему взялся решить дядька жениха, видно человек партийный. Он посоветовал посадить жениха с невестой прямо под плакат с фотографиями членов Политбюро (такие были в любом Красном уголке), приладил к нему два рушника (полотенца) и быстро убедил родственников, что это вполне современно и, главное, политически грамотно. Пospорили, но быстро согласились.

Поскольку у меня уже был солидный опыт работы в пионерлагере и выступлений в художественной самодеятельности разного уровня, то репертуар мой был самый, что ни на есть подходящий – все застольные песни, частушки, вальсы, фокстроты, танго и даже два твиста – Чёрный кот и Королева красоты. Я действительно быстро пришелся по душе гостям и чувствовал себя вполне уверенно, а мысль о грядущем солидном заработке совсем не омрачалась цементным полом и жуткой пылью от Барыни и Цыганочки, которая густым слоем ложилась на салаты, студень и другие свадебные угощения. Веселье набирало обороты, градус торжества поднимался, количество выпитого уже начинало превышать физиологические возможности многих выпивающих.

И тут горячие головы решили не отступать от проверенных временем на Руси свадебных традиций. Почин устроил свидетель жениха, обозвавший уже хорошо набравшегося тестя пидором за то, что тот отказался называть жениха сыном. Тесть, бывший гарпунер с китобойной флотилии Слава, ответил, что таких говнюков он по жизни давит как клопов, что сейчас с удовольствием продемонстрирует. Разделившись на два примерно одинаковых по

Это было недавно, это было давно

численности лагеря, мужчины под душераздирающие женские крики начали горячую битву. Часть выбежала на улицу и стала дубасить противников чем попало. Продолжалась эта традиционная русская свадебная потеха недолго – минут десять, пятнадцать, и часам к десяти бойцы решили замиряться – ведь как ни как, а все же родня, да и вспомнить, зачем дрались, уже многие забыли. То есть, все чин-чинарём – никто не убит и, слава Богу, даже не покалечен. В общем, свадьба, как свадьба – гуляй на полную!

Конечно, баянист на свадьбе – лицо неприкосновенное. Но я этого ещё не знал и на всякий случай спрятался за занавеской, которой отделялась кладовка, приспособленная под раздевалку. Под конец битвы я оттуда играл старинные вальсы, как бы призывая утихомириться. В это время я увидел, как две тётки стали снимать с гвоздей пальто и подкладывать их под головы лежащих на цементном полу пьяных гостей. Когда в их руках оказалось и моё пальто, я коршуном бросился отнимать его, успешно отнял и спрятал вместе с шапкой в футляр моего аккордеона. Как же мне это в скором времени помогло!

А дело в том, что урочное время моей игры было до одиннадцати. Но так считал только я, а не гости. Когда ближе к этому сроку я сказал родителям, что заканчиваю выступление и хотел бы получить обещанную сумму, то услышал об их страстном желании слушать мою музыку ещё очень долго, так как расходиться никто не собирался. Намёка о поощрении сверхурочной работы из их заявления я не уловил. В общем, как у Высоцкого: «играй, паскуда, пой, пока не удавили». Что делать?

Веселить крепко набравшихся и сильно возбуждённых гостей до первых петухов мне совсем не хотелось, а ждать, пока мой потенциальный кассир выйдет из своего агрессивно-песенного настроения, можно было ещё дольше. Моё наползавшее уныние уже начинало сказываться на качестве аккомпанемента матерным частушкам, которых гости, а особенно невеста, знали в завидном количестве.

Спасение от полного финансового краха пришло от бабы Любы, которая была покорена моим искусством. Она услышала о намерении продолжать веселье до полного изнеможения, и её добрая душа не могла мириться с такой эксплуатацией добросовестного

Это было недавно, это было давно

юного баяниста (именно она баянистом меня и величала). Заговорщически подмигнув, она пошла шептаться с немногими относительно трезвыми гостями и минут через десять запихнула мне в карман увесистую горсть мелочи.

Я решил смываться по-английски, потому как полагать, что меня будут в одиннадцать провожать аплодисментами и вручать гонорар, было безумием. Отпустить музыканта в разгар буйной гулянки, когда еще на столе столько выпивки и закуски, могли, разве что навешав маэстро приличных кренделей. Вспомнив, что моё пальто и шапка находятся в футляре и, заметив, что входную дверь после побоища забыли запереть, я, подыгрывая чуть ли не сто первой скабрёзной частушке, стал ногой пропихивать футляр к двери. Пока один из гостей, взявший на себя функцию массовика, демонстрировал выпивание рюмки водки без участия рук, а пьяненькие гости восторженно выражали своё восхищение, я плавно, без резких движений, как девушка из "Берёзки", преодолел десятиметровое расстояние до двери, схватил футляр и бегом помчался в сторону автобусной остановки.

Редкие прохожие с любопытством поглядывали на несущегося с завидной скоростью по десятиградусному морозу чудака с аккордеоном на груди и с чемоданом в руке! Оделся я только в автобусе, который на мое счастье подошёл минуты через две-три. Из приятных ощущений было только то, что мой карман оттягивала мелочь от бабы Любы и добрых гостей. А там получилось четыре рубля двадцать копеек – это по тем временам шесть полноценных обедов в нашей студенческой столовой: первое, второе, компот, плюс сто грамм сметаны и пирожок с повидлом. Это все-таки лучше, чем ждать всю ночь призрачной десятки от придураковатого пьяницы.

Много позже я узнал о причинах такой накладки с гонораром. Оказалось, что старик Штейман перепутал свои записи и по ошибке послал меня не на еврейскую свадьбу, как задумал, прочитав мою явно не славянскую фамилию, а в самое пекло русской удали. Это тяжёлое испытание было позже вознаграждено целым рядом десятирублевых свадеб и знакомством с новыми интересными и полезными людьми.

Мой поход на биржу.

Старые московские музыканты хорошо помнят неказистое здание рядом с гостиницей Ленинградская, в котором размещалось МОМА – московское объединение музыкальных ансамблей. Кто и как его организовал, никому известно не было, но тем не менее музыканты, которые умудрялись в нём зарегистрироваться, проходили определённые тесты и могли рассчитывать на работу по специальным нарядам в некоторых ресторанах и кафе.

А у парадного подъезда этого здания гудела самодеятельная биржа, где безработные музыканты каждый день, часов с 12 и дотемна, выстаивали в надежде получить какую-нибудь разовую халтуру типа свадьбы или вечеров отдыха в различных НИИ. И, действительно, время от времени сюда являлись кем-то уполномоченные люди и набирали составы по 3-5 человек.

Завидев такого «карася», биржа приходила в движение. Важно было поближе оказаться к такому вербовщику и вступить с ним контакт. Ну а дальше – как

повезёт. Профессиональный уровень биржевых лабухов был, конечно, не ахти какой, но долго разбираться никому не хотелось, и вот уже бригада укомплектована, а счастливики под недобрыми взглядами остающихся покидали биржу с радостными лицами. Такая была технология поиска заработка. Для многих это было единственной возможностью подзаработать, поскольку большинство было пьяницами, которые не задерживались надолго на постоянной работе. Другие же были просто настолько профессионально непригодны, что удача могла им улыбнуться только случайно.

Однажды, где-то в конце 71-го, я, будучи молодым отцом и младшим научным сотрудником НИИ Шинной промышленности, куда был отправлен по распределению, сделав там головокружительную карьеру, за три года увеличив свой оклад с 98 до 125 рублей (!!!), пребывал в томительных поисках дополнительных заработков. Дипломных и курсовых проектов за студентов-заочников я вечерами делал тогда немало, но это была очень тяжёлая и кропотливая работа. А вот поиграть на свадьбе – это было то, что нужно. И надо сказать, что у меня это очень хорошо получалось, хотя и не часто.

Это было недавно, это было давно

Знакомый барабанщик мне как-то сказал: «Чувак, с твоим репертуаром ты будешь на бирже нарасхват, бабки будешь грести лопатой!» Такой пассаж из уст бывалого лабуха меня очень воодушевил, и в одну из суббот я, взяв аккордеон, приехал на биржу часам к четырем и скромно стал с самого края довольно большой толпы музыкантов. А толпа курила, трепалась. Каждый тут был маэстро! Какие звучали фамилии! Послушать, так в лучших друзьях у некоторых были Эдди Рознер, Лаци Олах и чуть ли не сам Леонид Осипович Утесов! Самое интересное, что многие, рассказывая много раз одну и ту же самими выдуманную историю, начинали в это искренне верить!

Вдруг до меня донеслось почти как в фильме «В джазе только девушки»: «На свадьбу сегодня нужны труба, барабан, саксофон и аккордеон. Барабанщик или аккордеонист должны петь». Мгновенно набралось аж целых три состава. Я, как неопытный биржевик, конечно же, не успел себя заявить. Но вот самопровозглашённый бригадир, мужчина лет пятидесяти с саксофоном, почему-то не спешил с окончательным формированием оркестра. Слышу: «Обязательно нужен хоть один еврей!» Вот это был поворот!

«Чуваки, без еврейских песен не *прохиляем*» – сказал бригадир. Опытный взгляд антисемита скользил по лицам претендентов. Я поднял руку, как на партсобрании. «Что ты можешь?» – вопрос был ко мне. Я выпалил: «Ло мир алэ инейнем, Ба мир бист ду шейн, Хава нагила!» Все повернулись ко мне. С евреями в этот день на бирже была явно напряжёнка. Представьте себе: в 71-м году услышать про такой набор, да ещё в одном флаконе – и играет, и поёт, да ещё еврейские песни – это было круто! (правда, это слово в те годы ещё не употреблялось по любому поводу). Тогда музыканты говорили на фене и на лабужном жаргоне (лабать, кирять, берлять, сурлять и т. п.). В этот момент я был вне конкуренции, и бригадир сделал мне жест рукой – ты с нами!

Итак, я в составе свежеиспечённого оркестра, который с лёгкой руки бригадира стал еврейским, двинулся на Верхнюю Красносельскую пешком, благо от Каланчёвки это совсем не далеко. По дороге разговорились. Владимир Иванович, так назвался бригадир, поведал нам о том, что он фронтовик, сейчас работает заместителем директора МОМА по хозяйству. Теноровый саксофон «надыбал» как списанный (своя рука – владыка). Не играл давно, но, говорит, на ходу

Это было недавно, это было давно

все вспомню. Это признание обнадежило меня не сильно, но я подумал, что, наверное, за плечами большой опыт.

Трубач Юра, лет сорока, лицо явно не трезвенника, был очень возбуждён возможностью «отлабать» еврейскую свадьбу. Барабанщик, мужчина с мрачноватым лицом, непрерывно курил «Дымок» (кажется, он стоил 12 копеек за пачку) и представился, только когда мы дошли до фабрики-кухни, где нам и предстояло трудиться. Рафаил поведал о своих гастролях с хорошо известными ансамблями, чем поверг коллектив в сладостное ожидание встречи с прекрасным, а лично меня в лёгкий мандраж, потому как с такими мастерами я ещё не выступал.

Родители молодожёнов встретили нас очень приветливо, предвкушая свадебный триумф под еврейский, как им обещали, оркестр. Особенно засветились их глаза, когда, пытаясь уловить на лицах музыкантов семитские черты, они увидели меня. Мамы удовлетворённо переглянулись. Владимир Иванович первым делом сообщил папе невесты, что пока новобрачные не приехали, музыканты с удовольствием выпьют по сто грамм за их здоровье. «Потом нам будет

некогда, мы целиком отдадимся музыке» – многозначительно произнёс он.

Желая скорей поднять тонус маэстро до свадебного, папа, очень похожий на моего школьного учителя Бориса Соломоновича, быстро организовал в подсобке весьма приличный стол, украсив его бутылкой "Столичной" 0,75 л. Глаза трубача засветились нездоровым блеском, барабанщик, не распаковывая свои причиндалы, первым подсел к столу и разлил водку по стаканам, точно разделив 750 на четверых. Услышав моё заявление об отказе от возлияния, мои коллеги с удивлением, но без особых уговоров, принялись трапезничать под неспешное повествование нашего бригадира о своих фронтовых подвигах.

Минут через десять в подсобку заглянул папа и радостно сообщил, что молодые вот-вот будут, и желательно музыкантам переместиться в зал, вынуть инструменты и быть в полной готовности. Владимир Иванович согласно кивнул и продолжил рассказ о «фронтовых ста граммах». Послышались возбуждённые голоса гостей – это приехали молодые. Дверь подсобки отворилась. «Давайте скорее Мендельсона, уже все в сборе, ждём музыку», – заметно нервничая, сказал

Это было недавно, это было давно

интеллигентный папа жениха. Понимая, что ни за пять, ни за десять минут моим партнёрам не начать играть, я, уже тоже нервничая, предложил сыграть свадебный марш соло на аккордеоне, который уже был на моих плечах. «Чувак, кочумай, мы же оркестр! Щас начнём лабать вместе» – одёрнули меня старшие товарищи.

Не спеша, перетаскив инструменты в зал, начали настраиваться. «Чувак, дай «Соль» – сказал мне Рафаил, стуча по барабану. Я тогда еще не знал, что барабаны настраиваются по нотам. Юра подгонял мундштук трубы мучительно долго. Что касаясь саксофона, то первые звуки давно списанного «Сельмера» повергли меня в уныние – музыкальный уровень Владимира Ивановича не просто оставлял желать лучшего – его просто не было. Наконец, молодые, переминавшиеся с ноги на ногу в ожидании Мендельсона и прохода к столу, по взмаху руки руководителя нашего, якобы еврейского, оркестра двинулись сквозь шеренгу гостей.

Мы заиграли, вернее, заиграл я с барабанщиком – Владимир Иванович, заглотив трость саксофона, только надувал щёки, изображая экстаз, а Юра ждал своего соло, очевидно решив блеснуть. И он блеснул, издав такие звуки, что великий композитор Феликс

Мендельсон-Бартольди, если бы дожил до этого момента, поступил бы со своим великим произведением, как Николай Васильевич Гоголь со вторым томом «Мёртвых душ», то есть – сжёг бы в печке. Всё было ясно – надежда только на меня! Явное удивление на лицах некоторых гостей мне удалось снять громко крикнув: «Мазл Тов! Лехаим! Гундер цванцик юрн ба зайне калэ, хусн унт мухэтунем!» На глазах родителей появились слёзы радости. Все поднялись, зазвенели бокалы, я запел «Лю мир алэ».

Мои партнёры восхищённо закивали головами. Юра, оказалось, умел играть только в Ре миноре. Ля минор его явно не устраивал, он опять стал сосредоточенно погонять мундштук, делая вид, что готовит соло. А наш бригадир знал на память только знаменитый «вальс-халтуру», а всё остальное не входило в его репертуар по причине явного неумения играть вообще. Являться на свадьбу с таким музыкальным багажом ему, очевидно, позволяла фронтовая отвага – с медалями на пиджаке, в основном юбилейными, и одним орденом побить бы его вряд ли решились.

Настал мой звёздный час! В те годы мало кто имел микрофоны и аппаратуру. Играть и петь надо было

Это было недавно, это было давно

громко. Свадьба на сто человек, да ещё еврейская, требовала от добросовестного музыканта сумасшедшего напряжения, или, как сейчас говорят, *драйва*. В эту свадьбу на Красносельской я, практически в одиночку, за шесть часов вложил столько сил и старания, что в сочетании с моим уже тогда обширным репертуаром сделало меня любимцем еврейской свадьбы.

Но вот настало время вальса молодожёнов. "Владимир Иванович, давайте вальс-халтуру!" – я вспомнил, что её-то он должен знать, ведь это визитная карточка любого лабуха. «Сейчас отлабаем!» – весело ответил счастливый хозяин списанного саксофона. Начал лабать. Безбожно перевирая мотив чудесного вальса, маэстро доиграл до третьей фразы, очевидно, сильно устал и сделал жест мне: «Продолжай». Я быстро выправил ситуацию, и молодожёны благополучно дотанцевали первый семейный танец. К нам подошёл дедушка жениха: «Уважаемый!» – обратился он почему-то к Владимиру Ивановичу, очевидно соблюдая субординацию старшинства – «Гиб мир а гит а фрейлахс! Их вил танцн мит майне эйниклах!» «Чевой-то он?» – посмотрели на меня оркестранты. Я уверенно сделал несколько шагов вперёд и запел, мощно раздвигая меха аккордеона, Хаву нагилу. Потом я спел

про Ицика, который хотел жениться, и у которого не было ни «гелт», ни приличных штанов. Евреи были счастливы. Нам жали руки. В мой адрес звучали комплименты. «Моя школа!» – показывая на меня гостям, самодовольно улыбался Владимир Иванович.

Одна из гостей полушёпотом спросила меня, недоверчиво косясь на него: «А что, ваш балабос тоже еврей?» Я, не моргнув, ответил, что его бабушку звали Броха, и что она из Киева, с Подола. Не очень удовлетворённо кивнув, тётенька отошла. Задавать вопрос о национальной принадлежности курносого Юры и Рафаила с его специфическими азиатскими глазами она не решилась. По правде сказать, барабанщик играл со мной до конца, хоть и был прилично пьян.

Нам опрометчиво в перерыве принесли ещё две бутылки водки, что окончательно добило Юру, сильно подкосило бригадира и сделало Рафаила совершенно неритмичным, особенно когда я играл еврейские мелодии. На мой призыв не налегать на вторую долю, а усилить первую, Рафаил сильно обиделся и заносчиво сказал, что он не из сельской самодеятельности и обойдётся без советов еврейских умников.

Это было недавно, это было давно

В начале двенадцатого, отплясав последний фрейлахс, гости проводили молодых и стали расходиться. Еврейский оркестр складывал инструменты. Владимир Иванович пошёл за гонораром, вернулся с сорока рублями и предложил нам с барабанщиком скинуться по рублю, чтобы отвезти Юру на такси. Юра спал в подсобке. Пришлось долго бить его по щекам, чтобы он проснулся. Заползая в такси и увозя, как и мы, девять рублей, кричал, что из его баховской трубы гады-сионисты украли американский мундштук. На прощание у метро Владимир Иванович отечески похлопал меня по плечу и сказал: «Чувак, мы с тобой сработаемся!»



Я с аккордеоном и на электронике (1985 г.) И так по 5–6 часов.

Гриша Швец – солдат КПСС

«Гришка-то, мерзавец, что учудил!» – Валентина Алексеевна, ветеран труда, старший научный сотрудник нашего КТОН№2 (мы все дали ей прозвище – тётка, и было за что) ввалилась в отдел после обеда полная негодования. Некрасивое лицо её покрылось пятнами, губы тряслись. «Я ещё когда говорила, что в Партию таких принимать нельзя – как в воду глядела! Ему, видите ли, у нас плохо!» Словами *такие* и *эти* тётка обычно называла представителей Богоизбранного народа.

Гришка у нас в отделе был только один – интеллигентный еврей, старший научный сотрудник, сорокалетний коммунист, редактор стенной газеты, безобидный и приветливый Григорий Израилевич Швец. Мы были с ним в приятельских отношениях, я, как активный комсомолец, помогал ему с выпуском номеров стенгазеты. Осенью 1970 года он, никого на работе не посвящая, подал в соответствующие органы заявление на выезд в Израиль.

Это было недавно, это было давно

Ну а органы тут же не только проинформировали руководство, но и дали понять, что сделают в отношении начальников падшего коммуниста серьёзные выводы. Для нашего НИИ, где директором был Герой труда, доктор наук, бывший замминистра, лауреат всего, что возможно, член бюро горкома и т. д., и т. п., этот факт был просто подобен землетрясению со многими баллами. Такие проколы в те годы могли повлечь очень серьёзные последствия для руководства, да и для предприятия в целом – могли надолго отодвинуть от медалей и орденов, от получения денег на строительство жилья, от пополнения разных фондов и много-много чего другого. В любом случае безнаказанными такие ЧП не оставались.

Учитывая заслуги директора, и чтобы как-то смягчить оргвыводы, полагалось учинить над отщепенцем показательный суд, да так, чтобы задушить такие поползновения на корню – «сорную траву с поля вон!» Институт загудел как пчелиный рой. Народ шептался в курилках. Туда стали бегать даже некурящие. Разговоры о футболе и бабах мужчины отодвинули на задний план, женщины неделю не говорили о шмотках и французской косметике. Гриша вёл себя, как ни в чём не бывало, и на все вопросы

сослуживцев отвечал шутками, хотя можно было себе представить, в каком он был напряжении. На мои вопросы тоже отшучивался. Большинство сотрудников относились к Грише с большой симпатией, хотя были и такие, как наша тётка. Им очень нравилось, произнося его отчество, делать ударение на третий слог – Израйлович.

Но вот, началось и закрутилось. В семидесятом году человек, подающий заявление на выезд, приравнялся официальной пропагандой к изменнику Родины, должен был пройти «семь кругов ада» и познать гнев советских людей. Организация народного гнева поручалась партийным комитетам предприятий. И они брались за это дело с большим рвением. Чем свирепее проходили такие кампании, тем меньше голов слетало с партийной верхушки. Ввиду исключительности повестки дня открытое партийное собрание было назначено в рабочее время, что очень пришлось по душе коммунистам и беспартийным. Такие собрания надо было готовить тщательно – подобрать ораторов, написать им обличительные тексты, научить эмоционально эти тексты произносить. Ведь мало кто из нормальных людей мог от души и от чистого сердца нести эту ахинею. Народ в основном хорошо понимал

Это было недавно, это было давно

идиотизм советской идеологии. Но, конечно, не было в Партии и недостатка в настоящих идейных рыцарях, да и зомбированного простого народа хватало. У Гриши было два варианта поведения: первый – молчать и принять на себя весь набор ругательств и оскорблений, и второй – сделать что-то, чего не могли себе представить нападающие. По принципу – клин клином вышибают. И он, как оказалось, задумал сногшибательный план. Именно потому, что это ему блестяще удалось, мне захотелось вспомнить эту грандиозную симфонию еврейского остроумия.

Сказать, что актовый зал был полон, это значит не сказать ничего. Последний раз такое количество людей набивалось, когда удалось весной пригласить Владимира Высоцкого. Ни один коммунист не взял с собой ни кроссворда, ни какого-либо чтива. На первом ряду было пять свободных мест – два слева и три справа от Г. И. Швеца, ближе сесть никто не осмеливался – мало ли что подумают. На сцене под транспарантом «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» за столом, покрытым зелёным сукном, расположился президиум в составе одиннадцати членов. Ждали второго секретаря Калининского райкома (обычный уровень инструктора для таких случаев не подходил).

Ну вот, наконец, все в сборе. Высокий начальник кивнул головой – мол, начинайте! На трибуну поднялся секретарь парткома. Перед собой положил бумаги. В зале стало тихо, как в театре перед удушением Дездемоны венецианским мавром. Секретарь откашлялся. За несколько дней он осунулся и постарел лет на десять, прекрасно понимая, какие тучи нависли над его головой и как быстро можно лишиться непыльной работы. «Товарищи коммунисты и товарищи беспартийные, повестка открытого собрания требует от нас решительного и принципиального ответа на беспрецедентный поступок человека, которого мы ещё вчера называли своим товарищем и, что самое страшное, членом нашей великой ленинской Партии». Члены президиума переглянулись, пытаясь понять, к чему относилось слово «страшное». Потому как если кто-нибудь не так поймёт, то докладчик просто высокопарный дурак. «Нам, товарищи, нанесён подлый удар в спину. Вот на первом ряду сидит Григорий Израилевич Швец. Ему, видите ли, не нравится наша социалистическая Родина, и он решил, что ему подходит сионистское агрессивное государство Израиль, которое непрерывно нападает на мирные арабские страны. И вот, он подал заявление на выезд в этот Израиль, даже

Это было недавно, это было давно

не поставив в известность руководство и партийный комитет нашего института».

По залу пронёсся гул. Волна записного отрепетированного народного возмущения начала вскипать с первыми выкриками: «Позор, оборотень, Иуда!» Докладчик настроился раскачать ситуацию до истерической, поэтому сделал паузу, не успокаивая крикунов. «Образование высшее ему Родина дала. Десять лет, как в Партии! Казалось, живи, трудись, будь примером для беспартийных! А он с партбилетом в кармане смотрел совсем в другую сторону. Из коммунистов в капиталисты наметил переметнуться. А мы все проявили политическую близорукость и не смогли разглядеть истинное лицо двурушника». Отпив из стакана воды, сделал ещё одну театральную паузу. Кажется, дело пошло. С жаром процитировал слова вождя о бдительности коммуниста и решительном разоблачении враждебной идеологии. После слов: «Кто хочет высказаться?» оказалось, что на такую сложную тему без заранее заготовленного текста высказаться не просто.

Но десяток ораторов партком успел подготовить. И они, один за другим, старательно зачитывали

заготовленные тексты. Большим разнообразием они не отличались. Ту был полный набор обличительных клише и лозунгов типа: «Народ и Партия едины! Дадим отпор вражеским проискам! Разоблачим пособников империализма и сионизма! Вперёд к победе коммунизма!» Это начало утомлять и большинство выкриков из зала показывало скорейшее желание коммунистов и беспартийных услышать самого возмутителя спокойствия. «Ну что, Григорий Израилевич, расскажите коллективу, как вы докатились до такого падения, кто вас надоумил, кто вас там ждёт, и как собираетесь отрабатывать сионистские пряники?»

Я всё время смотрел на Гришу. Представил себя на его месте. Каково такое слушать нормальному, порядочному человеку. Ведь риск быть раздавленным очень велик. А если под каким-нибудь предлогом не выпустят? Выгонят с работы. «Волчий билет» обеспечен, а ведь у него семья. Что будет дальше? Он всё время что-то писал в блокноте и, казалось, вообще отсутствовал на собрании. Попытался подняться на трибуну, но ему дали решительный знак говорить с места. «Товарищи!» – начал он. «В Израиле твои товарищи» – раздались тренированные голоса – «давай по делу!».

Это было недавно, это было давно

«Столь резкое заявление уважаемого Валентина Александровича я могу только объяснить его чрезвычайной занятостью на посту секретаря парткома. Возможно, найди он в своём плотном графике небольшое окно для беседы со мной, то и его оценки и формулировки могли бы быть иными». Все напряглись – ни фиги себе! Это ещё что? «Но я не обижаюсь и постараюсь прояснить ситуацию» – мягко продолжил уже возведённый в ранг врага народа Гриша. «Моё решение созревало долго. Чем большим количеством знаний я овладевал, чем больше знакомился с политической обстановкой в мире и на Ближнем Востоке, чем глубже вникал в историю коммунистического и рабочего движения, тем сильнее задумывался о долге коммуниста внести практический вклад в борьбу против сил империализма». Вот это поворот! Шеи членов президиума вытянулись, глаза округлились, в зале поняли – зреет сенсация!

Перебивать не решались – слишком стало интересно. Гриша продолжал: «В то время, когда наши товарищи, израильские коммунисты во главе с большим другом Советского Союза, Генеральным секретарём компартии Израиля товарищем Меиром Вильнером ведут трудную и опасную борьбу против сионизма и

мирового империализма, я счёл своим партийным долгом быть рядом с ними и использовать опыт пропагандистской работы, полученный и институте марксизма-ленинизма и нашей партийной организации. Товарищ Меир Вильнер пользуется большим уважением Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, неоднократно был почётным гостем на Съездах нашей Партии».

Недоумение пополам с восторгом повисло в воздухе. Все начали переглядываться и шептаться. Я мысленно уже рукоплескал другу. О его остроумии я знал хорошо, но представить себе такой поворот никак не мог. Лица членов президиума начали принимать выражение гоголевских персонажей, услышавших о внезапном визите столичного ревизора. В зале народ почувствовал начало грандиозного спектакля, на который все билеты проданы. Казалось, Гриша поймал кураж.

«Вспомните, с каким воодушевлением отправлялись в 1936 году советские интербригадовцы в Испанию, на гражданскую войну с фашизмом. *Но пасаран* – они не пройдут – пели они. В настоящее время израильская военщина, поощряемая заокеанскими

Это было недавно, это было давно

хозяевами, продолжает сионистскую экспансию. И вот я понял, что у меня есть знания, силы и желание быть в рядах тех, кто становится на пути зарвавшихся сионистов, понял, что сегодня я буду полезнее там, на переднем крае. Но пасаран! Я уверен, что рабочий класс Израиля примет меня в свои ряды. И надеюсь на поддержку коммунистов и всего трудового коллектива нашего института».

Всё. Финита ля комедия. Занавес. Я тут же вспомнил Исаака Бабеля: «Беня говорит мало, но Беня говорит смачно!» Гриша Швец был прекрасен. Ильф, Петров и Шолом-Алейхем пожали бы ему руку. Ничего подобного никто, даже обладающий самой неуёмной фантазией, предположить не мог. Даже подготовленные ораторы растерялись, не зная, что кричать. Большой райкомовский начальник, да и не только он, прекрасно понимали, что этот усатый сукин сын решил превратить показательный суд в комедию. Мне хорошо представилось, каких высот в этот момент достигла нелюбовь к евреям у этого партийного вельможи, и, будь его воля, бедный Гриша отправился бы не на Ближний Восток к дальним родственникам, а на Дальний Восток к ближним родственникам.

Но опровергать только что услышанное, да ещё прилюдно, было бы решительным самоубийством. Кто же в здравом уме посмеет полемизировать с новоиспечённым партийным ортодоксом, который так сейчас нарисовался, что его хоть избирай в президиум? Ведь получается, что Григорий Израилевич – самый сознательный коммунист-интернационалист орденоносного НИИ. Надо было как-то выходить из угла, а точнее – вылезать из ловушки, в которую загнал так хорошо подготовленное собрание это хитрожопый еврей (все они такие – говорила потом тётка). Партийный босс поднялся на трибуну. Опять наступила тишина. Все ждали финала. Ну, кто кого? «Товарищи, – начал он левитановским голосом, – я предлагаю принять к сведению такое необычное заявление. Полагаю, что если всё, о чём нам сказал товарищ Швец, действительно является его хорошо обдуманым шагом, следует рассмотреть его инициативу спокойно в рабочем порядке. Будем считать повестку собрания на сегодня исчерпанной».

Народ начал расходиться не сразу – надо было осознать произошедшее. Члены президиума быстро смешались с выходящей из зала толпой. Политическая казнь не состоялась, но спектакль удался на славу.

Это было недавно, это было давно

Давид явно победил Голиафа («фар брэн зол зи верн» – как говорила моя бабушка). Голиаф сделал красивую мину при плохой игре. Многие улыбались: «Хороший еврейский анекдот получился!» Проходя мимо Гриши, я подмигнул ему и показал большой палец – Bravo!

Больше его не трогали. Предложили тихо уволиться, сдать партбилет и забыть дорогу в институт. А в Израиль он уехал с женой и дочкой, просидев больше года без денег на чемоданах, ожидая разрешения. Я купил за символическую сумму у него несколько собраний сочинений классиков – больше мне помочь ему при моей зарплате было нечем. Из института больше никто никуда не уезжал, Гришу скоро забыли.

Сам институт потихоньку развалился в начале 90-х. Тогда уже начинался великий еврейский исход. И собраний уже не было, да и самой Партии тоже. Некоторые бывшие партийцы вспомнили о своём еврействе и валили за компанию. Не исключая, что они молятся с Гришей в одной синагоге. Если он сейчас жив, я желаю ему сто двадцать лет жизни. Ещё раз bravo и *зайн гизунт оф ланге юрн*, Гриша Швец! Мазл Тов!

МУХА НА ПАРТСОБРАНИИ

Подлинность этой истории я, спустя много лет, могу подтвердить если не свидетельскими показаниями, то своим честным партийным словом. При чём здесь моё партийное слово? А дело в том, что когда инженерная судьба занесла меня на завод с красивым названием «Сатурн», я имел честь не только быть начальником цеха, но и писать речи для нашего секретаря Михаила Ивановича, у которого партийная принципиальность прекрасно уживалась с ужасающим насилием над великим и могучим русским языком. В те славные времена такое обстоятельство совсем не считалось серьёзным препятствием для карьеры партийного работника. Напротив, всякие "словесные выкрутасы" даже мешали вникать в духоподъёмную силу лозунгов типа «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Как и Серафим Иваныч из «Карнавальная ночи», наш партийный начальник любил по каждому пункту повестки дня докладывать «коротенько – минут по сорок». И также как товарищ Огурцов, добродушно приговаривал: «Больше, я думаю, не нужно».

Это было недавно, это было давно



В жаркий июльский день, в пятницу, ровно в пятнадцать часов в актовом зале завода начиналось партсобрание с обширной повесткой дня. На сцене за

столом президиума, накрытым зелёным сукном, расположились наш директор, партийный и профсоюзный актив, представители райкома и два мощных старика, которые видели Владимира Ильича ещё в до-мавзолейный период. Расправившись за час, вместо сорока минут, с первым пунктом по обсуждению тезисов очередного пленума ЦК, перешли к разделу «О международном положении».

Вот тут и берёт начало собственно сама история, которую так цепко удерживает моя уже немолодая память. Я имел привычку на партсобраниях располагаться на первом ряду по двум причинам: во-первых, надо было выполнять суфлёрские функции для Михаила Ивановича, который не всегда мог с ходу прочитать некоторые длинные слова, которыми я щедро украшал его речи, и во-вторых, потому, что на первом ряду можно вытягивать ноги при многочасовых собраниях. В половине шестого, когда уже подходили к пункту «О нарушении партийной дисциплины» (подразумевалось обычное пьянство), когда уже члены президиума опорожнили все бутылки с минералкой, и когда Михаил Иванович сурово упрекал дачников, поглядывающих на часы, в открытое окно с противным жужжанием влетела огромная навозная муха. На склоне

Это было недавно, это было давно

душного дня, в условиях жуткой тягомотины, её прилёт внёс явное оживление, по крайней мере, в сонное выражение лиц членов президиума.

Муха спланировала и села в метре от моей вытянутой правой ноги. Позиция насекомого была хорошо видна первому ряду президиума и моих соседей по первому ряду, которые явно оживились. То ли муха заслушалась выступлением старого партийца, то ли она обрабатывала данные своего навигатора, прокладывая дальнейший маршрут, но несколько минут она сидела на месте. Во мне проснулся азарт охотника. Моя туфля сорок шестого размера, поставленная на каблук под сорок пять градусов, была приведена в полную боевую готовность. Члены президиума во главе с директором поняли мой замысел, и их сознание в эти минуты явно стало неприлично отдаляться от решения задач, поставленных пленумом и лично товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Зловредное насекомое, то ли повинуюсь коллективной воле президиума, то ли самостоятельно определяясь с маршрутом, провокационно двинулось к моей туфле, очевидно полагая укрыться в её тени. Тот, кто видел испанскую корриду, помнит моменты, когда

тореадор поднимает шпагу для финального удара и многотысячная толпа замирает, ожидая развязки драмы. Мои соседи, анализируя позицию, начали тихонько заключать пари, шеи членов президиума вытянулись на пределе возможностей, инструктор райкома что-то с видом заговорщика шептал нашему директору, очевидно речь шла, как минимум, о бутылке коньяка в случае моего промаха. Короче говоря, атмосфера накалялась.

Понимая всю степень серьёзности момента, представляя последствия возможного провала спектакля, а также выводы высокого начальства по поводу моих режиссёрских способностей, я нервничал как на приёме в партию, и это обстоятельство сыграло зловещую роль. Когда муха была уже в пяти сантиметрах от моей модельной туфли итальянского производства, сосед справа побелевшими от волнения губами шепнул: «Пора». В мозгу сверкнуло: «Вот он – мой звёздный час!» Я уже предвкушал овации, я уже готовился выходить на поклоны. Увы, природа наградила насекомых молниеносной реакцией – отъевшаяся на навозных посиделках героиня драмы приняла решение первой и, как реактивный самолёт, взмыла к потолку и перелетела к бюстам скучающих основоположников марксизма-ленинизма. А моя опустившаяся на паркет

Это было недавно, это было давно

кожаная подошва лишь подняла облачко пыли. Всеми фибрами души я понял, что мой промах вызвал реакцию, сходную с той, когда в решающем матче нападающий с пяти метров не попадает в пустые ворота...

В начале восьмого Михаил Иванович доложил собранию, что повестка дня благополучно исчерпана, пожелал партийцам успешно решать поставленные задачи, а членов президиума попросил задержаться. Наверно, хотел узнать, кто из них выиграл, кто проиграл, и какие были ставки? Ночью я спал плохо. Во сне ко мне прилетала муха, жужжала, успокаивала, обещала посетить следующее собрание.

СВАДЬБА БЕЗ ЖЕНИХА

Рекомендация дяди Ленинградского раввина Иосифа Марковича Розенבלата была решающей для итогов *тендера* при выборе ведущего необычной, как оказалось потом, свадьбы. За полгода до этого восьмидесятилетний Иосиф Маркович устраивал собственную золотую свадьбу у себя на даче в Малаховке, и я имел честь украсить это торжество ведением, пением и рассказом еврейских анекдотов, чем произвёл приятное впечатление на него самого, его супругу, их детей и многочисленных внуков. В начале 80-х у меня уже был солидный опыт ведения свадеб всех уровней, включая золотые и серебряные, а по количеству приглашений в качестве ведущего на еврейские свадьбы, юбилеи и бармицве я был в Москве бесспорным лидером. И всё-таки именно свадьба, о которой пойдёт этот рассказ, стала самой необычной в моей творческой биографии.

Это было в середине восьмидесятых, летом на Ленинских горах. Рядом с трамплином – довольно популярный ресторан. Я был приглашён туда на свадьбу

Это было недавно, это было давно

очень симпатичной пары – интеллигентных девочки и мальчика, хорошо образованных, из приличных семей, обоим было лет по 25. К половине шестого гости были в полном сборе – человек 80. Зал красиво оформлен, много цветов, приветливые родители. Список гостей мне вручили только час назад, и уже при беглом просмотре было ясно, что с большинством из них надо обязательно подружиться. Московская ветвь была, как сейчас говорят, довольно крутая: юристы, гинекологи, два профессора, директор комиссии и замдиректора фирменного магазина «Колбасы». Ленинградский десант был представлен в основном дантистами и работниками торговли.

О лучшей компании было трудно мечтать, и я уже мысленно подбирал варианты подхода к особо важным фигурам. Для полноты счастья в списке гостей не хватало директора магазина сантехники – очень нужна была плитка для ванной и линолеум для кухни. Но это случилось ближе к Новому году – мне тогда перепал финский смеситель и чешский унитаз.

Большинство гостей, явно готовя себя к свадебной трапезе, скорее всего дома не обедали и вожаденно поглядывали на столы, уставленные разными

вкусностями. Мои музыканты приятными мелодиями подогревали аппетиты. К началу седьмого некоторые закуски стали понемногу утрачивать первозданную красоту, что начинало вызывать беспокойство у официантов.

Вот уже все в сборе с нетерпением ждут молодожёнов, которые после сочетания поехали с друзьями покататься по Москве на красивом лимузине. Мобильных телефонов тогда, понятно, не было. В половине седьмого родители вышли встречать молодых на улицу, я вышел за ними, чтобы увидев кортеж, успеть дать команду музыкантам. К ресторану подъехало такси, из него вышел юноша и подошёл к родителям со словами: «Только не волнуйтесь, ничего страшного, сейчас расскажу». Родители побледнели и буквально все превратились вслух. Что же сообщает им гонец? Оказывается, друзья молодых где-то вычитали, что очень хорошей приметой, сулящей счастливую жизнь, является питьё женихом вина из туфельки невесты.

Они заранее позаботились о том, чтобы такой красивый ритуал был исполнен, для чего прихватили с собой три бутылки вина разных марок. Жених – рафинированный интеллигент-очкарик, золотой

Это было недавно, это было давно

медалист, выпускник престижного ВУЗа, победитель математических олимпиад, шахматист-разрядник, никогда в жизни не знавший вкуса спиртного, в приметы верил. Видя искреннюю радость друзей, жених, опьянённый любовью, и желая показаться перед любимой настоящим рыцарем, приготовился к ритуалу. Друзья сняли с ноги невесты туфельку 39 размера и под радостные возгласы наполнили её вином. Этим милым ребятам и девочкам подсказать бы другу, что если уж жениху и исполнять такой экстремальный ритуал, то достаточно просто пригубить вина, а остальное допить самим. Но о такой мелочи как-то никто не подумал.

Жених, привыкший всегда всё делать только хорошо, понимая свою ответственность за будущее счастье семьи, припал к туфельке и, зажмурившись, начал вливать в себя трёхкомпонентный коктейль под крики Ура и Горько. И тут случилось непредвиденное. Мало того, что жених – человек непьющий, с раннего утра ничего не евший и пребывающий в свадебном волнении, так ещё и туфля с непонятно каким зельем в объёме для киношного гусара. Всё это в момент свалило парня. Он полностью отключился и повис на руках здорово испугавшихся друзей (я об этом узнал позже). Этот драматический момент был рассказан родителям в

щающем варианте – было сказано, что Алик немножко опьянел и скоро будет в полном порядке.

Надо было видеть ужас на лицах родителей, слушающих юношу. «Он же никогда не пил вина!» – застонала мама жениха. Но парнишка начал успокаивать родителей, сказав, что решено было отвезти молодых домой к другу, там они наведут марафет и чуть позже приедут в ресторан. Невеста просила не волноваться и начинать застолье без них. Я смотрел на родителей, они повернулись ко мне в полной растерянности. Что сказать гостям, что делать? Не имея подобной практики, я лихорадочно думал, как быть. Решение сверкнуло молнией. «Прежде всего, успокойтесь и смените выражение лица» – сказал я папам и мамам. «Ребята ваши, слава Богу, живы и здоровы, от рюмки вина ещё никто не умирал, тем более, что Алик выпил немного. Я сейчас что-нибудь сочиню правдоподобное, например, что молодые решили сделать свадьбу оригинальной и готовятся устроить гостям сюрприз. А теперь доверьтесь КВНщику первой волны – разом выдыхаем, и вперёд, к гостям!» Родители – молодцы – оценили мою находчивость. Папа жениха положил мне руку на плечо: «Миша, на Вас вся надежда!»

Это было недавно, это было давно

Мы вошли в ресторан. Я взял в руки микрофон: «Уважаемые гости, только что специальный представитель Шурочки и Алика сообщил, что они готовят для вас удивительный сюрприз. Уверен, что каждый получит большое удовольствие от того, что уже скоро произойдёт. Поэтому прошу всех проходить к свадебному столу и начать дегустацию блюд и напитков! Но первыми я прошу вас, мамы и папы, взявшись за руки, возглавить процессию и вспомнить ваши собственные свадьбы». Оркестр заиграл Мендельсона, смущённые, но, кажется, довольные таким поворотом родители вместе с гостями стали резво проходить к столу.

Ну вот, все расселись, бокалы наполнены, закуски в тарелках. Как быть с первым тостом? Родители смотрят на меня, гости тоже. Главное, хорошо начать. Понятно, за кого – за молодых. Но их нет, и не очень ясно, когда появятся. Обращаюсь к гостям: «Сегодня всех нас ждут сюрпризы, но наберёмся терпения и в начале нашего застолья с благодарностью обратим наши взоры на тех, кто родил и воспитал умных, добрых и талантливых детей и подарил нам возможность увидеть их свадебную радость!» Растроганные таким витиеватым и сентиментальным тостом гости

повернулись к не менее растроганным родителям. Раздались крики Горько, Лехаим и Мазл Тов. Все поднялись. Мама прослезилась, папы с бокалами пошли чокаться с гостями. Меня этот поход вдоль длинных столов вполне устраивал. Время пошло. Стрелка часов приближалась к семи. Моя мысль заработала в нужном направлении. Вспоминаю старую песню, уверенно. Даю музыкантам установку: «ЛЯ минор, цумба-цумба, идёте за мной!» Короткое вступление. Я запел:

*У мамы с папой слёзы радости блестят, от них сегодня эти дети улетят.
Сегодня дети стали мужем и женой, всё неожиданно, как будто гром весной.
Не плачьте мамы, не плачьте папы, и вы ведь тоже покидали дом родной.
И чтоб случилась эта свадьба, тогда вы тоже стали мужем и женой!*

Песню приняли на Ура. Понимая, что попал в «десятку», я предложил родителям вспомнить свои свадьбы и по возможности подробно рассказать о них – когда, где, как всё проходило, кто из сегодняшних гостей был тогда, что пили, что ели, кто и что дарил, какие песни пели, сколько что стоило. Надо было видеть, с каким энтузиазмом была воспринята моя провокация. Оказалось, что у обеих родительских пар свадьбы были в 1953 году. Как же тут было не вспомнить дату 5 марта? Тётя невесты не могла не рассказать, как её чуть не задавили на Трубной, когда

Это было недавно, это было давно

она, студентка, шла к Колонному залу отдать последний долг Вождю и Учителю. Какое отношение это имело к свадьбе, никто не понял, но минут десять слушали с удовольствием.

Родители и гости просто фонтанировали воспоминаниями. По ходу этой ностальгии я вставлял то песню, то анекдот, и за этим очень мне выгодным занятием прошёл почти час. Самое главное, что про жениха и невесту гости, увлечённые подброшенной мною темой, как-то подзабыли. Правда, родители на часы всё-таки поглядывали. В восемь часов моё предложение потанцевать было одобрено единогласно. Я предложил реконструировать недавние серебряные свадьбы родителей и объявил для них свадебный танец. На танцы ушло минут сорок.

Я попеременно глядел то на часы, то в окно, принимая и отвергая на ходу разные варианты развития событий. Вспомнил фразу из русской былины: «Нам бы ночь простоять да день продержаться!» Сколько нужно было продержаться мне до приезда молодых, я понятия не имел, но для себя определил, что ещё не меньше часа. Потому, как оправиться от алкогольного удара туфлей

39 размера непьющему юноше, даже с помощью реанимирующих друзей, быстрее не удастся.

За этим размышлением я заметил официанта, подающего мне знаки. Он сообщил, что доставлен свадебный торт и спросил о времени подачи. Памятуя об обещании гостям сюрприза от молодожёнов, сразу прикинул, как обставить их появление. Но это позже, а сейчас надо как-то начать второе отделение свадьбы без виновников торжества. Воодушевлённый успехом первого отделения, я объявил конкурс на лучшее четверостишие в честь молодожёнов и их родителей. Причём каждый стих надо оформить в виде тоста. Эта забава тоже пришлась по душе и продолжалась больше двадцати минут.

На моё счастье подошедший ко мне папа жениха, радостно сообщил, что пять минут назад метрдотелю дозвонилась невеста и просила передать маме, что будут через полчаса. Часы показывали 21:15. Радостно вздохнув полной грудью, я взял микрофон и организовал подведение итогов конкурса на лучший тост с вручением бутылки коньяка победителю. Подача горячего блюда и дегустация под хорошую музыку заняли ещё двадцать минут.

Это было недавно, это было давно

Я с двумя папами вышел на улицу. Через пять минут на двух такси подъезжают молодые, их свидетели и еще две пары. Я увидел Алика – цвет его лица напоминал кабачок молочно-восковой спелости. Он был сильно смущён, но старался улыбаться и нежно держал Шурочку за руку. «Ребята, – говорю жениху с невестой – всё идёт нормально, гости подготовлены, я их убедил, что вами задуман сюрприз, Будете по моей команде вкатывать торт на тележке. Сообщайте гостям, что долго его пекли, вот и запоздали. Не рассказывать же им про туфлю. Расскажите через 25 лет своим детям в назидание. А сейчас берёте тележку с тортом и в сопровождении верных друзей – бодро в зал! Ждите моего сигнала». Через минуту беру микрофон: «Дорогие мамы и папы, дорогие гости, благодарю всех вас за прекрасную подготовку к триумфальному моменту!» Оркестр грянул Мендельсона, двери распахнулись, в едином порыве все поднялись. Шурочка и Алик катили торт. Под ноги им летели цветы. Мама плакала.

Ровно в десять я провозгласил тост, в котором пожелал молодым к своей серебряной свадьбе прийти в ранге дедушки и бабушки. Общий восторг, крики «Горько!» Ребята поднялись с бокалами в руках. Алик старался не смотреть ни на бокал с шампанским, ни на

закуски. Порозовело его лицо примерно через час. К двенадцати свадьба благополучно завершилась. Мама жениха, прощаясь со мной, высокопарно, но с чувством, сказала: «Миша, снимаю перед Вами шляпу! Считайте нас своими друзьями». Уходя, я сказал Шурочке: «А туфлю обязательно сохраните».

О СТАРШИХ БРАТЬЯХ

Моя мама мечтала иметь девочку. Но судьба распорядилась так, что в 1936 году на свет появился мальчик, в 1941 году тоже мальчик. Последняя попытка осуществить заветную мечту была предпринята осенью победного 1945 года. И вот в июне 1946-го вместо девочки в Перовском родильном доме раздался радостный крик ещё одного мальчика, то есть меня. Мечта осталась мечтой. Сразу хочу заметить, что впоследствии мама не только не жалела о своих героических усилиях, но очень гордилась своими сыновьями, благо мы, все трое, почти не давали поводов для сильных огорчений. В момент, когда я пишу эти строки, нам на троих уже 230 лет, и есть у нас намерение пребывать в добром здравии ещё долго и весело.

Ну, так о нас. Мне, как самому младшему, безусловно, очень повезло с братьями, поскольку разница в возрасте пять и десять лет позволяла мне много перенимать из их опыта. А он был очень впечатляющим. Что касается Алика, то он из нас троих рос самым послушным, организованным, хорошо учился

и даже был в числе победителей физико-математических олимпиад. Участь в девятом классе, он вместе со своим другом Димой Забережным (будущим кандидатом наук и директором завода) собрал настоящий ламповый радиоприёмник, что по тем временам было очень не просто – почти все детали они изготовили вручную.

Кстати сказать, возможно, что изготовленный в юности радиоприёмник каким-то образом повлиял на то, что много лет Алик проработал на заводе Минрадиопрома. Помню, с каким восторгом мы слушали, пусть и не очень громкую, но вполне разборчивую радиопередачу. У нас в доме, как и у всех, радио было в виде чёрного картонного круга, в центре которого был маленький репродуктор. Ежедневно в шесть часов утра передачи начинались с исполнения гимна Советского Союза.

В 1953 году, окончив школу и сдав экзамены в институт с одной четвёркой, Алик не прошёл по конкурсу. Дело было, конечно, не в этом одном балле – конкурсы тех лет не предусматривали нахождение в рядах студентов элитных вузов лиц с фамилиями, содержащими признаки «безродного космополитизма». Совершенно не отчаявшись, Алик, как ни странно,

Это было недавно, это было давно

выбрал путь, проложенный нашим папой, и поступил в техническое училище, окончил его с отличием и получил четвёртый разряд слесаря, чем очень папу порадовал. Осенью 1955 года был призван в армию. На самый край географии – в Спасск Дальний, что на берегу Охотского моря, новобранцев везли в товарных вагонах-теплушках ровно месяц. Такие были тогда скорости. Прослужил там три с половиной года – смену очень долго везли. Уволился в звании старшего сержанта с благодарственным письмом родителям от командира части. Ещё до службы Алик выучился по самоучителю довольно прилично играть на семиструнной гитаре, так что в армии ещё отличился на ниве художественной самодеятельности.



г. Спасск Дальний



Я с Аликом и Гришей (1956г.)

Возвратившись весной 1959 года, начал учёбу в техникуме и поступил на завод "Фрезер" слесарем-сборщиком, где очень скоро стал самым молодым обладателем высшего шестого разряда. Удостоился статьи о себе в газете «Московский комсомолец» с фотографией. Мама эту газету бережно хранила и с удовольствием гордо её показывала. На этом заводе Алик познакомился с работницей ОТК Лидой Куйбышевой и очень скоро объявил родителям о намерении жениться. Известие о том, что сын собирается жениться на русской девушке, повергло моих родителей в глубокое уныние. В нашей родне уже был печальный прецедент - мамина двоюродная сестра

Это было недавно, это было давно

Муся в Смоленске вышла замуж за поэта Ивана Рыжикова, который оказавшись пьяницей часто бил жену, напоминая о её неудачной национальности. Трезвый, что было довольно редко, говорил, что евреев любит. Родители очень боялись, что у будущей невестки может оказаться такая же лихая родня. Все попытки отговорить Алика были тщетны (через некоторое время стало понятно, что этому способствовали и весьма пикантные обстоятельства). Но об этом чуть позже. И вот 2 января 1960 года они с Лидой расписались.

Свадебное застолье состоялось в доме невесты, что на Остоженке. Назвать это строение во втором Обыденском переулке домом мог только неисправимый оптимист. Деревянное одноэтажное строение, неизвестно какого года постройки, до половины окон ушло в землю и подпиралось с трёх сторон, под углом градусов в тридцать, столбами, удерживающими его от давно полагавшегося обрушения. Лида с мамой жили в комнате, значительную часть которой занимал большой трёхстворчатый шкаф, выполняющий сразу много функций, главной из которых было удерживание на себе провисающего потолка.

Мама – Мария Самсоновна – замечательная, добрая женщина, всю жизнь проработавшая на фабрике, растила дочь одна (отец Лиды погиб в 1942 году) и воспитала её очень хозяйственной, самостоятельной, хорошо подготовленной к семейной жизни. Вот в такой, более чем скромной комнате был накрыт свадебный стол, за которым, как ни странно, уместились гости. С нашей стороны были мама с папой, мы с Гришей, Фира с Лёвой и Лазарь с Симой. И конечно, само собой разумеющееся – аккордеон. Со стороны невесты было человек шесть – как оказалось очень приветливые и весёлые люди. Задача увеселения свадебного торжества, естественно, была возложена на меня, с чем я успешно справлялся. Алик тоже поучаствовал – играл на гитаре и пел романсы, чем сразу влюбил в себя будущую родню. Надо сказать, что Лидина родня всегда гордилась своим еврейским родственником, хотя Алик из всех нас практически не имел семитских черт ни во внешности, ни в поведении.

Единственной участницей застолья, которая с трудом обозначала на лице восторг и умиление, была наша мама, взгляд которой постоянно направлялся на провисающий потолок – она мысленно пыталась определить запас его прочности и траекторию

Это было недавно, это было давно

возможного сближения с полом. Наконец свадьбу отыграли. Гости разошлись, пожелав молодым «совет да любовь». Наша родня за столом от криков «Лехаим и Мазл Тов» воздерживалась. Ночью мама не сомкнула глаз – очень беспокоилась за устойчивость столбов, поддерживающих гнёздышко молодожёнов, но к счастью всё обошлось. На следующий день Алик с Лидой приехали к нам в Вешняки на семейный ужин здоровыми, весёлыми и, как говорится, стали «жить-поживать и добра наживать».

Когда же обнаружилась беременность невестки, мама настояла, чтобы она и Алик переехали к нам. В мае не стало дедушки, и их с бабушкой комната была предоставлена молодой семье. И вот 16 июля 1960 года мои родители теперь уже сами были возведены в ранг дедушки и бабушки. Хорошо помню этот день. Лида уже неделю была в роддоме (наверное, так было нужно). Днём приехала Мария Самсоновна с радостной вестью – девочка! Алик в это время был в отпуске и в этот день загорал на Кусковском пруду. Поэтому я, вскочив на велосипед, помчался в Кусково сообщать новоиспечённому отцу о счастливом событии.

Вечером, когда радостное волнение немного успокаивалось, мне удалось подслушать разговор родителей. Конечно, они были очень рады, но..., просчитав разницу в днях между 16 июля и 2 января и, усомнившись, что за не полных семь месяцев можно выносить ребёнка весом в 3600 граммов, мама обратилась к папе: "Наум, как тебе это нравится? Что скажут родственники?" (В те годы общественное мнение, особенно еврейское, не приветствовало добрачные вольности, а тем более – «киндер махн»). Трагизм, прозвучавший в мамином вопросе, папу смутил не так сильно, поскольку его знания о вынашивании детей были не столь сильны, как знания в области металлообработки. Папа в это время, как всегда после ужина, штудировал газету «Правда» и анализировал речь Н. С. Хрущёва, требовавшего после своего визита в Америку засеять кукурузой все поля от южных гор до северных морей. За размышлением о грядущем изобилии сельхозпродукции мамино выступление застало папу врасплох. «Наум, чтоб ты был здоров (так мама обычно начинала, когда сердилась), *гиб аруйс дайне* газету! *Эйх мир а шейне* картина – второго января *хасене*, а шестнадцатого июля *киндер!* *Ба мир* не укладывается *ин коп!*» «Главное, чтоб все были

Это было недавно, это было давно

здоровы» – благодушно завершил щекотливую тему папа. Слава Богу, Алик с Лидой уже 58 лет вместе, умеют брать от жизни всё, что им нужно, путешествуют, с удовольствием почти каждый год навещают Гришу с Галей в Израиле.



Алик и Лида 1960 г.

Разница в возрасте между мной и Аликом, конечно же, исключала моё пребывание в компании его друзей, но поскольку многие из них часто бывали у нас в доме и во дворе, где много чего придумывали интересного, то посмотреть и набираться знаний я мог сколько угодно. Особенно мне нравилось наблюдать за их спортивными занятиями на турнике, с самодельной штангой, стрельбой из луков, которые они сами мастерили, игрой в волейбол и городки. Гриша уже мог участвовать с ними во многих играх, я же пока только с удовольствием подавал мячи, улетающие за забор на улицу.

С лета 1960 года Алик стал брать меня с собой на футбол, и я стал ярким болельщиком. Мы почти не пропускали матчей ЦСКА на Динамо и в Лужниках. Я ходил на футбол до самой женитьбы. Сводив в 1969 году на футбол Инну, я понял, что это не самое лучшее зрелище для молодой, интеллигентной и умной женщины. Дикая вопли и обильная ненормативная лексика никоим образом не сочетались с лирическим настроением, в котором мы, молодые супруги, тогда пребывали.

После того, как Алик с Лидой и мамой получили квартиру на Хорошевке и уехали из Вешняков, наше

Это было недавно, это было давно

общение больше проходило на днях рождений, свадьбах и других торжествах нашей многочисленной родни и друзей. Мы всегда с удовольствием помогали друг другу, особенно при обустройстве и ремонтах жилья. После окончания техникума Алик решил поступать в вечерний институт. Я уже, будучи студентом, готовил его к вступительным экзаменам и был очень горд тем, что помог ему легко их сдать. В те годы мы часто музицировали вместе – гитара с аккордеоном звучали очень прилично.

Переходя к повествованию о детстве и юношестве Гриши, я должен начать, конечно же, с истории его рождения в тяжелейших условиях эвакуации, куда беременная мама с пятилетним Аликом и сестрой Фирой были отправлены из Москвы, которая уже была на осадном положении. 3 ноября 1941 года, когда военная обстановка подошла к критической черте, в далёком, Богом забытом удмуртском селе, в избе с земляным полом и печкой-буржуйкой, родился мой брат Гриша. У мамы сильнейшая простуда, температура сорок градусов, молоко пропало. Меню и технология кормления новорожденного были следующие: в марлю заворачивалась толчёная отваренная полугнилая картошка, посыпанная сахарином. Замоченный в воде

мешочек засовывался ему в рот, а дальше, хочешь-не хочешь, его надо младенцу было высосать и получить новую порцию. Вот такая трапеза пару-тройку месяцев была у моего брата, который на удивление с аппетитом с ней расправлялся и хорошо набирал вес.

Этот почти невероятный педиатрический феномен военного времени мог бы вполне послужить основой не одной научной статьи или диссертации. Но тогда о науке маме думать не приходилось. Очевидно, решающую роль в борьбе за выживание сыграло природой заложенное в Гришу чувство юмора, и он сотворил *козью морду* жестокой злодейке-судьбе, не только выжив, но и став лидером среди сверстников по физическому развитию и успехам в спорте.

Но до этого надо было ещё стать сверхвезунчиком, не убившись в двухмесячном возрасте, выпав с высоты полутора метров из люльки (на местном диалекте – зыбки). Что же произошло? В качестве спального места выступала плетёная корзина, которая на верёвках была подвешена к потолку, чтобы к младенцу не забрались крысы. Почему одна из верёвок оборвалась неизвестно, но этого было достаточно, чтобы эта зыбка завалилась на бок, и Гриша полетел вниз. Исход такого падения был

Это было недавно, это было давно

бы очевиден - либо летальный, либо инвалидность и кретинизм. И в этот момент ангел-хранитель повелел маминой сестре появиться в избе. Тётя Фира совершила бросок, достойный лучших футбольных вратарей, и поймала племянника буквально в сантиметре от земли. Этот эпизод стал пожизненной преамбулой первого тоста на каждом дне рождения Гриши. Этот тост всегда неукоснительно сопровождался пожеланием здоровья, а потом и упокою нашей замечательной, всеми любимой Фире, обожаемой своими учениками учителю истории, прожившей всего 58 лет. Сейчас её три дочери, уже сами бабушки, живут в Хайфе, их дети и внуки сделали в Израиле прекрасную карьеру. Представить себе такое, почившие в семидесятых годах Фира и её муж Лёва – преданные делу Партии и верящие в светлое будущее люди, конечно не могли даже теоретически.

Ну, да продолжу о Грише, который с 1991 года тоже перебрался на историческую родину и очень дружит с большой семьёй своей спасительницы. Я хорошо помню его биографию примерно уже с 1950 года, когда он начинал завоёвывать авторитет у вешняковской шпаны, как активный участник и победитель больших и малых драк и футбольных баталий. Модная в те годы воровская романтика

диктовала свои нормы поведения для мальчишек, не желающих бояться всех и всего и жаждущих скорее стать взрослыми. Курение и выпивка были уже обязательными для многих Гришиных сверстников, часть которых постепенно пополняла уголовный контингент и рано или поздно отправлялась на отсидку за кражи и поножовщину. Можно себе представить переживания моих родителей, видящих окружение среднего сына.

К счастью, окружение Алика в это же время было очень благополучным, его класс состоял из очень хороших ребят, которые в большинстве своём стали уважаемыми людьми. Так, например, два его друга, оба Юры – Сидоров и Зинкевич, которые часто бывали у нас, стали морскими офицерами, Дима Забережный и Юра Коростелин – завсегдатаи нашего двора – директорами заводов.

Проблемы с поведением начались у Гриши уже в пятом классе – маму стали часто вызывать в школу и требовать серьёзных воспитательных действий. До сведения директора школы был доведён неслыханный по дерзости акт ученика – в дневнике вместо записи задания на новогодние каникулы Гриша нарисовал

Это было недавно, это было давно

бутылку водки и написал: «Выпьем и снова нальём». Дневник был конфискован и уничтожен лично завучем. За дело взялся наш дедушка Файва. Его ремень стал чуть не ежедневно прогуливаться по нижней части туловища внука, что, правда, вразумляло нарушителя семейного покоя совсем ненадолго. Влияние улицы было сильнее дедовского ремня. Начиналось весёлое время у моих родителей.

Для описания всех подвигов и приключений моего брата, как в отрочестве, юности, так и в зрелом возрасте требуется отдельная полноценная книга. Если когда-нибудь у Гриши появится здоровая зависть к моему литературному действу, и он найдёт в себе силы и желание написать свои мемуары, то я нисколько не сомневаюсь в их оглушительном успехе. Потому, что вспомнить есть много чего очень интересного и поучительного. Я в своих записках хочу вспомнить ещё только несколько периодов и эпизодов, которые мы, собираясь вместе, любим вспоминать особо.

В одной из предыдущих глав я упоминал о том, как Гриша азартно включился в перемены жизни после московского 1957 года всемирного фестиваля. Узкие брюки и увлечение новомодной музыкой и танцами –

это было минимальной заявкой на звание *клёвый чувак*. Такой титул заслужить и поддерживать было и трудно, и не безопасно, ибо все пакости, которые устраивались везде и всюду для «стиляг», надо было героически переносить и не сдаваться. Надо сказать, что мои родители не воспринимали трагически ни брюки шириной 16-17 сантиметров, ни твист с рок-н-ролом, но очень волновались за походы сына по танцевальным верандам и поздние возвращения домой.

Для волнений причины были очень даже серьёзные – в Кускове и Люберцах, куда регулярно стал ходить и ездить Гриша на танцы, где пьяные, да и трезвые драки возникали постоянно. А приводы в милицию, как в качестве участника, так и качестве свидетеля, могли здорово попортить биографию. Об ущербе внешнему виду любителям подраться, к которым Гриша легко мог присоединяться, да и здоровью в целом, уже говорить не приходится.

Так вот, когда чаша терпения регулярным возвращениям после часу ночи (надо же было девушек провожать до дома со всеми сопутствующими джентльменскими процедурами) была переполнена, в воспитательный процесс решил включиться наш папа.

Это было недавно, это было давно

Исповедуя приоритет решительных действий перед поучениями и увещеваниями, папа в один из летних вечеров ровно в одиннадцать часов запер наши обе входные двери на засовы (летом обычно вход с террасы вообще не закрывался, так как во дворе у нас была собака) и приказал сердобольным маме и бабушке их не открывать до утра.

Папа и дедушка легли спать – они рано вставали на работу, а бабушка с мамой встали на караул у окна. Около двух часов ночи послушались осторожные шаги и подёргивания входной двери. Эксперимент начинался. Довольно быстро поняв, что двери заперты умышленно в целях противодействия танцевальному беспределу, Грише ничего не оставалось делать, как обустроить свой ночлег в угольно-дровяном сарае в компании верного пса, который, как видно из фотографии, был счастлив от возможности лишний раз доказать свою верность любимому хозяину (к Грише наш Пират всегда питал особо нежные чувства).



И надо сказать, что папин радикальный педагогический приём возымел успех – Гриша действительно стал укладываться в установленное время прихода, да и танцевальную активность постепенно начал снижать, переходя на другие формы развлечений. Владелец ярких внешних данных, Гриша, конечно же, всегда пользовался повышенным женским вниманием. В доармейский период мы имели удовольствие познакомиться с его несколькими красивыми подругами, которых он приводил к нам в дом.



Гриша: 1959 г. и начало семидесятых

Особенно долгим был роман с Наташей Ратановой, дочерью посла в Камбодже. Горячая любовь вполне могла перекатить в брачное русло, но перспектива появления еврейского, хоть даже и красивого, зятя у дипломата никак не устраивала высокостатусную семью. Тем более, что подходило время призыва в армию, а предстоящая трёхлетняя разлука никак не была полезной для красивой и успешной девушки, на руку и сердце которой было достаточно подходящих претендентов. Так оно и вышло – Наташа успешно вышла замуж и сделала хорошую

карьеру, а с Гришей у них до настоящего времени сохранились чисто дружеские отношения.

В 1960 году началась армейская служба, которая у Гриши, как у хорошего спортсмена, была наполнена частыми футбольными и хоккейными сборами, тренировками и играми.



ком.отд.оператор 2 кл.
мл.с-т Манзон Г.Н.



Знай наших! 1962 г.

После службы он начал работать на заводе строгальщиком и стал готовиться к поступлению в институт. Не самые сильные школьные знания и полное их забвение за годы службы в армии очень осложняли возможность быстрой подготовки к вступительным

Это было недавно, это было давно

экзаменам. Вот тут я впервые сумел реализовать плоды своей уже двухлетней институтской практики и сделать всё возможное и невозможное для поступления Гриши в институт, а в дальнейшем – его учёбы в нём и успешном окончании. Не вдаваясь в подробности, могу с гордостью и удовольствием говорить о том, что в дипломах о высшем образовании и Гриши, и Алика, отодвинутых армейской службой почти на три с половиной года (каждый) от возможности учиться, есть и немалая доля их не служившего в армии младшего брата (хотя и имеющего офицерское звание).

А в 1968 году наш Гриша, наконец-то, остепенился и женился. Его верной спутницей стала Галя Кац, с которой они в текущем 2018 году готовятся отметить золотой юбилей. Отец Гали – Михаил Эммануилович Кац – директор московского завода «Компрессор», был к тому времени уже много лет вдовцом и, несмотря на большую занятость по работе, был очень участлив в жизни своих двух дочерей, которым оказывал хорошую материальную поддержку.



Гриша с Галей 4 декабря 1968 г.

Галя преподавала в техникуме металловедение, а старшая сестра Элла была очень способным гуманитарием. В июле 1969 года на нашей с Инной свадьбе Галя была сильно беременной и ровно через

Это было недавно, это было давно

месяц разрешилась сыном Серёжей. Галя, уже Манзон, дай Бог ей здоровья, являла и являет собой абсолютно полное воплощение всех черт характера, присущих женщине, рождённой под знаком Овна. Её энергия и темперамент в сочетании с любовью и беспредельной заботой о семье являются могучим фундаментом их с Гришей нелёгкой, но в целом счастливой жизни. Два замечательных внука и чудесная внучка, обожающие деда с бабой, – их самая главная награда.

И вот теперь речь пойдёт о, можно так сказать, уникальном, опять же, не без моей помощи, эксперименте и достижении Гриши, как человека музыкально одарённого, но долго не востребованного. На время его женитьбы приходится самый активный период моей музыкальной активности. Я уже был без отрыва от основной работы достаточно известным ведущим, певцом и музыкантом на еврейских свадьбах и юбилеях. Постепенно у меня образовался хороший ансамбль – гитарист оркестра всесоюзного радио Толя Хатала, великолепный саксофонист-кларнетист Слава Басалаев – любимец еврейских «цеховиков», несколько непостоянных барабанщиков по вызову. И хотя я приглашал только профессиональных барабанщиков, но ни один из них полностью меня не устраивал, так как

они играли грамотно, но для еврейского уха не очень «вкусно».



Это было недавно, это было давно

В моём институте в каморке профкома много лет лежала и пылилась старая ударная установка, которая после распада институтского оркестра была никому не нужна и была мной с разрешения начальства переправлена в гараж к Грише. А гараж был у них с Галей во дворе дома, и там стоял старый автомобиль «Победа», на котором Михаил Эммануилович не ездил много лет. Он подарил машину Грише, и тот очень быстро стал заправским водителем. И вот, как говорится – всё в одном флаконе. Есть родной брат с машиной и барабанами, но не умеющий на них играть, есть потребность в перевозке аппаратуры и инструментов, но нет настоящего еврейского барабанщика. Мысль о привлечении в наш ансамбль не умеющего играть брата показалась моим друзьям абсурдной. Но познакомившись с Гришей поближе, они прониклись к нему уважением, решили взять над ним шефство и провести ускоренное обучение необходимым приёмам.

И случилось чудо – буквально за несколько недель Гриша научился не только прекрасно сопровождать еврейские мелодии, но и довольно прилично, во всяком случае, абсолютно ритмично и, самое главное, не мешая, играть и танго, и фокстроты, и вальсы и даже твист. А это уже было для наших клиентов вполне достаточно.

Более того, с каждым разом Гриша играл всё более уверенно и ритмично, чем очень были довольны, и Толя, и Слава, очень хорошие музыканты. Где-то через год Гриша стал полноценным и очень ценным во всех отношениях членом нашего коллектива. А самое главное – это то, что его очень полюбили все наши постоянные клиенты.

Получив диплом инженера, Гриша довольно успешно продвинулся на основной работе. Очень скоро ему предложили должность главного инженера в управлении строящихся станций технического обслуживания автомобилей, где он хорошо себя зарекомендовал и проработал до 1991 года. А за некоторое время до этого создалась ситуация, которая стала для всей нашей семьи большой неожиданностью, почти, что громом среди ясного неба – Гриша с Галей подали заявление на выезд в Израиль, где уже обосновалась сестра Элла с мужем Эдиком и сыном Сашей. Если для Гали и Эллы это было вполне понятные желания, то для Гриши, благополучного москвича с хорошей работой, приличным доходом и большими связями, это было неожиданным ходом. А если учесть, что почти сразу за этим последовала аналогичная подача

Это было недавно, это было давно

заявления от Саши, то можно себе представить наше смятение и настроение.

Но, как бы ни было, состоялось всё то, что должно было состояться – в Израиль двинулись Манзоны и, к счастью, для Гришиной семьи Земля Обетованная стала, хоть и не без трудностей, но настоящим домом, в котором они живут уже 27 лет, обросли внуками, многочисленными друзьями и общаются со многими нашими родственниками, которые в разное время уехали из России. Почти всё это время Гриша работает в мемориале Катастрофы Яд Вашем на инженерно-технических должностях. За особые заслуги его не отправили, как и всех в 67 лет на пенсию, а в особом порядке оставили работать в музее с документами, где он и продолжает трудиться.

За годы работы в Яд Вашем Грише удалось близко увидеть многих мировых лидеров. Дело в том, что любой официальный визит в Израиль президентов, королей, премьер министров, руководителей стран и международных организаций предусматривает посещение мемориала и участие в церемонии поминовения жертв Холокоста. В должностные обязанности входило обеспечение надёжной работы

технического оборудования музейного комплекса, и поэтому Гриша должен был находиться в группе сопровождения, рядом с высокими гостями, и предупреждать любые неожиданности, особенно по части электрики и вентиляции, работы аудиоаппаратуры. Особая подготовка и ответственность сопутствовали визитам таких персон, как президент США Б. Клинтон, президент Франции Ф. Миттеран, король Испании Х. Карлос, Папа Римский и Генеральный секретарь ООН, наших руководителей: М. Горбачёва, Б. Ельцина, В. Путина. На некоторых протокольных фотографиях разных лет персона моего брата хорошо просматривается вместе с "сильными мира сего".

Одну из таких фотографий, где он запечатлён с премьер-министром Израиля Ицхаком Рабиным, была помещена на стену лоджии, из окон которой открывается панорама находящихся вдалеке арабских посёлков. Так вот, с этой фотографией произошёл случай, который достоин более красочного описания, чем на это способен я. Но, тем не менее, не могу удержаться от желания поведать о нём.

Это было недавно, это было давно

4 ноября 1995 года на площади Царей Израилевых в Тель-Авиве вечером, во время проведения многотысячной демонстрации в поддержку мирного процесса, на премьер-министра Ицхака Рабина было совершено покушение. Глава правительства едва успел допеть «Песню мира» и положить в карман листок с ее текстом, как за его спиной прогремели выстрелы. Террористом оказался член ультраправой националистической организации «Эйаль» («Львы Иудеи»), 26-летний студент Бар-Иланского университета Игаль Амир, который с близкого расстояния выпустил в Рабина несколько пуль.

В пятую годовщину убийства И. Рабина район улицы Анафа в Иерусалиме, где живут Гриша с Галей, был обстрелян террористами. Огонь вёлся из арабского посёлка, на который выходят окна лоджии. В один из моментов пуля, выпущенная из автомата Калашникова, пробила окно, ударилась в стену лоджии и, отскочив рикошетом, поразила фотографию на противоположной стене. И не просто попала в фотографию, а именно в изображённого на ней покойного Рабина, находящегося в группе людей.

Мистика этого события состояла не столько в пятилетней дате убийства, сколько в абсолютной невозможности прямого попадания пули в фото на боковой стене лоджии. Зловещая символичность заключалась ещё и в том, что живого Рабина убивает еврейский террорист за попытку установить мир с арабами, а "юбилейный" расстрел совершает, хоть и не зная об этом, арабский террорист, мир с которым наивно мечтал установить премьер Израиля.

Думаю, что вероятность такого попадания не просто ничтожна - один на миллионы прицельных выстрелов, но и вообще не допускает такого результата!

А вот ведь случилось! И это документально зафиксировано полицией, но не в смысле порчи фотографии, а как уголовное преступление. Я тогда рекомендовал Грише найти хорошего журналиста для придания этой истории гласности и, как следствие, сделать это фото дорогостоящим раритетом.

Я много раз уже был в Израиле и всегда Гриша с Галей меня очень тепло принимают и окружают заботой и вниманием. Алик с Лидой, их дочь Рита с Серёжей и Машей – тоже их частые гости. В общем, дай Бог мира и

Это было недавно, это было давно

процветания Израилю, а нашим родным и близким
здоровья и удачи!



Все вместе отмечаем праздники





Клейзмер по ускоренной программе

О МИЛОЙ ДОЧЕРИ МОЕЙ ТЕПЕРЬ ПОЙДЁТ ОТЦА СКАЗАНЬЕ

"О, Боже мой, какое испытание быть
взрослой дочери отцом!"

(почти по А.С. Грибоедову)

Рост и взросление нашего сына Саши были настолько наполнены его неукротимым лидерством и способностью держать нас с Инной в состоянии далёком от расслабленности и умиления, что начало укреплять нас в желании иметь в противовес собственнику и уже заметному эгоисту спокойную, нежную и послушную дочку-помощницу. И вот это окрепшее желание гармонии и создания полноценной с воспитательной точки зрения семьи привело к тому, что 24 января 1982 года на Пироговке в восемь часов сорок пять минут утра раздался долгожданный весёлый голосок, известивший о том, что теперь у нас, как вечером сказала тёща: «Полная идиллия – славный сыночек и лапочка-дочка». Наш Саша как-то не сразу почувствовал, что теперь у него появилось звание старшего брата и что надо привыкать к новому семейному укладу жизни. Но при обсуждении главного вопроса – как назвать нашу дочь –

О милой дочери моей теперь пойдёт отца сказанье
победило его настойчивое предложение. Спорить с ним было «себе дороже», и вот сестричка с подачи брата обрела имя Ирина, что в переводе с древнегреческого означает "мир", "покой" (такими глубокими познаниями Саша тогда, конечно же, ещё не обладал).



Новонаречённая сестрица, ни сколько не смущаясь мирного толкования своего греческого имени, начала с первых дней показывать, что уступать брату в боевитости и твёрдости характера она не намерена. Единственное, в чём она к нашей радости ему значительно уступала, так это в длительности лишения родителей ночного сна – если Саша гулял ночами почти два года, то маленькая Ирочка начала давать нам спать

Это было недавно, это было давно

уже через год. Но в целом она, конечно, была поспокойнее, и её первые годы были почти беспроблемными. Но некоторая особенность характера нашей дочери уже очень скоро стала нас наводить на мысль о том, что и с ней, как и с Сашей, нам расслабляться не следует. Впрочем, это совсем не мешало ей быть компанейским ребёнком и быстро устанавливать дружеские отношения с другими девочками.

Что касается особенностей характера, то самым впечатляющим эпизодом было событие, которое впоследствии стало «фирменным» и с удовольствием до сих пор пересказывается на каждом дне рождения. Прежде чем описать это событие, следует отметить, что дочь уже с двух лет категорически отвергала любого, кто пытался с ней сюсюкать и разговаривать причитаниями на «птичьем» языке. Театральное заламывание рук и умильные восклицания типа: «Это кто это к нам пришёл? Это у кого такие щёчки, (рученьки, глазоньки)?» – пресекались мгновенно, и сюсюкающие навсегда лишались Ириного расположения. Напротив, те, кто обращался к ней по взрослому, быстро находили общий язык.

Теперь о "фирменном" эпизоде. Не помню по какому поводу у моих родителей в Кузьминках собралось много наших родственников (в то время 20-25 гостей – это был минимум даже для рядового дня рождения). Мы с Инной, Сашей и четырёхлетней Иришей прибыли, когда уже все сидели за столом и держали четыре места для нас. Я и Саша долго себя ждать не заставили (прихожая у родителей была размером 1х3 метра), сели к столу, а Инна, раздевшись сама, попыталась снять верхнюю одежду с нашей обаятельной и привлекательной дочери, которая почему-то стала сопротивляться. Ну, думаем, пусть немного пообвыкнется и сама разденется. Оставили одну в прихожей. Дверь открыта, одетую в шубу Иру видим. Застолье началось. Что именно не понравилось, и в чём причина такой демонстрации прямо с порога – не понятно. Вроде все ребёнку обрадовались, бурно приветствуют, зовут. Да и поесть уже пора – завтракали давно. Но нет, стоит в прихожей, как солдат в карауле. Бывало, что нашу Иру иногда что-то смущало, и приходилось уговаривать, но обычно поладить можно было быстро.

Тут дело приняло другой оборот – явно затевался мятеж, и в мятежницу, кажется, уже вселялся

Это было недавно, это было давно

спортивный азарт. Приблизительно через полчаса наши родственники стали формировать группы переговорщиков, которые попеременно, с разными вкусами на тарелочках отправлялись в прихожую и, включая весь возможный артистизм, пытались заманить милого ребёнка в комнату. Но всё было тщетно – парламентарии со сконфуженными физиономиями бесславно возвращались с нетронутыми приманками. Ира смотрела на них немигающим взглядом и была похожа на пингвина, впервые увидевшего полярников. А если учесть, что наша уже прекрасно говорящая дочь, не обмолвилась с момента прихода ни с кем ни одним словом, то можно себе представить какие комментарии тогда звучали. Чуть-чуть разговорить внуку удалось моей маме. Доверительным шёпотом Ира сообщила, что она придёт к бабушке с дедушкой когда-нибудь потом, когда будут другие дети. Откуда возьмутся другие дети – этот вопрос относился к разряду риторических.

Простояв в коридоре часа четыре и не проронив ни слова, бабушкина внучка всё-таки сказала всем «до свидания» и со сладким чувством психологической победы отбыла в составе нашей делегации домой. Дома она с удовольствием продегустировала весь ассортимент бабушкиных гостинцев. Разбор полётов мы решили

отложить на завтра, но он так и не состоялся – обе бабушки советовали не травмировать ребёнка (может быть, спугнёте в ней будущую артистку – ведь какой спектакль устроила!).

В целом Ира росла относительно спокойной, весёлой, с чувством юмора, училась хорошо, была душой своей компании. К спорту, в отличие от Саши, и к занятиям музыкой (у нас долгое время было пианино, а аккордеон и гитара были всегда) привлечь её нам не удалось. Возможно, надо было быть настойчивей. Но Ира была всегда достаточно подвижной, болела не часто, решительно занималась только тем, что ей самой нравилось. Школьные годы летели быстро. После восьмого класса она загорелась желанием глубоко изучать иностранные языки, и после ряда сложных экзаменов была принята в девятый класс одной из лучших в Москве школ, где английский язык был профильным предметом. В конце мая 1999 года Ира успешно окончила школу. Торжественную часть выпускного бала мы с Инной наблюдали в школе. Было очень трогательно. При вручении выпускникам аттестатов многие родители роняли слёзы умиления, мы же с нетерпением ждали спектакля «Любовь к трём апельсинам», в котором наша дочь исполняла роль

Это было недавно, это было давно

племянницы заморского царя-самодура. Спектакль прошёл «на ура». Ира в коротком чёрном платье с красной розой в руке сыграла довольно убедительно, хотя до настоящей артистки немного не дотягивала. Но, главное, дебют был успешным, и все участники и зрители остались довольны.

В этом же году обладательница аттестата зрелости после долгих колебаний решила поступать и успешно сдала экзамены в Институт Управления. 2000 год стал началом карьеры автомобилистки. Первой машиной был Фольксваген, который прослужил Ире несколько лет и перешёл в руки её двоюродной сестры Оли Бородиной, когда Саша сделал сестре царский подарок в виде Мини Купера. Верность этой автомобильной фирме Ирина трепетно хранит и, несмотря на исключительную миниатюрность этой машины (я влезаю на заднее сиденье, складываясь пополам, как цирковой артист в жанре «каучук»), менять её ни разу не захотела. Как член клуба этой фирмы участвовала в заграничных автопробегах, чем очень гордится.

Получив диплом менеджера в государственном и муниципальном управлении, начала деятельность в компании «Российские железные дороги». Но скучная

работа и скромная зарплата долго её там не задержали. С разными интервалами во времени Ира освоила профессии дизайнера интерьера, окончила курсы итальянского языка и компьютерной графики, работала в риэлтерской компании элитной недвижимости, где умудрилась организовать сдачу в аренду министру печати четырёхэтажный дворец по «космической» цене. Особо проявились её эстетические способности во флористике, где она в короткие сроки овладела искусством создания эксклюзивных цветочных композиций, и её портфолио насчитывало изображения не одного десятка роскошных букетов.

Несколько последних лет я с удовольствием наблюдаю, как, несмотря на более чем десятилетнюю разницу в возрасте моих детей, они всё больше сближаются друг с другом. Ирина активно помогает брату в его многочисленных делах и проектах, и надо сказать довольно хорошо это делает, разгружая Сашу от рутинной, в его понимании, работы. Моя дочь, хоть и часто демонстрирует свой далеко не простой характер, обладает целым рядом очень важных качеств. Это ответственность, организованность и надёжность в делах, умение дружить и помогать. Она человек широкого кругозора, хорошо разбирается в людях,

Это было недавно, это было давно

много времени уделяет самообразованию, духовным практикам, любит и умеет красиво танцевать, разбирается в направлениях современной музыки. Со школьных лет хранит верность суперпопулярной британской рок-группе «Oasis» и её лидеру - гитаристу и певцу Ноэлу Гэллахеру. Неоднократно была на его концертах в Барселоне и Париже.

Я уверен, что накопленный Ириной потенциал и её деловые качества очень и очень скоро позволят ей занять достойную профессиональную нишу и иметь надёжную материальную и моральную опору. Эти строки я пишу в канун её очередного дня рождения и желаю своей любимой дочери бурного старта ярких и радостных событий, исполнения самых заветных желаний, крепкого здоровья и всепобеждающего оптимизма.



УХОД В ВЕЧНОСТЬ

На улице Миллионщикова в Нагатино мы прожили тридцать четыре года. В 2003 году мы переехали в Кунцево. Большая квартира, сразу за домом прекрасный Филёвский парк, приятные соседи – здесь жить бы, да жить. Но ...

9 февраля 2012 года. Сильнейший мороз, утром за 30. У Инны плановый визит к лечащему врачу в районе Динамо. Записана на 9 утра. Ещё вечером звонил Саша, предлагал, почти настаивал отвезти маму на машине. Категорически отказывалась, говорила, что при таких пробках, как у нас в Кунцево, а потом на Ленинградском, наверняка опоздает, будет вся «на нерве», а записывалась за месяц. В общем, на метро спокойнее и, главное, надёжно. Чувствовала себя нормально. Отправилась с запасом времени. В начале двенадцатого я набрал её. Не отвечает. Набрал ещё пару раз. Наверно, в метро, не слышит.

Минут через десять звонок: «Капитан милиции Будёный (эту фамилию недавно вспомнил). Мне нужно узнать, кем вы приходитеесь Инне Евсеевне Манзон?».

Это было недавно, это было давно

Стало не по себе – какие могут быть дела с милицией у моей законопослушной жены? Мгновенно возникли две мысли: потеряла телефон, а добрые люди передали, капитан набрал последний входящий номер. Но что-то не так – он же должен видеть на экране, что я – Михаил Манзон. Ещё молнией пронеслось: «Поскользнулась, упала... Попала в больницу...». Всё это мелькнуло в доли секунды. «Я её муж» – отвечаю деревянным голосом. «Ваша супруга скоропостижно скончалась в метро на станции Киевская. Сердце остановилось...». Следующая мысль: «Спокойно, этого не может быть! Это какой-то дикий розыгрыш! С Инной такое невозможно! Она осторожна и предусмотрительна, она скоро сама позвонит!»... Пытаюсь взять себя в руки и начать задавать вопросы. И уже через пару минут понимаю: капитан говорит правду – у меня больше нет жены... Что делать? Как сообщить детям, родственникам? Рано или поздно, всем предстоит услышать о кончине близких. Надо ли говорить о том, как это страшно, даже если речь идёт о старых и больных людях, и как в это трудно сразу поверить. Кто-то способен воспринимать это не теряя самообладания, кто-то впадает в ступор... Но надо действовать, надо достойно организовать все скорбные

процедуры, поддерживать и себя, и близких, унять боль и растерянность.

Инна была крещёной. Отпевание было в церкви, которую она по праздникам посещала и в которую относила вещи для бедных людей. Лежала спокойная и очень красивая. Внучка Настя положила бабушке в руку свой рисунок. Давно, в 1978 году, проведя девятнадцать бессонных ночей в больнице с парализованным отцом, у Инны появилось сильнейшее заветное желание (она об этом, я думаю, просила в молитвах) – когда придёт время, не доставить своей семье ни минуты таких хлопот и нравственных страданий. И Всевышний её услышал, забрал к себе мгновенно. Она это заслужила – за свою жизнь сделала всем много добра. Всегда собранная и организованная, она и в свой последний день ушла, оставив в квартире идеальный порядок, полный холодильник еды (всегда вкусной и разнообразной). Бельё постирано и выглажено. В морозильнике корм для бродячих собак и кошек в количестве, как минимум, на неделю. (Этих братьев меньших она подкармливала много лет, специально ежедневно вставая очень рано, пока никто не видит – стеснялась экипировки). Другой быть она не умела.

Это было недавно, это было давно

Инна обладала редкой и удивительной способностью – бескорыстно и безвозмездно давать всем, кто её окружал, любовь, заботу и участие намного больше, чем получать. Все, кто был с ней рядом, обязательно становились добрее, духовно богаче, честнее. Очень трудно вспомнить хоть один её серьёзный недостаток. К Инне всегда тянулись люди, особенно с трудной судьбой. Она умела помогать, ничего не прося взамен. Ни сколько не преувеличу (это подтвердят и мои дети, и те, кто хорошо Инну знал), если уверенно скажу: «У моей жены были абсолютно все женские и просто человеческие качества, о которых только может мечтать любой нормальный мужчина. Быть вместе с ней больше сорока лет, любить, пережить много радостей, трудностей и печалей, вырастить и воспитать детей, дождаться внуков – это огромное счастье. И оно мне досталось!»

Инне досталось счастье быть любимой бабушкой наших чудесных внуков Настеньки и Сашеньки и знать о будущем пополнении семьи Саши и Марины.



Я ВНОВЬ УСПЕЛ ПОНЯТЬ ЗНАК СУДЬБЫ

Всё свершается с ведома Божьего,

Даже если нежданно-негаданно...

Прошёл год, самый трудный в моей жизни. Надо было привыкать к печальному званию вдовца со всеми вытекающими из этого обстоятельствами и совершенно непривычным заботам, о которых мне никогда раньше не приходилось даже задумываться. Сорок три года я во многих вопросах целиком и полностью полагался на Инну, у которой всегда всё было на месте, быт продуман до мелочей, и даже уход за цветами, которых у нас в квартире было очень много, был целиком на ней, а мне был совершенно неведом. Я уже не говорю о том, что Инна помнила все дни рождения и памятные даты всех наших родственников и многочисленных друзей и заранее готовила для всех подарки, которые, как правило, всегда были приятными и нужными. Мне нужно было восстанавливать огромное количество информации, о которой я никогда не задумывался, и которое, как мне казалось, всегда будет под рукой. Короче говоря,

оборвалась привычная, хорошо налаженная жизнь, и я очень плохо представлял себе, как входить в новую. После годовщины родственники стали намекать мне, что после этого срока еврейский мужчина должен начинать поиск новой спутницы жизни. Но легко сказать, что надо делать. Мне, которому все завидовали, найти женщину не меньших достоинств, чем моя Инна, практически не представлялось возможным.

Но вот, мои друзья Галя и Яша Кан, доктор медицинских наук и профессор, известный врач-уролог, очень настойчиво просили меня быть ведущим на сорокалетию со дня их свадьбы. Хотя я пребывал морально не в самой лучшей форме, но понимая, что для них это очень важно (я в их компаниях и у них самих бессменно много лет проводил многие торжества), согласился.

Если бы 16 февраля 2013 года кто-то из моих друзей мне сказал, что влетевшая яркой кометой в «SAVOY» Алла Зохина, тут же попавшая в объятия многих гостей рубиновой свадьбы, которую я вёл, станет моей женой, я бы посоветовал лечиться. Как я узнал позже, вероятность её появления была

Это было недавно, это было давно

практически равна нулю, но, возможно, где-то ТАМ уже был запущен необратимый процесс и Его Величество Случай повёл нас навстречу друг к другу. Оказалось, что у нас много общих друзей, но даже эта приятная новость никак не подталкивала меня к мысли стать её новым другом (я уж не говорю – чем-то более значительным).

Красивая, ярко рыжая, умная, успешная, прекрасный музыкант и композитор, обожаемая своими друзьями и слушателями, она наверняка замужем или может легко приблизить к себе любого солидного мужчину. И так как я в этом ни минуты не сомневался, то даже когда она запела очень необычно и красиво, даже когда я, как коллега, пригласил её на танец и она оказалась в моих руках, то этот тормоз сразу отключил те чувства, которые в такой обстановке должен испытывать любой мужчина. Но, тем не менее, мы очень мило пообщались, Алла подарила мне свой новый диск, и мы, обменявшись телефонами на предмет возможного музыкального сотрудничества, распрощались.

Через несколько дней я позвонил ей, рассказал о своих впечатлениях от её творчества с некоторой

надеждой заинтересовать своим участием в новом проекте, о котором она мне рассказывала. Точно не вспомню, что именно я сказал вначале, но проговорили мы не меньше двух часов. Это было невероятно – мы начали говорить по телефону каждый день! Почти сразу мы поведали друг другу, что являемся дедушкой и бабушкой, что оба состоялись в профессиях, но в совершенно разных. Имея за плечами красивую и интересную жизнь, прошли через потери супругов, и каждый из нас (кто дольше, кто меньше) пребывает в одиночестве.

Постепенно стали проявляться совпадения во взглядах, предпочтениях и вкусах, оценках жизненных ситуаций, которые с каждым днём мы начали открывать друг в друге. А начало нашей работы над дуэтным исполнением песен Аллы стало поднимать планку нашего увлечения друг другом на всё большую и большую высоту и уже неотвратимо вело нас к тому, что сейчас мы с ней уверенно называем Любовью. Получив такой щедрый подарок судьбы в очень сложный для каждого из нас период жизни, мы очень ценим его и будем беречь и умножать.

Я бесконечно горд тем, что явился инициатором

Это было недавно, это было давно

и героем многих её прекрасных, необыкновенно чувственных и откровенных стихов, которые она написала буквально за один месяц. За те пять лет, что мы живём вместе, писательский талант Аллы расцвёл новыми красками, она написала много новой музыки, стихов, песен, две книги: В ноябре 2018 г. в театре на Малой Бронной с большим успехом состоялась премьера её музыкального спектакля о Людмиле Гурченко. Алла уже четверть века является организатором и ведущей культурных программ Дома Актёра на Арбате. И при всём при этом она прекрасная хозяйка и замечательный кулинар, трудолюбивая и заботливая жена. Что для меня очень важно – это то, что у неё сложились прекрасные дружеские отношения с Ирой и Сашей, встречи с которыми всегда обоюдно желанны и приятны. А у меня очень хорошие отношения с дочкой Аллы Владой и внучкой Алёной.

Аллу и меня с первого дня не покидает, пусть кажущееся странным и невозможным, ощущение, что друг к другу нас незримо вели ангелы-хранители, которыми, как мы теперь почти уверены, стали наши безвременно ушедшие любимые супруги.



На сегодняшний день всё самое главное, что пока удерживается в моей памяти, я постарался изложить в этих записках. Буду очень рад, если кто-то из читающих мои, если так можно выразиться, мемуары напомнит мне о чём-то интересном, что я мог упустить, а может быть и поправит меня, если я где-то без умысла ошибся. В любом случае давайте считать, что мой писательский дебют состоялся.

Ваш Михаил Манзон.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, НО ДЛЯ МЕНЯ ВАЖНАЯ, ПУСТЬ ДАЖЕ НЕ ОЧЕНЬ СКРОМНАЯ

До сих пор для меня самого остаётся загадкой, как мне, никогда не учившемуся музыке инженеру, посвятившему работе на заводе значительную часть жизни, одновременно удавалось не просто играть на аккордеоне и петь песни, а иметь честь войти в сотрудничество с высокопрофессиональными музыкантами и артистами и получить их признание и уважение. Но, тем не менее, этот феномен является фактом моей биографии.

Мне довелось выступать на одной сцене и петь в сопровождении таких великолепных пианистов, как народный артист России композитор Борис Фрумкин – руководитель оркестра им. Олега Лундстрема, Михаил Найдин – 20 лет руководивший оркестром Театра Эстрады, Владимир Свешников – солист оркестра театра им. Е. Вахтангова, работавший со многими известными артистами кино и театра, таких звёздных джазменов, как: заслуженный артист России, солист оркестров Л. Утёсова и О. Лундстрема – Михаил

Окунь, Лев Кушнир и Александр Бисеров, Станислав Ананьев и Юрий Погиба, Виктор Фридман и Юрий Луценко, Иван Фармаковский и Яков Окунь. Отдельно обязан сказать о фантастическом пианисте-виртуозе, композиторе Андрее Разине, в игре которого есть все лучшие компоненты перечисленных мной пианистов, а по выразительности игры – это просто уникам. Я очень горд тем, что нашей дружбе и сотрудничеству с Андреем уже 25 лет. С 2013 года я выступаю в дуэте со своей супругой – композитором, великолепной пианисткой-концертмейстером, работавшей со звёздами нашей эстрады, Аллой Зохиной.

Обязан назвать таких гитаристов, как народный артист России Алексей Кузнецов, Анатолий Хатала и Вячеслав Синьковский из оркестров радио и телевидения (с Толей мы играли и дружили 15 лет), Ринат Нурмухамедов и Александр Минц из Москонцерта, Виталий Кись и Андрей Юматов, скрипачей: в первую очередь – отца композитора Алексея Рыбникова – Льва Беймшлага, работавшего в довоенные годы в оркестре Л. Утёсова (на нашем с ним фото Льву Самойловичу 94 года!), Александра Поволоцкого, работавшего в оркестрах Большого театра и Е. Светланова (в девяностые годы он создал

Это было недавно, это было давно

ансамбль «Виртуозы Тель-Авива»), Александра Бронвейбера, Андрея Минца, Анатолия Ерошина, Аркадия Суздальницкого.



С Иосифом Кобзоном и Георгием Вайнером

Много лет я выступал с такими великолепными саксофонистами-кларнетистами, как: Изя (Исаак) Беленький из театра им. Е. Вахтангова, работавший с Иосифом Кобзоном Симон Эйленкриг, заслуженный артист России Иван Волков – солист оркестра О. Лундстрема, мой друг и многолетний партнёр, «король» еврейских свадеб – несравненный Вячеслав

Басалаев, как шикарные Игорь Тертычный, Марат Галеев, Валерий Киселёв и Виктор Подкорытов, Иван Станишевский – заслуженный артист России, Владимир Остриков, а недавно узнал такого яркого и универсального музыканта, как Михаил Блинков.

Для меня большая честь выступать с такими джазовыми звёздами, как контрабасисты Игорь Иванушкин и Игорь Кондур, Сергей Хутас, Виталий Соломонов и Игорь Уланов, Евгений Онищенко и Алексей Емельянов, блистательными барабанщиками – заслуженным артистом России Владимиром Журкиным, Эдуардом Зизаком, Иваном Юрченко, Рафаилом Галиулиным, Евгением Рябым, Андреем Никоновым, Сергеем Ефимовым, джазовыми аккордеонистами, хорошо знающими, тем не менее, почти весь советский песенный репертуар Владимиром Данилиным и Александром Мартиросовым.

С 1994 года дружу и выступаю с выдающимся тромбонистом, руководителем оркестра Moscow Band, композитором, заслуженным артистом России Владимиром Лебедевым – лауреатом многочисленных международных конкурсов, великолепными трубачами Владимиром Галактионовым и Евгением Барановым,

Это было недавно, это было давно

Семёном Мильштейном – заслуженным артистом России, универсальным музыкантом, аккордеонистом-виртуозом Евгением Гейзлером. Женя является автором аранжировок для моего сольного диска, который был выпущен в 2016 г. (и может иллюстрировать эту главу).

В разные годы мне доводилось петь на мероприятиях, участниками которых были народные артисты СССР И. Кобзон, А. Пугачёва, В. Шаинский, А. Пахмутова (см. фото), народные артисты России: В. Винокур, Л. Лещенко, Л. Долина, Р. Ибрагимов, Ю. Антонов, С. Захаров, О. Газманов, В. Толкунова.

Яркими эпизодами моей биографии являются выступления в дуэтах с великолепными певицами, заслуженными артистками России и очень красивыми женщинами Татьяной Комовой, Армине Саркисян и Лилией Ерохиной. Очень тепло вспоминаю многолетнюю дружбу и совместные выступления с прекрасной и очень популярной певицей Этери Бериашвили. Очень горд тем, что на моём юбилейном концерте Этери покорила зрителей своим необычайно красивым голосом и игрой на рояле.



С Владимиром Шаинским



С Иосифом Кобзоном

Это было недавно, это было давно

Возможно, я вспомнил не всех музыкантов и артистов, с которыми за более чем пятьдесят с лишним лет играл и пел. Но каждый из них, кто больше, кто меньше, помогал мне понемногу восполнять в музыке то, чему мне не удалось учиться в своё время. Спасибо всем. Я счастлив, что сумел стать им партнёром на сцене, а некоторым из них, другом в жизни.



Наши зрители. Театр А. Джигарханяна 2014 год



Короли еврейских свадеб: Лев Беймшлаг и Слава Басалаев

Это было недавно, это было давно



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное учреждение культуры
Государственный камерный оркестр джазовой музыки
имени Олега Лундстрема

105066, Москва
ул. Нижняя Красносельская д. 35
Тел./Факс: (499) 264-3678; 263-8005
E-mail: jazz@post.ru

г-ну Манзону М.Н.

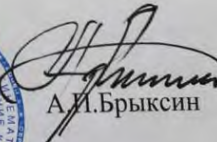
Уважаемый Михаил Наумович!

Дирекция оркестра джазовой музыки имени Олега Лундстрема выражает Вам искреннюю благодарность за выступление, в составе нашего ансамбля, в концерте посвященном «Дню строителей 2009» с ретро-программой «Песни 60-70 гг.» который состоялся 5 августа 2009 года в Москве (Манеж).

Надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество.

С уважением,
Директор оркестра
Заслуженный артист России
Заслуженный работник культуры




А.И.Брыксин

ЕЩЁ ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА



С Гришей в Иерусалиме



Привет, Европа!

Это было недавно, это было давно



1983 г. Мы отмечаем Золотой юбилей



1991 г. Саша на исторической родине

Ещё фотографии из семейного альбома



Мои дети подрастают!

Это было недавно, это было давно



Из семейного альбома



Наши дети выросли!

Это было недавно, это было давно





А вот и пошли внуки: Настенька, Сашенька и Вероничка!

Это было недавно, это было давно



Наши весельчаки!



А вот уже и Лизонька!

Это было недавно, это было давно





Это было недавно, это было давно



Так и идём по жизни с Аликом и Гришей!



Алик с семьёй.



Гриша с Ицхаком Рабиным - то самое фото. См.стр.243



С королём Испании Хуаном Карлосом (Гриша на заднем плане).

Это было недавно, это было давно



Инна, 2006 г.



С народными артистами СССР Аллой Пугачевой (1984 г.) и композитором Александрой Пахмутовой (2007 г.)

Это было недавно, это было давно



С прима-балериной Большого театра Светланой Захаровой



С Борисом Фрумкиным, Яном Арлазоровым и чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым.

Это было недавно, это было давно



**Легендарная Анна Шатилова – 57 лет на телеэкране и
Иван Едешко – олимпийский чемпион,
соавтор «золотых» 3 секунд Олимпиады 1972 года**



**На этом фото папе композитора Алексея Рыбникова
– Льву Самойловичу Беймшлягу 94 года
(играем на свадьбе в Малаховке)**

Это было недавно, это было давно



Смотрим мультфильмы с Сашей, Настей и Вероникой



Анастасия – 2018 г.

Это было недавно, это было давно



Саша и Марина с детьми



Лизонька моложе дедушки на 72 года!



В этом парке старом теперь гуляем парой

Это было недавно, это было давно

Вторник
15
НОЯБРЯ
начало 19:00

Центральный Дом Журналиста

Специальные гости:
Заслуженные артистки России:
ЕЛЕНА СОШНИКОВА
ТАТЬЯНА КОМОВА
Композитор, пианист
АНДРЕЙ РАЗИН
Лауреат джазовых фестивалей
ИГОРЬ ИВАНУШКИН
Участники проекта «Голос»
ЭТЕРИ БЕРИШВИЛИ
ИГОРЬ МАНШИРОВ
Участница проектов «Голос»
и «Главная сцена»
ИДЕЛИЯ
МУХАМЕТЗЯНОВА

Автор, режиссёр и ведущая программы
Композитор **Алла Зохина**

Михаил
МАНЗОН
с юбилейной программой

презентация
нового диска
«Вспоминаю
Утесова,
Бернеса,
Трошина...»

**«РЕТРО ~ НАША
ЮНОСТЬ И ЛЮБОВЬ...»**

в сопровождении оркестра Евгения Тейцлера

АДРЕС: Никитский бульвар, д.8а ст.м.Арбатская Касса (с 12.00-22.00) тел.: 8 (495) 691-5698

ЗАКАЗ БИЛЕТОВ ПО ТЕЛ. 8 - 903 - 716 - 23 - 84

Семейный дуэт